

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский
Томский
государственный
университет

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024

№ 24

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

АЗаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведеников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голик Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головко Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Деришев Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селивристов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолькова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиуллин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формированию и применению законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Свообразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редакторы: К.Г. Шилько, А.А. Цыганкова; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелоюр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 20.12.2024 г. Формат 60x80^{1/8}. Печ. л. 16,5. Усл.-печ. л. 18,6. Тираж 500 экз. Заказ № 6165. Цена свободная.

Дата выхода в свет 15.01.2025 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)-52-98-49; 8(382-2)-52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!**

Ахмедшин Р.Л. Николаю Трофимовичу Ведерникову – 90 лет!	5
---	---

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Антонченко В.В. Актуальность исследования ценностного содержания уголовного права	8
Валеев М.Т. К вопросу о криминологической обоснованности санкций в виде лишения свободы за получение коммерческого подкупа	16
Ковалев Н.С. Содержание принципа равенства перед законом в отраслях права уголовно-правового цикла	20
Мирзаев О.А. Уголовно-правовое значение социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания (исторический аспект)	27
Ольховик Н.В. Пределы, формы и гарантии защиты публичных и частных интересов при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания	33
Трофимов Д.О. Особые военные обстоятельства как обстоятельства, отягчающие наказание	41

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Азаров В.А., Константинова В.А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы судебных решений	48
Бессонова А.О. Обеспечение права лица на возвращение изъятых у него в ходе досудебного производства электронных носителей информации	57
Васильев А.Г. О мере свободы защитника в представлении и исследовании личных доказательств при рассмотрении уголовного дела судом	62
Головачук О.С., Раменская В.С. Актуальные проблемы участия юридических лиц в качестве потерпевших в российском уголовном судопроизводстве	67
Качалов Е.В. Права участников уголовного судопроизводства: обеспечение vs ограничение?	72
Рукавишникова А.А., Плашевский А.А. Обеспечение права пострадавшего (заявителя) и его представителя на доступ к материалам проверки сообщения о преступлении (на основе анализа решений Конституционного Суда РФ)	76
Смирнов В.Е. Использование в уголовном судопроизводстве средств визуализации и моделирования в контексте обеспечения равноправия сторон	84

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Васеловская А.В. Особенности правового статуса и перспективы организации центров probation в России	89
Грушин Ф.В. Уголовно-исполнительные инспекции: пределы прочности	97
Дорожинский А.А. Теоретические основы исполнительной probation, применяемой в отношении осужденных, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции от общества	102
Уваров О.Н. К вопросу о видах режима учреждений, исполняющих лишение свободы	107

КРИМИНОЛОГИЯ

Алыева К.М. Понятие и принципы пенализации наркопреступлений	111
Каракулов Т.Г. Социально-криминологические основания наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград	116
Писаревская Е.А. Рецидивная преступность несовершеннолетних: состояние и основные тенденции	123

КРИМИНАЛИСТИКА

Крынин А.А. Системные и комплексные начала проверки показаний на месте	128
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Трефилов А.А. Задержание в уголовном процессе Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна (часть 2)	135
---	-----

CONTENTS

CONGRATULATIONS ON THE ANNIVERSARY

Akhmedshin R.I. Nikolai Trofimovich Vedernikov is 90 years old!	5
---	---

CRIMINAL LAW

Antonchenko V.V. Criminal law values: on the relevance of the study	8
Valeev M.T. On criminological justification of imprisonment for receiving a commercial bribery	16
Kovalev N.S. The content of the principle of equality under the law in the branches of criminal law	20
Mirzaev O.A. The role of socially significant diseases in the imposition of criminal punishment (a historical aspect)	27
Olkhovik N.V. Limits, forms, and guarantees of protection of public and private interests in conditional early release from serving a sentence	33
Trofimov D.O. Special military circumstances as circumstances aggravating punishment	41

CRIMINAL PROCEDURE

Azarov V.A., Konstantinova V.A. Differentiation of the criminal procedure form of court decisions	48
Bessonova A.O. Ensuring the right of people to return their electronic information media seized from them during pre-trial proceedings	57
Vasiliev A.G. On the measure of the defender's freedom in presenting and examining personal evidence during the consideration of a criminal case by the court	62
Golovachuk O.S., Ramenskaya V.S. Current issues of participation of legal entities as victims in Russian criminal proceedings ...	67
Kachalov E.V. Rights of participants in criminal proceedings: Provision vs. restriction?	72
Rukavishnikova A.A., Plashevskiy A.A. Ensuring the right of the victim (informer) and their representative to access crime report verification materials (based on the analysis of decisions of the RF Constitutional Court)	76
Smirnov V.E. Use of visualization and modeling tools in criminal proceedings in the context of ensuring equality of the parties	84

PENAL LAW

Vaselovskaya A.V. Features of the legal status and prospects for organizing probation centers in Russia	89
Grushin F.V. Penal inspectorates: Limits of strength	97
Dorozhinskiy A.A. Theoretical foundations of executive probation applied to convicts serving sentences and other criminal-law measures without isolation from society	102
Uvarov O.N. On the types of regime in institutions executing prison sentences	107

CRIMINOLOGY

Alyeva K.M. The concept and principles of drug crimes penalization	111
Karakulov T.G. Socio-criminological grounds for punishment in the form of deprivation of a special, military or honorary title, a class rank, and state awards	116
Pisarevskaya E.A. Juvenile recidivism: State and main trends	123

FORENSIC SCIENCE

Krynin A.A. Systemic and comprehensive principles of on-site testimony verification	128
---	-----

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Trefilov A.A. Detention in criminal proceedings in Germany, Switzerland, Austria, and Liechtenstein (Part 2)	135
--	-----

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/24/1

НИКОЛАЮ ТРОФИМОВИЧУ ВЕДЕРНИКОВУ – 90 ЛЕТ!

Рамиль Линарович Ахмедшин¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, raist@sibmail.com

Аннотация. Рассматривается творческий и научный путь видного деятеля российской юстиции, профессора, доктора юридических наук, судьи Конституционного Суда РФ в почетной отставке Николая Трофимовича Ведерникова.

Ключевые слова: Ведерников Николай Трофимович, юбилей

Для цитирования: Ахмедшин Р.Л. Николаю Трофимовичу Ведерникову – 90 лет! // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 5–7. doi: 10.17223/23088451/24/1

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/1

NIKOLAI TROFIMOVICH VEDERNIKOV IS 90 YEARS OLD!

Ramil L. Akhmedshin¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, raist@sibmail.com

Abstract. Nikolai Trofimovich Vedernikov was born on December 17, 1934, in Anzhero-Sudzhensk (in the territory of modern Kemerovo Oblast) in the family of a miner. Thanks to Professor Vedernikov, methodological foundations and curricula for teaching forensic science and legal psychology were initially developed at Tomsk State University and remain the basis of the modern teaching and methodological tools of the Department of Forensic Science of the University's Law Institute. The Department of Forensic Science established by Professor Vedernikov was one of the few departments in the Soviet Union that focused on the problems of investigating crimes and, perhaps, the only one that specialized in studying the personality of a criminal. Professor Vedernikov headed the Department from 1983 to 1990 and resigned due to radical changes in his life. In the 1990s, Professor Vedernikov revealed himself as a multifaceted personality: as a politician, judge, deep scientific administrator, scientist with a wide range of interests.

Keywords: Nikolai Trofimovich Vedernikov, anniversary

For citation: Akhmedshin, R.L. (2024) Nikolai Trofimovich Vedernikov is 90 years old! *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 5–7. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/1

Николай Трофимович Ведерников родился 17 декабря 1934 г. в Анжеро-Судженске (на территории современной Кемеровской области) в семье шахтера. Его отец, хотя и подвергся репрессиям, был убежденным советским человеком – человеком труда. Вероятно, в то сложное время у Николая Трофимовича выработалось умение понимать и принимать крайности, которые хотя и оценивались очень критично, но не отбрасывались как полностью негодные.

Атмосфера в семье сформировала жизненные ценности, которые позволили Николаю Трофимовичу добиваться успехов в областях, порой диаметрально противоположных. Именно это впоследствии помогло собрать вокруг себя учеников с совершенно различными жизненными, политическими (от традиционистских до анархистских) и культурными взглядами, но преданных делу своего Учителя.

В 1957 г. Н.Т. Ведерников окончил юридический факультет Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева и, добившись успеха в системе исполнительной власти, с 1959 г. перешел на преподавательскую работу в университете, где прошел путь от ассистента до профессора.

И кандидатская (1966), и докторская (1981) диссертации Николая Трофимовича были посвящены слабо исследованному, но крайне интересному для пытливого ума феномену – личности преступника.

Благодаря профессору Н.Т. Веденникову в Томском государственном университете была проведена изначальная разработка методических основ и учебных планов преподавания криминалистики и юридической психологии, которые до сих пор являются базой современного учебно-методического инструментария кафедры криминалистики ЮИ ТГУ.

Созданная профессором Н.Т. Веденниковым кафедра криминалистики была одной из немногих в Советском Союзе, акцентированных на проблемах расследования преступлений и, пожалуй, единственной со специализацией на исследовании личности преступника. Руководство кафедрой осуществлялось Николаем Трофимовичем с 1983 по 1990 г. и было прервано из-за радикальных изменений в его жизни.

В 1990-е гг. Николай Трофимович максимально раскрылся как многосторонняя личность – как политик, судья, глубокий научный администратор, ученый с широким кругом интересов.

На I Съезде народных депутатов РСФСР Н.Т. Веденников был избран в Верховный Совет РСФСР. Он был председателем Комиссии Президиума ВС по вопросам помилования, членом Комитета ВС по законодательству, председателем подкомитета Комитета ВС по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью, Конституционной комиссии, депутатской группы «По вопросам воспитания, образования, науки и культуры».

Особой гордостью Николая Трофимовича в тот период была работа в должности Председателя комиссии Президиума Верховного Совета по вопросам помилования. Работа изнуряющая, предельно ответственная и очень объемная. Также он известен как один из разработчиков Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» и концепции законопроекта о едином следственном комитете России.

В 1991 г. Н.Т. Веденников избран судьей Конституционного Суда РСФСР первого созыва.

В 1995 г. включен в состав второй палаты Конституционного Суда РФ, где состоял также в комиссии по бюджету, финансам и управлению. 31 декабря 1999 г. его судейские полномочия были прекращены в связи с достижением 65-летнего возраста, что очень символично – это был день, когда закончилась целая эпоха в истории нашей страны, время 90-х гг. С начала нулевых Николай Трофимович пребывает судьей Конституционного Суда РФ в отставке. С 2000 г. – Советник Конституционного Суда РФ.

Теплые воспоминания вызывает у Николая Трофимовича его активное участие в деятельности экспертной комиссии ВАК при Министерстве образования и науки РФ. Совместно с лучшими представителями научного сообщества он долгие годы формировал молодую интеллектуальную элиту по научным специальностям 12.00.02 и 12.00.09. Именно этому он в основном посвящал время первое десятилетие нашего века – с 2000 по 2010 г.

Будучи классическим советским профессором права, воспитанном в традициях глубокой специализации в рамках одной области правового знания, Н.Т. Веденников смог достойно принять вызовы нового времени и стать не менее достойным исследователем в области, далекой от любимой им криминалистики, в области права конституционного.

В его авторстве вышли две монографии (Изучение личности преступника в процессе расследования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968; Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978), трехтомник избранных трудов, биографическое сочинение «О времени и о себе», более 130 научных статей и ряд публицистических работ.

Свидетельством сформированности научных школ под руководством Николая Трофимовича Веденникова стали успешные защиты 2 докторских и 19 кандидатских диссертаций, в которых исследуются проблемы расследования преступлений и природа конституционно-правовых отношений.

Научно-исследовательские идеи Н.Т. Веденникова в области расследования преступлений продолжают свое развитие в работах его учеников. Так, в рамках определенной им стратегии в середине прошлого века – двухвекового криминалистического исследования личности преступника – Томская школа криминалистов проводит научный поиск как тактико-криминалистического, так и методико-криминалистического исследования личности. В рамках первого подхода его учениками разработана оригинальная типологическая модель личности, позволяющая с совершенно новых позиций разрабатывать эффективные приемы проведения следственных действий. В рамках второго подхода проводятся исследования в области криминалистического профайлинга (установление неизвестного преступника по результатам анализа следов его преступной деятельности).

В настоящее время профессор Николай Трофимович Веденников осуществляет общее научное руководство созданной им кафедрой, в частности определяет основные пути ее развития. Также Николай Трофимович является одним из активных рецензентов редакции «Право» журнала «Вестник Томского государственного университета». Являясь членом диссертационного совета по своей «родной» уголовно-правовой специальности, он продолжает очень критичное восприятие диссертационных исследований, являясь одним из кирпичиков, лежащих в основе здания томской юридической науки.

Уважения заслуживает его активное участие в научных дискуссиях, затрагивающих проблемы исследований, проводимых его учениками. Статус Николая Трофимовича как «гуру криминалистики» и непререкаемого авторитета легко объясняется активным совмещением своего громадного опыта в научной сфере с вечным поиском новых идей, которые позволят бросить вызов проблемам современности в области противодействия преступности.

Научные, общественные достижения, награды, премии Н.Т. Ведерникова: действительный член РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Награжден многочисленными государственными наградами, наградами ТГУ, среди которых: орден РАЕН «За заслуги в развитии науки и экономики» I степени, медали «За доблестный труд. В празднование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970) и «За заслуги перед Томским государственным университетом» (1998). Признан почетным профессором Томского государственного университета.

За заслуги в научно-педагогической деятельности, подготовке высококвалифицированных специалистов и многолетнюю добросовестную работу в 2019 г. Н.Т. Ведерникову была вручена государственная награда – орден Дружбы.

Не менее ценными для Николая Трофимовича выступают успехи его родных – детей и внуков. Сегодня, впрочем, как всегда, он полон творческой энергии, претворяя свои научные, организационные и мировоззренческие идеи в жизнь, что выступает еще одной причиной уважать этого уникального человека.

Коллектив Юридического института Томского государственного университета и все его земляки поздравляют Юбиляра с праздником.

Также заявляем, что находимся в ожидании возможности поздравить его со следующим юбилеем!

Информация об авторе:

Ахмедшин Р.Л. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: raist@sibmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.L. Akhmedshin, full professor, Dr. Sci. (Law), professor at the Department of Forensic Science, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.01

doi: 10.17223/23088451/24/2

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Вадим Викторович Антонченко¹

¹*Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета
ГПС МЧС России, Владивосток, Россия, antovadim@yandex.ru*

Аннотация. Аксиологический подход в уголовном праве, как и в праве вообще, сталкиваясь с реальной действительностью, далекой от идеальных представлений о социальной жизни, не отражает реальность. Однако он является важным ориентиром для развития права и государства, методом сообщения действительности свойств идеального желаемого. Актуальность исследования ценностного содержания уголовного права (как и права вообще) особенно обостряется в период турбулентности социально-политических и правовых явлений.

Ключевые слова: уголовное право, уголовная политика, правовая аксиология, преступление, наказание

Для цитирования: Антонченко В.В. Актуальность исследования ценностного содержания уголовного права // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 8–15. doi: 10.17223/23088451/24/2

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/2

CRIMINAL LAW VALUES: ON THE RELEVANCE OF THE STUDY

Vadim V. Antonchenko¹

¹*Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of St. Petersburg University
GPS EMERCOM of Russia, Vladivostok, Russian Federation, antovadim@yandex.ru*

Abstract. The search for an optimal model of modern criminal policy is a necessary condition for the formation of effective law enforcement activities and, consequently, ensuring the security of the individual, society, and the state. The political and legal foundations of criminal policy are based on those values that the state considers as the most important in the context of an ever-more complex political and legal reality. Identifying the main characteristics of criminal law that ensure its optimality and effectiveness requires defining the legal values and legal interests, its goals and objectives that endow it with a special social value, as well as the basic grounds for its functioning, capable of imparting to this branch the properties that correspond to modern views on social and legal progress. The relevance of studying criminal law values (as well as those of law in general) is exacerbated in a period of socio-political and legal turbulence, which makes legal science turn to the philosophical foundations of legal existence of an individual, society, and state, to provide an understanding of the unity of universal values, legal goals, and means of their achieving. The axiological approach, with value as the fundamental criterion of both current and emerging criminal knowledge, must take into account the significance (value) of the violated benefits (object of the crime) and the extent of harm to social relations that will inevitably be caused by the criminal punishment. Under no circumstances can the harm from punishment exceed the harm (damage) from the crime it was based on. The optimized criminal policy must be based on the humanized criminal sphere as a special case of humanization of all social relations.

Keywords: criminal law, criminal policy, legal axiology, crime, punishment

For citation: Antonchenko, V.V. (2024) Criminal law values: on the relevance of the study. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 8–15. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/2

Введение

Актуальность исследования уголовного права и уголовной политики с точки зрения их ценностного содержания обусловлена, с одной стороны, продолжающейся криминальной экспанссией, появлением новых криминальных угроз, связанных с глобализацией преступности, ее трансграничным характером, появлением новых технологий, увеличивающих количество и качество опасностей для индивида и общества

(цифровая и информационная преступность, терроризм, организованная преступность, формирующаяся по этническому и религиозному принципу и т.д.), а с другой – неудовлетворительным состоянием правоохранительной работы, не показывающей значимых результатов в борьбе с преступностью, высоким уровнем рецидива, а также перманентностью дискуссий в научной среде по вопросам формирования, оценки и перспектив развития российской уголовной политики и уголовного права.

Научное знание о сфере противодействия преступности и обеспечения правопорядка в России занимает существенное место в структуре отечественной правовой науки. Вместе с тем его учет при формировании уголовного законодательства и уголовной политики, направленных на защиту граждан, общества и государства от криминальных угроз, не является достаточным. По единодушному мнению большинства ученых, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство и, как следствие, правоохранительная практика обладают сегодня низкой превентивной эффективностью, обусловленной серьезными дефектами средств и методов борьбы с преступностью, связанными с высокой степенью нестабильности, нерациональной криминализацией деяний, недостаточной целенаправленностью на защиту основных ценностей: жизни и здоровья человека, низким правовосстановительным потенциалом уголовного закона.

Ученые говорят о бессистемности, хаотичности, непоследовательности и необоснованности уголовной политики и уголовного законодательства [1. С. 157]. Поиск оптимальной модели современной уголовной политики является необходимым условием формирования эффективной правоохранительной деятельности и, как следствие, обеспечения безопасности личности, общества и государства. Эффективность правоохранения прямо зависит от степени его рациональности, освобождения данной сферы от влияния на нее исторических заблуждений и ложных теорий, под давлением которых находится не только государственная уголовная политика, но и общественное правосознание. Результаты в сфере охраны правопорядка имеют устойчивую связь с характером уголовной политики государства, отражающей существование социальных отношений на современном этапе развития общества.

Политические и правовые основы уголовной политики опираются на те ценности, которые государство в условиях непрестанно усложняющейся политико-правовой реальности полагает важнейшими. Выявление основных характеристик уголовной политики, обеспечивающих ее оптимальность и эффективность, невозможно без определения существа правовых ценностей и правовых интересов, целей и задач уголовного права, которые наделяют его качеством особой социальной ценности, а также базовых оснований функционирования уголовного права, способных сообщить данной отрасли свойства, соответствующие современным взглядам на социальный и правовой прогресс [2. С. 2–16].

Исследование роли и места уголовного права и его суперинститута – уголовного наказания, в социальной жизни; приращение нового знания об их влиянии не только на правоохранительную практику, но и в целом на прогресс общества и государства являются критической необходимостью, без которой социум, законодатель и правоприменитель не будет способен получить представления о возможностях государственного насилия и ценности уголовно-правовой репрессии, оказывавшей положительное влияние на уровень личной, общественной и государственной безопасности.

Практическое решение задач в области противодействия преступности и, одновременно, необходимость соблюдения баланса между легальным государственным принуждением и обеспечением конституционных прав человека, требуют расширения теоретических знаний о философских основах правобытия индивида, общества и государства. Это наделяет ценностное содержание и философский дискурс уголовного права новым актуальным звучанием, не постигаемым без обращения к теоретико-мировоззренческим постулатам социогуманитарных наук, обеспечивающим диалектическое единство правовых целей и правовых средств их достижения.

Развитие государства и права всегда связано с эволюцией взглядов на их роль и место в жизни индивида и общества. В полной мере это относится и к сфере противодействия преступности, выполнению задач правоохранения по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Представления о тождестве социальной философии и права были доступны ученым еще в XVIII в. [3]. Востребованным для формирования уголовной политики, соответствующей современным криминальным вызовам и угрозам и, одновременно, отвечающей научным представлениям о прогрессивном направлении развития общества, государства и права, является также обращение к философским основаниям уголовного права, способным согласовать его нормы с положениями других правовых отраслей, прежде всего с конституционным правом. Необходимостью является также изучение исторического и зарубежного опыта правоохранения и борьбы с преступностью, особенно позитивного, требующего перцепции отечественным правом, законодательством и правоприменительной практикой.

Проблемам правовой аксиологии, ценностного содержания уголовного права и уголовной политики отечественная юридическая наука уделяла значительное внимание. Исследования в данной сфере всегда отражали текущий политический этап в развитии государства, запросы юридической практики в связи с той социально-политической обстановкой, которая складывалась в обществе в конкретно-исторических условиях его существования.

Выдающиеся отечественные юристы XIX в. Н.П. Карабчевский, А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, Н.Д. Сергиевский, Д.В. Стасов, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Б.Н. Чичерин и другие, показав на своем примере, каким может быть единство морально-нравственных ценностей, личных качеств и высокого интеллекта, составили национальную гордость России. Существенный вклад в формирование научных взглядов в области уголовного права и уголовной политики в это время внесли ученые Л.Е. Владимиров, М.Н. Гернет, С.К. Гогель, М.В. Духовской, И.В. Есипов, А.П. Мокринский, Н.А. Неклюдов, А.А. Пионтковский-старший, В.И. Сергеевич, М.П. Чубинский. В раннесоветский период (1918–1930-е гг.) исследованиями данной сферы с ограничениями, накладываемыми на них социально-политической обстановкой в условиях строительства нового Советского государства, занимались

С.Я. Булатов, Н.В. Крыленко, А.А. Пионтковский-младший, Н.И. Скрыпник, А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский, А.С. Шляпочников, А.Я. Эстрин.

В так называемый период «развитого социализма» возрождение научных знаний о праве и уголовно-правовой науке обязано творчеству В.А. Владимира, А.А. Герцензона, П.С. Дагеля, Ю.А. Демидова, Н.И. Загородникова, В.Н. Кудрявцева, Ю.И. Ляпунова, Н.А. Стручкова и других ученых. Важную роль в расширении системного знания о преступлениях, преступности, ее связи с социальными и политическими процессами в обществе и контроле над ней имеют труды Г.А. Аванесова, М.М. Бабаева, Н.А. Беляева, А.И. Бойко, С.В. Бородина, С.С. Босхолова, Я.И. Гилинского, Л.Д. Гаухмана, Ю.В. Голика, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, Н.Г. Иванова, И.Я. Козаченко, А.И. Коробеева, В.А. Номоконова, Ю.Е. Пудовочкина, А.А. Тер-Акопова и многих других ученых, которые внесли неоценимый вклад не только в познание процессов формирования преступного поведения, генезиса преступности и реакции (как имеющейся, так и возможной) на нее государства, но и лежащих в основе правовой реальности проблем бытия права, его онтологии и правовой аксиологии.

Кардинальные трансформации в жизни общества и государства требуют нового знания, которое по объективным причинам не могло быть обретено наукой в иных социально-политических, криминогенных и правовых условиях. Рациональный подход к инструментам уголовного права и уголовной политики, основанный на современных представлениях о праве и охраняемых им ценностях, учитывающий научно обоснованные доводы криминологов, должен следовать определенной рациональной закономерности, оказывающей прогрессивное влияние на развитие общества, жизнь и мировоззрение людей. Рационализация представления о возможностях уголовного права и уголовной репрессии по их контролю над преступностью требует трансформации правосознания, освобождения его от мифологии и иррационализма, которые до сих пор владеют общественным сознанием, отражающимся в деятельности законодателя и правоприменителя.

Ценостные свойства права и особенно той его отрасли, которая связана с возможностью обращения государства к наиболее сильным формам легального насилия, приобретают в условиях серьезных социально-политических трансформаций очень важный характер. Качество теоретического осмыслиения ценностного содержания уголовного права, законодательства и правоприменительной практики, лежащего в основе принципов формирования уголовной политики современного государства и определяющего направление ее развития, напрямую влияет на общественную безопасность и, следовательно, на благополучие и безопасность граждан и всего государства.

Отечественная уголовная политика России должна формироваться в соответствии с положениями о защите правопорядка и борьбе с преступностью, отраженными в нормах Конституции РФ, международных правовых актах, федеральных законах. К сожалению, даже такое

очевидное умозаключение требует сегодня специальной защиты и дополнительного научного обеспечения. В соответствии с конституционными установлениями Российской Федерации – это демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, а высшей ценностью государства является человек, его права и свободы; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 1 Конституции РФ). Данные положения Основного закона указывают на намерение России развиваться в направлении, которое подтвердило свою эффективность опытом ведущих мировых держав, добившихся значимых успехов в обеспечении благополучия и безопасности граждан. Указанные конституционные положения, будучи воплощены на практике в социальной жизни, во взаимоотношении государства со своими гражданами, а также став основой для формирования принципов правоохранения и борьбы с преступностью, позволят существенно изменить количественные и качественные показатели преступности, коренным образом изменят систему обеспечения правопорядка, сделав безопасность граждан национальным приоритетом.

Являясь наиболее сильным инструментом воздействия на общественные отношения, уголовное право должно быть наполнено особым ценностным содержанием. Диалектика и аксиология уголовно-правовых отношений, проявляющаяся в государственных мерах по противодействию преступности, заставляет вновь обращаться к поиску ответов на фундаментальные вопросы, уже давно получавшие внимание юридической науки: что есть преступность и какой должна быть борьба с ней? [4]. Онтология правоохранения и аксиология уголовной политики современного государства не может быть познаваема без обращения к ценностной сфере уголовного права и его методов, ценности самого права, определяемой его способностью реагировать на причинение вреда ценностям, интересам и благам, которые человек и общество считают настолько важными, что соглашаются с их охраной наиболее репрессивными методами принуждения и легального государственного насилия.

Существо правовых ценностей и правовых интересов, а также целей и задач уголовного права, которые наделяют его качеством особой социальной ценности [5], в эпоху важных социально-политических трансформаций требует специального исследования. Универсальные (абсолютные) ценности, фундаментальные человеческие потребности, имеющие непреходящее значение во времени и пространстве и не подверженные влиянию политической конъюнктуры, будучи базовыми основаниями функционирования уголовного права, способны сообщить данной отрасли свойства, соответствующие современным взглядам на социальный и правовой прогресс. В правовом демократическом государстве эти ценности интерпретируются через понятие прав и свобод человека и гражданина, к которым относятся, прежде всего, жизнь и здоровье человека, его свобода и безопасность. Цель уголовного права состоит в защите ключевых ценностей; являясь наиболее сильным инструментом воздействия на общественные отношения,

уголовное право не может позволить себе защиту тех общественных отношений, охрана которых может быть успешно осуществлена средствами других правовых отраслей либо неправовыми, прежде всего, морально-нравственными методами. Излишняя репрессивность уголовного закона или практики его применения обесценивает роль уголовно-правовых средств в борьбе с реальной преступностью, не повышает, а снижает эффективность усилий правоохранительных органов в этой сфере.

Ценностное содержание уголовной политики определяется как объективными, так и субъективными дeterminантами, требующими анализа причинно-следственных связей социально-правовой реальности через интегративные усилия юриспруденции, философии, социологии, психологии и других социогуманитарных дисциплин. Онтология права, изучающая фундаментальные принципы бытия права, и правовая аксиология, связанная с ценностным наполнением права, по мере усложнения права и социальной жизни в целом становятся быть достоянием лишь узкого круга специалистов, обсуждающих проблемы социальной философии, связанные с существованием права в прошлом и в современном обществе. Фундаментальные философско-правовые представления и положения теоретического знания о направлениях и характере развития государства и права, социальном прогрессе, обеспечивающем благополучие и безопасность индивида и общества, должны лежать в основе практической деятельности профессионального юриста (судьи, прокурора, следователя, адвоката).

Ввиду серьезных изменений в сфере отечественной политики-правовой реальности традиционные подходы к криминализации и пенализации деяний, рациональности различных видов наказаний, их превентивной способности, функциям восстановления социальной справедливости и исправления преступника, возмещению вреда, причиненного преступлением, подлежат качественному аксиологическому осмыслению. Представляется, что деятельность государства по формированию уголовной политики и уголовного права будет эффективна настолько, насколько плодотворными будут усилия отечественной правовой науки по решению следующих задач:

- по поиску критериев научности и научных методов в ценностно-смысловой сфере, отражающей объективные процессы социально-правовой реальности в субъективном сознании;

- актуализации научного теоретического знания об обоснованности ценностного подхода в праве вообще и в уголовном праве, в частности, определение качества права по его отношению к универсальным ценностям;

- научному поиску круга общественных отношений, ценностей и благ, подлежащих уголовно-правовой охране, и способности определения для этой цели тех ценностей, которые имеют универсальный (абсолютный) характер;

- выявлению основных характеристик уголовной политики, обеспечивающих ее оптимальность и эффективность с учетом требования к согласованию различных

интересов, разрешению конфликтов и защите от правонарушений;

- определению понятия, ценностного содержания и принципов уголовной политики, в том числе с учетом положительного опыта как в отечественной истории правоохранения, так и в практике правоохранения зарубежных государств;

- оценке ценности уголовного наказания в зависимости от его исправительной и превентивной эффективности;

- анализу ценности упреждающих государственных мер организационного, правового и неправового характера, направленных на увеличение роли средств и способов реосоциализации и реадаптации преступников, внепенитенциарной и постпенитенциарной пробации, способствующих их исправлению.

Уголовная политика как важнейшее направление внутренней политики страны, и уголовное право, лежащее в ее основании, требуют конструктивного анализа с передовых научных позиций, учитывающих современное состояние политico-правовой системы государства и критерии социального прогресса, соответствующие передовым философско-правовым представлениям о должном в общественной жизни, о направлении эволюции государства и права, обеспечивающем благополучие и безопасность индивида и общества.

Эволюция уголовной политики должна учитывать необходимость такой организации борьбы с преступностью, которая бы не подвергала общество опасностям от излишней и необоснованной репрессивности правоохранительных мер, учитывала бы принципиальные позиции в сфере обеспечения прав человека и гражданина. Методологическое значение для формирования уголовной политики имеет вопрос сокращения неизбежного вреда от применения мер уголовной репрессии, который ни при каких обстоятельствах не может превышать вред (ущерб) от явившегося его основанием преступления. Разрешению подлежит проблема возможности рациональной криминализации деяний и определения ее фундаментальных основ, предопределяющих свойства уголовной политики государства. Практическое значение имеет научный поиск круга общественных отношений, ценностей и благ, подлежащих уголовно-правовой охране, и способности определения для этой цели тех ценностей, которые имеют универсальный (абсолютный) характер. Процесс криминализации деяния (признание деяния преступным) должен в первую очередь основываться на определении наиболее важных общественных отношений (универсальных ценностей, абсолютных благ), требующих особой защиты средствами уголовного права [6. С. 160–170]. Таким универсализмом в ряду интересов, которые должны пользоваться особой защитой государства, обладают, прежде всего, фундаментальные права человека: право на жизнь, здоровье, свободу, собственность и безопасность. Именно в отношении необходимости защиты этих ценностей сходятся позиции граждан и публичной власти. Ценности и блага первичны, абсолютные ценности универсальны и фундаментальны. Нанесение вреда этим ценностям признается преступлением в индивидуальном и

общественном сознании и отражается в уголовном законодательстве всех стран.

Общественно-опасные деяния не существуют в отрыве от ценностей, они покушаются на них, т.е. производны от них, вторичны. Общественная опасность деяний должна быть факультативным, вторичным после определения круга универсальных ценностей элементом, влияющим на признание деяния преступным.

Уголовно-правовое воздействие имеет социальное предназначение и должно быть средством поддержания стабильности нормативной системы общества [2, 7]. Одним из основных свойств уголовной политики государства должна быть стабильность лежащего в ее основе уголовного законодательства. Вместе с тем Уголовный кодекс России, действующий с 1997 г., к настоящему времени претерпел беспрецедентное количество редакций: за прошедшие годы более чем тремястами федеральными законами и постановлениями Конституционного суда РФ в него внесены несколько тысяч поправок. Это обстоятельство свидетельствует о серьезнейших проблемах в важнейшей отрасли права, находящейся в авангарде борьбы с общественно-опасными деяниями.

Социальный механизм уголовно-правового воздействия получил достаточное освещение еще в советский период существования государства [8]. Уголовное законодательство как механизм уголовной политики на всем протяжении истории соответствовало социально-экономическим и политическим отношениям. Однако оно не только было производным от них, но и в определенной степени само их формировало. Тысячелетняя трансформация государственных правил о наказании имеет явную тенденцию к гуманизации и его цели: от мести и устрашения к возмездию, каре и, в наши дни, к восстановлению социальной справедливости и исправлению преступника. Еще большая гуманизация повлияла на виды наказаний: от телесных наказаний, варварского членовредительства и квалифицированных видов смертной казни к их полному запрету и от тюрем как основного вида наказания к акцентуации на мерах, не связанных с изоляцией от общества. На протяжении многих веков в России доминировала пенологическая доктрина устрашения; перманентное нарастание тяжести уголовно-правовой репрессии лишь изредка прерывалось периодами гуманизации уголовного права и либерализации законодательства [9. С. 144–155]. Сегодня принцип талиона продолжает бытовать в общественном сознании: например, смертная казнь нередко воспринимается общественностью как торжество воздающей справедливости. Более того, не только в общественном сознании, но и в юридической науке существует мнение о возможности повысить нравственный уровень современного общества методами ужесточения наказания [10. С. 208]. Данное умозаключение требует поиска ответов на вопросы, как минимум, о том, что такое нравственный уровень современного общества; каким образом и в каких единицах он должен измеряться и с чем сравниваться; какой уровень является приемлемым и какие виды и меры наказания необходимы для его достижения. Данные вопросы не столько выводят нас за пре-

делы уголовно-правовой науки, сколько сообщают исследователю о необходимости искать опору в философском основании и аксиологии уголовного права и возвращаться к вопросам о том, что есть преступление, каково может быть наказание и, прежде всего, в чем его цель – не декларируемая, а реально достижимая.

Современное понимание назначения и функций публичной власти связано с гармонизацией общественных отношений, а значит, деятельность государства должна быть направлена на сокращение зла не только от совершаемых преступлений, но и от применения наказаний. Незэффективные, нерациональные наказания, не направленные на возмещение вреда, служащие цели удовлетворения эмоций и древних инстинктов мести, должны быть исключены из арсенала уголовно-правовых средств. Сила легального принуждения, освобожденная от догматики прошлого и направленная на достижение рациональной цели, должна быть разумной, обоснованной и экономичной.

Исторический метод (историко-критический метод) исследования уголовного права, отображение причинно-следственных связей в контексте условий бытия социума в конкретное время не препятствуют его осмысливанию через призму гуманного либо антигуманного содержания уголовного закона. Причинение неблагоприятных последствий преступнику имеет в своем основании исторически сложившуюся на всем протяжении существования человеческой цивилизации практику мести, основанную на иррациональных свойствах эмоциональной сферы человека. Данная практика, воплощаемая в уголовной политике государства, не способствует сокращению преступности; наоборот, увеличивая количество преступлений (через криминализацию деяний) и осужденных за них (через их пенализацию) и ухудшая качественные показатели преступности (через широкое применение лишения свободы, способствующее дегуманизации общества и профессионализации криминальной сферы), она осложняет криминальную ситуацию.

Новый общественный уклад и реалии сегодняшнего дня требуют дальнейшего развития научного знания о наказании, которое является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на общественные отношения [11. С. 56, 68]. Научный поиск, направленный на понимание существа наказания, должен учитывать новые достижения уголовно-правового, криминологического и пенитенциарного знания, освобождающего социум от ставших привычными предрассудков и иллюзий о возможностях наказания как основного средства контроля над преступностью и, следовательно, о его целях. Концепция восстановительного правосудия, долгое время находящаяся на периферии уголовного права (а то и отрицавшаяся его теорией), должна занять в данной сфере центральное место. Этот разворот законодательства и правоприменения от мифологизации уголовно-правовой сферы в сторону ее рационализации должен начинаться с изменения философии и идеологии наказания [12. С. 11–18].

Значимое место в системе противодействия преступности должен занимать анализ зарубежных правоохранительных технологий.

Воспринятие российской правовой системой полезных свойств и опыта правоохранения, доказавших свою эффективность, способно повысить ее качество.

Отечественной правоохранительной системе необходимо адаптироваться к новым криминальным угрозам и рискам, возникающим вследствие глобализации всех ключевых экономических, политических и культурных процессов, усложнения социальных связей и обострения социальных (а также национальных, религиозных и т.д.) конфликтов. Правоохранительная деятельность, реагируя на криминальные угрозы, прежде всего, не должна сама порождать новые риски для общественной безопасности и стабильности. Уголовное право, являясь наиболее мощным инструментом воздействия на общественные отношения, требует крайне осторожного применения осознанием и формулированием сходящих в его круг ценностей, стоящих перед ним целей и защищаемых его нормами интересов. Руководящей идеей строительства уголовного права и применения уголовного законодательства должна стать экономия уголовной репрессии. Принцип экономии уголовной репрессии должен быть реализован на двух уровнях: во-первых, при конструировании уголовно-правовых запретов и определении характера наказуемости деяний (пенализации); во-вторых, в процессе назначения уголовного наказания в судебной практике. Свое выражение экономия уголовной репрессии должна получить через: а) максимальную декриминализацию деяний, не угрожающих абсолютным ценностям; б) максимальное ограничение применения в качестве наказания лишения свободы, которое должно назначаться лишь за тяжкие преступления против личности и, как следствие, широкое применение наказаний, не связанных с изоляцией насильственного преступника от общества (штраф, конфискация имущества, обязательные работы, ограничение свободы; в) снижение в большинстве случаев срока наказания в виде лишения свободы до уровня, при котором у осужденного не наступают необратимые негативные психологические изменения. Срок лишения свободы, превышающий пять лет, должен назначаться лицу в исключительных случаях и только за насилиственные преступления против личности.

Кriminologicheskoe (прежде того социальное) обеспечение уголовной политики, выражющееся в практической деятельности законодательных и правоохранительных органов по максимально возможной экономии уголовной репрессии, рационализации и гуманизации этой сферы, способно сократить масштабы и изменить качественные характеристики преступности.

Подлежит оценке, свободной от традиционного груза исторических заблуждений, реальная возможность превентивной функции наказания. Нормы уголовного права необходимо избавить от излишней нерациональной репрессивности, а функции наказания не должны опираться на иллюзии, пусть даже и имеющие многовековую историю. Требует системного исследования проблема экономии уголовной репрессии, которая должна осуществляться на двух уровнях: при формировании уголовного законодательства (подавляющее большинство предусмотренных законом наказаний не

должно быть связано с изоляцией от общества) и при вынесении приговора по конкретному уголовному делу (лишение свободы должно применяться лишь к преступникам, продолжающим представлять опасность для общества в связи с совершением ими преступлений против личности). Требуется строгая оценка свойств уголовной политики и их связи с количественными и качественными показателями преступности. Недопустимым является увеличение количества преступлений и осужденных за них (через криминализацию деяний) и ухудшение качественных показателей преступности (через широкое применение лишения свободы, способствующее дегуманизации общества и профессионализации криминальной сферы), осложняющих криминальную ситуацию в стране.

Вместе с тем степень уголовно-правовой защищенности личности, прежде всего, от насилиственных преступлений, представляющих наибольшую опасность, должна быть значительно повышена. В нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ должны быть исключены формулировки «двух или более лиц» (ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 109, п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ и др.), обесценивающие права любого третьего и последующих потерпевших. При квалификации деяний должен учитываться вред, нанесенный каждому потерпевшему. Общее наказание без установления его верхней границы должно назначаться путем полного сложения наказаний за причинение вреда каждому потерпевшему.

Требуется выявление и анализ эффективности упреждающих государственных мер организационного, правового и внеправового характера, направленных на сокращение неэффективных наказаний и одновременное увеличение роли средств и способов ресоциализации и реадаптации преступников, внепенитенциарной и постпенитенциарной пробации, способствующих их исправлению. Необходимо выявление неэффективных наказаний с целью исключения их из санкций уголовно-правовых норм. Требуется оценка обоснованности наличия в уголовном законе мер (наказаний), которые не применяются длительное время.

Из правоохранительной практики должны быть исключены нерациональные виды и непропорциональные совершенному деянию размеры государственного принуждения. В современном демократическом правовом государстве и обществе, которое стремится к прогрессу, определение преступности деяний и включение их в уголовный закон должно производиться исходя из иерархии универсальных общечеловеческих ценностей. Такие же ценностные основания должны служить фундаментом для построения теории общественной опасности (и общественной безопасности), свободной от частных, групповых (классовых) интересов и предпочтений властных субъектов права.

Основные усилия правоохранительной деятельности должны быть подчинены уменьшению вредных последствий от преступления и предотвращению совершения новых преступлений, но уже на новых принципах, не использующих устоявшиеся заблуждения по поводу превентивной возможности устрашения и исправления преступников.

Уголовное право как наука и как отрасль законодательства должно сместь акценты с собственно «наказательной» роли, обращенной исключительно к преступнику, на правовосстановительную, посвященную также и интересам потерпевшего, восстановлению его нарушенных прав. Представляется, что такой подход позволит более качественно выполнять задачи, определенные ст. 2 УК РФ, состоящие в охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечении мира и безопасности человечества, а также предупреждении преступлений.

Мудрость законодателя и правоприменителя в сфере борьбы с преступностью состоит в соблюдении баланса, в непричинении действием закона вреда большего, чем причинено преступлением. Государство, создающее через право стандарты поведения человека в обществе, должно определять современный и цивилизованный эталон гуманного отношения к индивиду, распространяющий на все сферы социальной жизни, в том числе и в пенитенциарных учреждениях.

Заключение

Ценностный подход в уголовном праве, как и праве вообще, является не только обоснованным, но и представляет собой фундамент, на котором должна строиться теория и практика воздействия уголовного права на состояние защиты важнейших общественных отношений и влияния права на социальные отношения. Универсалитет данного подхода при анализе правовых явлений антропологического и социального свойства, в полной мере применим к сфере права и правоохранения, лежащей в основе государственно-правового строительства.

Аксиологический подход, закладывающий в фундамент как существующего, так и нового уголовно-правового знания критерий ценности, должен учитывать значимость (ценность) нарушенного блага (объекта преступления) и меру вреда общественным отношениям, который неизбежно будет причинен применением уголовного наказания. Ни при каких обстоятельствах вред от наказания не может превышать вред (ущерб) от явившегося его основанием преступления.

Уголовное право должно охранять наиболее важные общественные отношения (интегративные ценности), выражющие правовые интересы и цели всего социума и не подверженные влиянию политических, экономических, идеологических, религиозных и иных подобных факторов, имеющих значение для отдельных индивидов, их групп и социальных общностей. К таким ценностям относятся универсальные (абсолютные) блага (ценности), защищаемые правом во всех государствах в обозримом историческом периоде: жизнь человека, его здоровье, свобода, безопасность. Кроме основных универсальных ценностей уголовное право должно защищать те общественные отношения, которые содействуют прогрессивному развитию общества и государства: неприкосновенность личности и собственности, юридическое равенство между людьми.

Очевидным следствием из аксиомы о приоритете прав человека (ст. 2 Конституции РФ) как исходной нормы для формирования всего законодательства является постулирование главной задачи уголовной политики: защита прав и свобод человека и гражданина. Сегодня ни одно из предусмотренных Уголовным кодексом РФ наказание не связано с удовлетворением интересов потерпевшего. Психология наказания так или иначе преследует цель мести преступнику. Эта цель реально существует в индивидуальном и общественном правосознании («возмездие», «воздаяние», «карь»), а также в законодательстве, скрываясь за термином «восстановление социальной справедливости». Государство должно учитывать негативные стороны феномена наказания, отягощающего социальное бытие, и воздерживаться от установления и применения нерациональных и отрицательно влияющих на общество наказаний, сутью которых является месть (кара, возмездие) преступнику. Лишение свободы может применяться лишь за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности. Целью уголовного правосудия должна быть не месть преступнику, а как возможно более полное восстановление прав потерпевшего через использование в уголовном праве принципов правовосстановительного (компенсаторного) правосудия. Назначение вида и меры наказания, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, условно-досрочное освобождение должны быть поставлены в прямую зависимость от условия возмещения вреда, причиненного преступлением. Необходимо использовать и само уголовное наказание в качестве правовосстановительной меры (штраф в пользу потерпевшего).

В основе оптимизации уголовной политики должна лежать гуманизация уголовно-правовой сферы как частного случая гуманизации всех общественных отношений. По отношению к потерпевшему гуманизация проявляется в бескомпромиссной позиции государства по защите человека, его прав (прежде всего жизни и здоровья) и свобод, наиболее полному восстановлению нарушенных преступлением ценностей. В отношении преступника гуманизм проявляется через установление в законе и применение на практике рациональных видов наказания, которые во всех возможных случаях не должны быть связаны с изоляцией от общества. В случае невозможности применения таких наказаний к индивидам, представляющим, в силу совершенного ими деяния, опасность (почти исключительно насилиственным преступникам), может применяться их изоляция – в этом состоит гуманизм по отношению к обществу.

Оценка современной криминальной ситуации в России, новый взгляд на уголовное право и концептуальные основы формирования уголовной политики правового демократического государства, согласующиеся с ценностным подходом к криминализации общественно-опасных деяний, новый подход к функциям и целям уголовного наказания, обращенным не на восстановление социальной справедливости, возможность которого крайне неопределенна, а на возмещение причиненного преступлением вреда, выявление особой роли гуманизации уголовной политики как частного случая глобального процесса гуманизации всех социальных отношений, способного наполнить

уголовную политику новым содержанием, должны получить развитие в отечественной криминологии и теории уголовного права. Научные изыскания в данной сфере должны быть фундаментом правовой базы в сфере обеспечения правопорядка, общественной безопасности и контроля над преступностью, в правоприменительной

деятельности для решения практических задач по предупреждению преступности и борьбе с ней, назначению и исполнению уголовных наказаний, организации мер по исправительному воздействию, ресоциализации и реадаптации осужденных, в том числе и в местах лишения свободы.

Список источников

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2018. 296 с.
2. Нерсесянц В.С. Правовое государство: история и современность // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 2–16.
3. Гегель Г.В. Философия права / пер. Б.Г. Столпнер. М. : ИЮрайт, 2023. 292 с.
4. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку : Элм, 1992. 196 с.
5. Неновски Н. Право и ценности / вступит. ст. и пер. В.М. Сафонова ; ред. В.Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987. 248 с.
6. Антонченко В.В. Ценностные основания криминализации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 2. С. 160–170. doi: 10.24866/1813-3274/2024-2/160-170
7. Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права. Красноярск, 1993. 256 с.
8. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. : Наука, 1983. 184 с.
9. Антонченко В.В. Историко-теоретический подход в осмыслиении уголовной политики России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 144–155.
10. Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб. : Юрид. центр, 2016. 224 с.
11. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. 400 с.
12. Антонченко В.В. Наказание и концепция восстановительного правосудия в уголовном праве // Jus strictum. 2024. № 2. С. 11–18.

References

1. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2018) *Problemy rossiyskoy ugovolnovoy politiki* [Problems of Russian Criminal Policy]. Moscow: Prospekt.
2. Nersesyaants, V.S. (1989) *Pravovoe gosudarstvo: istoriya i sovremennost'* [The rule of law: history and modernity]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 2–16.
3. Hegel, G.W. (2023) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German by B.G. Stolpner. Moscow: Yurayt.
4. Alikperov, Kh.D. (1992) *Prestupnost' i kompromiss* [Crime and Compromise]. Baku : Elm.
5. Nenovski, N. (1987) *Pravo i tsennosti* [Law and Values]. Translated from English by V.M. Safronov. Moscow: Progress.
6. Antonchenko, V.V. (2024) *Tsennostnye osnovaniya kriminalizatsii* [Value bases of criminalization]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*. 26 (2). pp. 160–170. doi: 10.24866/1813-3274/2024-2/160-170
7. Uss, A.V. (1993) *Sotsial'no-integrativnaya rol' ugolovnogo prava* [The socially integrative role of criminal law]. Krasnoyarsk: SFU.
8. Kogan, V.M. (1983) *Sotsial'nyy mekhanizm ugolovno-pravovogo vozdeystviya* [The social mechanism of criminal-legal influence]. Moscow: Nauka.
9. Antonchenko, V.V. (2024) *Istoriko-teoreticheskiy podkhod v osmyshlenii ugolovnoy politiki Rossii* [A historical and theoretical approach to understanding Russian criminal policy]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 1 (77). pp. 144–155.
10. Ragimov, I.M. (2016) *O nравственности наказания* [On the Morality of Punishment]. St. Petersburg: Juridicheskiy tsentr.
11. Zhalinskiy, A.E. (2016) *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz* [Criminal Law in Anticipation of Changes: A Theoretical and Instrumental Analysis]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
12. Antonchenko, V.V. (2024) *Nakazanie i kontsepsiya vosstanovitel'nogo pravosudiya v ugolovnom prave* [Punishment and the Concept of Restorative Justice in Criminal Law]. *Jus strictum*. 2. pp. 11–18.

Информация об авторе:

Антонченко В.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Владивосток, Россия). E-mail: antovadim@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Antonchenko, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: antovadim@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

Научная статья
УДК 343.2

doi: 10.17223/23088451/24/3

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ САНКЦИИ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

Марат Тагирович Валеев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mtv66@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема криминологической обоснованности санкций в виде лишения свободы за получение коммерческого подкупа. Анализируется правоприменительная практика назначения наказания, на основе которой автор приходит к выводу о завышенной репрессивности санкций в этой части. Предлагается вариант решения, который позволил бы преодолеть сложившуюся ситуацию.

Ключевые слова: наказание, коммерческий подкуп, криминологическая обоснованность санкции

Для цитирования: Валеев М.Т. К вопросу о криминологической обоснованности санкций в виде лишения свободы за получение коммерческого подкупа // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 16–19. doi: 10.17223/23088451/24/3

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/3

ON CRIMINOLOGICAL JUSTIFICATION OF IMPRISONMENT FOR RECEIVING A COMMERCIAL BRIBERY

Marat T. Valeev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mtv66@yandex.ru

Abstract. The explanatory note to Federal Law No. 324 of the Russian Federation, which resulted in a structural and significant increase in sanctions in Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, explained the amendments, among other things, by "the need to fulfill the international legal obligations assumed by the Russian Federation, in particular Article 1 of the OECD Anti-Bribery Convention." The preamble to the Convention indicates that bribery has become widespread in international transactions, including trade and investment, which causes serious moral and political problems, undermines the effectiveness of governance, damages economic development, and distorts the conditions of international competition. Although Article 1 of the Convention does speak about bribery of foreign officials, it provides for the need to take measures to recognize the illegal receipt or retention of a commercial or other undue advantage as dangerous and punishable acts. In 2022, the process of Russia's admission to membership in the OECD Anti-Bribery Convention was terminated at the initiative of the Organization itself. This may become another argument for solving the above-mentioned problem through humanization by constructing a sanction of imprisonment without a lower limit, that is, in the form before the integrational changes of 2016.

Keywords: punishment, commercial bribery, criminological justification of the sanction

For citation: Valeev, M.T. (2024) On criminological justification of imprisonment for receiving a commercial bribery. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 16–19. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/3

Незыблемым постулатом уголовного права является тезис о необходимости социальной обоснованности его норм. В философии под обоснованием понимают процесс нахождения и изучения основания. Под основанием же понимается необходимое условие, являющееся предпосылкой существования каких-либо явлений и служащее их объяснением.

Иными словами, наличие основания – наличие действительной потребности в существовании явления в таком, а не ином виде. Л.М. Прозументов, рассуждая о социальной обоснованности уголовно-правового запрета (криминализации), отмечает, что она складывается из социально-экономической, социально-психологической

и криминологической обоснованности [1. С. 10]. Полагаем, аналогичная логика оправдана и при обосновании результатов пенализации, отраженных в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Если социально-экономическая обоснованность санкций уголовно-правовых норм предполагает наличие ресурсов, необходимых для исполнения наказания (аспект издержек) и предполагает оценку экономического результата, который может быть достигнут при применении наказания (аспект сбережения), то социально-психологическая обоснованность – это совокупность устоявшихся представлений общества о справедливом (необходимом и достаточном) соответствии наказания

преступлению. К последней можно отнести, например, готовность общественного сознания к наличию в уголовном законе смертной казни, пожизненного лишения свободы, представления, количестве и качестве уголовной репрессии в конкретных наказаниях, об относительной (между собой) ценности охраняемых уголовным законом благ, возрасте, по достижении которого допустимо применение отдельных наказаний, и т.д.

Однако неменьшее значение для построения санкций уголовно-правовых норм имеет их криминологическое обоснование. Если экономическая и психологическая обоснованность носит общий характер, относящийся к обоснованности вообще норм любых отраслей, то криминологическая носит специальный характер, так как наиболее полно отражает связь санкций за преступление с самим преступлением. Между тем криминологической обоснованности при пенализации внимание уделяется намного реже, нежели обоснованности криминализации, либо не уделяется вовсе, что в последующем создает почву для критики ее результатов. Как следствие, подавляющее большинство изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ, касались именно санкций.

Криминологическая обоснованность любой санкции уголовно-правовой нормы, в том числе санкций за получение коммерческого подкупа, на наш взгляд, зависит от предмета криминологии. Большинство отечественных исследователей включают в него следующие части:

- 1) преступность как социальное и уголовно-правовое явление;
- 2) личность преступника;
- 3) детерминанты преступности;
- 4) предупреждение преступности.

Переходя непосредственно к теме работы, отметим необходимость отличия первичного и вторичного законотворчества при конструировании санкций уголовно-правовых норм. Первичное (пенализация) осуществляется при принятии вообще нормы об ответственности за то или иное преступление, ответственность за которое ранее отсутствовала. Законодатель в такой ситуации не имеет сведений о состоянии преступности и личности преступника, не располагает данными о практике применения санкций. Конструируя санкцию, он может исходить лишь из характера общественных отношений, которым грозит опасность, из сведений о предполагаемой личности преступника, прогнозов воздействия на причины совершения этого преступления, анализа содержания и эффективности санкций за составы, которые после криминализации деяния окажутся смежными.

Вторичное же законотворчество (изменение уровня пенализации) имеет место в отношении уже криминализированного деяния, а потому предполагает возможность и необходимость криминологического обоснования санкций показателями преступности, данными о личности преступника и применении ранее существовавшей санкции. Иными словами, при вторичной пенализации в руках законодателя эмпирический материал – практика применения нормы.

Как указывалось, криминологическую обоснованность санкций составляют элементы предмета криминологии.

Однако это не означает, что каждый раз на проблему криминологической обоснованности той или иной санкции составляющие предмета криминологии оказывают одинаковое влияние. Рассмотрим сквозь эту призму криминологическую обоснованность санкций за получение коммерческого подкупа на примере ч. 8 ст. 204 УК РФ.

Преступность. Есть мнение, что при установлении санкций необходимо учитывать степень распространенности преступления [2. С. 77]. Вряд ли это правильно. Распространенность тех или иных преступлений в разное время, в разных регионах, удаленных друг от друга, отличных по количеству населения, соотношению городских и сельских агломераций, развитию инфраструктуры, уровню безработицы, средней заработной плате и т.п. Корреляция санкций с изменением распространенности противоречила бы требованию стабильности уголовно-правовой нормы. Однако отсутствие полной и однозначной зависимости, конечно, не означает зависимости вообще. Возможное колебание распространенности преступлений должно учитываться законодателем при установлении минимальных и максимальных границ санкции нормы, а реальное колебание распространенности судом – при назначении наказания в пределах таких границ санкции.

Данные о личности преступника малоинформативны для ответа на вопрос, какой должна быть санкция в виде лишения свободы за получение коммерческого подкупа. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, получатель коммерческого подкупа в особо крупном размере – это, как правило, мужчина 30–50 лет, имеющий семью, ребенка до трех лет, разумеется, работу, раз речь идет о лице, выполняющем управленческие функции, место жительства, совершающий преступление впервые, городской житель, имеющий высшее образование. Эти сведения, пожалуй, косвенно могут говорить об отсутствии необходимости значительных сроков лишения свободы для достижения цели исправления – такие лица социально адаптированы, со сложившейся устойчивой одобряемой системой ценностей и социальных связей. Кроме того, они могут навести на мысль о необходимости существования возможности назначения наказания в виде лишения права занимать должности или заниматься определенной деятельностью, коль скоро именно должность и (или) деятельность сделала возможным получения подкупа, однако это и так имеет место.

Причины получения коммерческого подкупа также не оказывают влияния на обоснование лишения свободы в том или ином случае. Так, причиной этого преступления, очевидно, служит корысть. Наказанием, которое формирует контратив, может служить штраф, либо наказание, сопряженное с трудом, что привило бы осужденному понимание: получение денег или иных имущественных выгод – это результат труда, а не преступления.

Гораздо продуктивнее информация – из четвертого блока предмета криминологии – *предупреждения преступности*, а именно из имеющейся практики применения санкции. Если точнее – из того, как часто применяется то или иное наказание из санкции и в каком размере.

Анализ статистических данных Судебного департамента о привлечении к уголовной ответственности по

ч. 8 ст. 204 УК РФ за последние 9 лет показал следующее¹. Всего по этой норме за указанный период было осуждено: 212 человек (рис. 1). К наказанию в виде лишения свободы (реально) было приговорено 64 человека (со сроками от 2 до 3 лет – 8 человек, от 3 до 5 лет – 22 человека, от 5 до 8 лет – 34 человека, более 8 лет – ни одного случая) (рис. 2). К лишению свободы с применением ст. 73 УК было приговорено 60 человек. К наказанию с применением ст. 64 УК РФ было приговорено 42 человека. Штраф применялся в 46 случаях. Из этого можно сделать следующие выводы:

1. Наказание в виде лишения свободы (реально) назначалось в 30% случаев.

2. Наказание в виде лишения свободы в сегменте от 8 до 12 лет правоприменителем не востребовано вообще, очевидно, в связи с чрезмерной суворостью.

3. На лишение свободы в диапазоне 5–8 лет пришлось 52% случаев, в диапазоне 3–5 лет – 34%, в диапазоне 2–3 года – 13%, в диапазоне меньше 2 лет – менее одного процента.

4. Применение ст. 64 УК РФ составляет 20%, в то же время в отношении преступлений коррупционной направленности применение ст. 64 УК РФ колеблется от 3 до 3,5%.

5. Применение ст. 73 УК РФ составляет 28%, в то время как в целом в отношении преступлений коррупционной направленности применение ст. 73 УК РФ колеблется от 14 до 18%.

6. Штраф как основное наказание суды назначали в 22% случаев, тогда как в отношении преступлений коррупционной направленности в целом колеблется от 25 до 26%.

Всего осуждено по ч. 8 ст. 204 УК РФ с 2017 по 2023 г.

Рис. 1

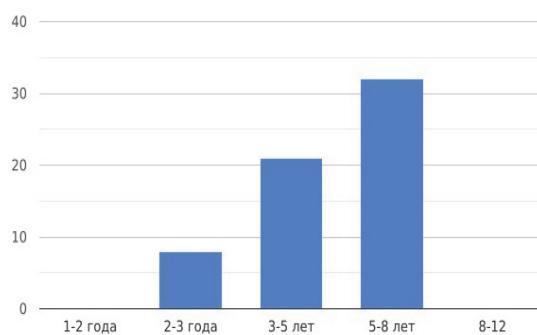

Рис. 2

Общим выводом к вышесказанному может служить утверждение об оценке правоприменителем наказания в виде лишения свободы по ч. 8 ст. 204 УК РФ в установленных размерах – от семи до двенадцати лет – как чрезмерно суворое. Схожи данные и по ч. 7 ст. 204 УК РФ.

Преодолением сложившейся ситуации было бы построение санкций в ч. 7 и 8 ст. 204 УК РФ аналогично тому, как построено лишение свободы в ч. 5, 6 ст. 204 УК РФ – без нижней границы. Следует отметить, что в предыдущей редакции нормы – в редакции Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ, действовавшей до 04.07.2016, наиболее квалифицированный состав получения коммерческого подкупа – ч. 4 ст. 204 УК РФ – предусматривал именно такой вариант санкции в виде лишения свободы – до 12 лет. Кроме того, в настоящее время в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих организациях» в ст. 201, 202, 203 УК РФ все санкции составов – без нижней границы лишения свободы.

Такой подход, во-первых, послужит продолжением тенденции построения санкций в части наказаний в виде лишения свободы без нижней границы, положенной Федеральным законом от 7.03.2011 № 26-ФЗ²; во-вторых, позволит правоприменителю более дифференцированно подходить к назначению наказания, не прибегая к «вспомогательным» инструментам (ст. 64 и 73 УК РФ) преодоления криминологически не обоснованной завышенной санкции, установленной законодателем.

Еще одним доводом в пользу снижения нижней границы санкций может служить отказ от восприятия коммерческого подкупа как коррупционного явления наряду со взяткой. Вряд ли эти действия сопоставимы по характеру и степени общественной опасности. Несопоставимы они и по масштабам вредоносных последствий. Получение взятки должностным лицом подрывает доверие и авторитет ко всему публичному аппарату власти во всем государстве. Это следует, например, из принци-

¹ В этот период (с изменений от 04.07.2016) санкция ч. 8 ст. 204 УК РФ не менялась и выглядит следующим образом: «...наказываются штрафом в размере от двух миллионов до пяти миллионов рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти лет, или в размере от пятидесятикратной до девяностократной суммы коммерческого подкупа с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет либо лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет со штрафом в размере до пятидесятикратной

суммы коммерческого подкупа или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет или без такового».

² ФЗ № 26-ФЗ исключил нижние границы санкций в виде лишения свободы в целом ряде составов. Изменения коснулись причинения вреда здоровью, побоев, клеветы, кражи, мошенничества, грабежа, вымогательства, разбоя, угона, незаконного предпринимательства, уклонения от уплаты налогов, хулиганства, служебного подлога, дезертирства и др.

пов единства системы государственной власти и единства системы публичной власти в Российской Федерации, состоящей из органов местного самоуправления и органов государственной власти, закрепленных в ч. 3 ст. 5 и ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, а также в ряде других норм. Вряд ли такое единство можно констатировать и постулировать применительно к абсолютно не связанным автономным субъектам предпринимательской деятельностью. В конечном итоге, в результате коммерческого подкупа страдают механизмы добросовестной конкуренции частных хозяйствующих субъектов, что, безусловно, опасно, но не может быть на одной чаше весов с публичным интересом, страдающим в результате получения взятки.

Противники такой точки зрения могут возразить, указав, что «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» 2003 г., ратифицированная Российской Федерацией в 2006 г., признает коррупцию не только в публичном секторе, но и в частном [3]. Это так. Однако, во-первых, Конвенция предписывает разграничивать эти виды коррупции между собой, в том числе по применяемым мерам. Во-вторых, определяя употребляемые в тексте понятия, Конвенция упоминает в качестве субъектов рассматриваемых отношений только публичных должностных лиц – лиц, занимающих должность в органе государства-участника, или выполняющих публичную функцию для публичного ведомства или публичного предприятия. В-третьих, в отношении мер за коррупцию в публичном секторе Конвенция предписывает государствам-участникам их принятие, в то же время в отношении частного сектора

предлагается рассмотреть возможность принятия законодательных и других мер, какие могут потребоваться.

В заключение полагаю необходимым отметить следующее. Пояснительная записка к Федеральному закону от 03.07.2016 № 324-ФЗ, на основании которого произошло структурное и существенное повышение санкций в ст. 204 УК РФ, объясняла новеллы, помимо прочего, «необходимостью выполнения взятых на себя Российской Федерацией международно-правовых обязательств, в частности ст. 1 Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (ОСЭР) против коррупции» [4]. Преамбула Конвенции ОСЭР указывает, что подкуп получил широкое распространение при осуществлении международных сделок, в том числе в сфере торговли и инвестиций, что вызывает серьезные моральные и политические проблемы, подрывает эффективность управления, наносит ущерб экономическому развитию и искаивает условия международной конкуренции. Хотя в ст. 1 Конвенции и идет речь о подкупе иностранных должностных лиц, однако предусматривается необходимость принятия мер для признания опасными и наказуемыми действиями неправомерное получение или сохранение коммерческого или иного неправомерного преимущества. В 2022 г. процесс принятия России в членство ОСЭР был прекращен по инициативе Организации. Это может стать еще одним доводом решения указанной выше проблемы путем гуманизации в варианте построения санкции в виде лишения свободы без нижней границы, т.е. в виде, имевшем место до изменений 2016 г., вызванных в том числе интеграционными процессами.

Список источников

1. Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 142 с.
2. Ковалев М.И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства // Советское государство и право. 1985. № 8. С. 73–79.
3. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 26.06.2006. № 26. Ст. 2780.
4. Собрание законодательства РФ. 23 апреля 2012 г. № 17. Ст. 1899.

References

1. Prozumentov, L.M. (2012) *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyaniy* [Criminalization and Decriminalization of Acts]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Kovalev, M.I. (1985) *Rol' pravosoznaniya i yuridicheskoy tekhniki v razvitiyu ugolovnogo zakonodatel'stva* [The Role of Legal Awareness and Legal Technique in the Development of Criminal Legislation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 73–79.
3. UNO. (2006) "The United Nations Convention against Corruption" (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly). In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. Vol. 26. Art. 2780.
4. Russian Federation. (2012) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. Vol. 17. Art 1899.

Информация об авторе:

Валеев М.Т. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mtv66@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.T. Valeev, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv66@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/24/4

СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ПЕРЕД ЗАКОНОМ В ОТРАСЛЯХ ПРАВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА

Николай Сергеевич Ковалев¹

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, dddes2017@mail.ru

Аннотация. Проводен анализ доктринальных положений о содержании принципа равенства перед законом в уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной отраслях права. Автором сделан обоснованный вывод о том, что содержание принципа равенства перед законом в исследуемых отраслях права имеет специфическое проявление, определяющее его содержание. В качестве методологической основы познания были использованы: общенаучные методы анализа, синтеза, позволившие исследовать аспекты правовой действительности, непосредственно связанной с проявлением содержания принципа равенства перед законом в отраслях уголовно-правового цикла, и сформулировать обоснованные выводы. Формально-юридический и сравнительно-правовой частнонаучные методы позволили выявить общие и частные признаки исследуемого правового явления. Предложено авторское понимание содержания принципа равенства осужденных перед законом в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном праве.

Ключевые слова: принцип равенства перед законом, формально-юридическое равенство, льготы, равная защита, права, свободы, законные интересы

Для цитирования: Ковалев Н.С. Содержание принципа равенства перед законом в отраслях права уголовно-правового цикла // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 20–26. doi: 10.17223/23088451/24/4

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/4

THE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY UNDER THE LAW IN THE BRANCHES OF CRIMINAL LAW

Nikolai S. Kovalev¹

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, dddes2017@mail.ru

Abstract. The article analyzes doctrinal provisions on the principle of equality under the law in the criminal and penal law and criminal procedure. The author makes a reasonable conclusion that the principle of equality under the law in the studied branches of law has its specificity that determines its content. The research employs the general scientific methods of analysis and synthesis, which has allowed to study the aspects of legal reality directly related to the content of the principle of equality under the law in criminal law and formulate reasonable conclusions. The specific methods, including formal-legal and comparative-legal, have allowed to identify general and specific features of the legal phenomenon under study. Based on the conducted research, the author proposes his own understanding of the content of the principle of equality of convicts under the law in criminal and penal law and criminal procedure.

Keywords: principle of equality under the law, formal-legal equality, benefits, equal protection, rights, freedoms, legitimate interests

For citation: Kovalev, N.S. (2024) The content of the principle of equality under the law in the branches of criminal law. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 20–26. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/4

В России принцип равенства перед законом закреплен во многих отраслях права (уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и др.). Источником таких принципов являются, как поименованный принцип в международном праве, так и конституционный принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ).

Конституцией РФ декларируется равенство всех перед законом и судом (ч. 1, ст. 19), гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина без каких-

либо различий, запрещаются любые ограничения прав по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2, ст. 19), декларируются равные права и свободы и равные возможности мужчин и женщин (ч. 3, ст. 19).

Вместе с тем каждой отрасли права принадлежат «специфические, только ей присущие принципы права, они находятся в неразрывной связи и взаимообусловленности с принципами права в целом, и в них проявляются эти принципы» [1. С. 56].

В Уголовном Кодексе Российской Федерации (УК РФ) общеправовой принцип равенства перед законом закреплен в ст. 4 «Принцип равенства граждан перед законом». Согласно данной норме «лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Однако, несмотря на законодательное определение понятия данного принципа, в науке уголовного права сложно выделить единое мнение о том, что же является содержанием исследуемого принципа. В одних случаях он сводится к равноправию [2. С. 7; 3. С. 184]; в других – к равенству ответственности и освобождения от нее с учетом общественной опасности лиц, совершивших преступления [4. С. 224; 5. С. 7]. Преобладающая позиция ученых состоит в том, что уголовно-правовой принцип равенства заключается в равной обязанности лиц, совершивших преступления, нести ответственность [6. С. 195; 7. С. 50; 8. С. 201; 9. С. 56; 10. С. 8].

Позиция о том, что уголовно-правовой принцип равенства перед законом сводится к равноправию и «раскрывает специфику общеправового принципа равноправия, закрепленного в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ» [3. С. 184], представляется не совсем верным. Отождествление уголовно-правового принципа равенства с конституционным принципом равенства, во-первых, умаляет значение и целостность Конституции РФ; во-вторых, является излишним, так как Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и никакое законодательство не должно ей противоречить; в-третьих, не позволяет разрешить проблемы выражения принципа с учетом специфики правового регулирования данной отрасли права [11. С. 133–134].

Рассматривая точку зрения о том, что уголовно-правовой принцип равенства заключается в равенстве ответственности и освобождения от нее с учетом общественной опасности лиц, совершивших преступления, следует отметить, что в данном случае уголовно-правовой принцип равенства подменяется положениями об индивидуализации и дифференциации уголовного наказания и ответственности, который не исключает учет общественной опасности преступления и лица, его совершившего. Закрепленные в нормах УК РФ особенности уголовной ответственности и наказания, с учетом характеристики опасности преступления и личности виновного, определяются проявлением принципа дифференциации уголовной ответственности и наказания [11. С. 94].

Как справедливо отмечает профессор А.В. Шеслер, это является «средством законодательной оценки общественной опасности преступлений определенного вида и лиц, их совершивших, и осуществляется соответственно через установление в законе вида и меры уголовной ответственности, а также вида и размера уголовного наказания» [12. С. 35–36].

Индивидуализация же уголовной ответственности и наказания проявляется в оценке каждого конкретного

лица, совершившего преступление, и конкретного совершенного этим лицом преступления. Данный принцип осуществляется, например, через смягчающие и отягчающие обстоятельства, личность виновного, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего виновного, которые оказывают влияние на уголовное наказание. В данном случае это «является средством судебной оценки общественной опасности конкретного преступления и лица, его совершившего, через выбор судом вида и меры уголовной ответственности, а также вида и размера уголовного наказания в отношении конкретного лица» [12. С. 36–39].

Наиболее сущностное отражение принципа уголовно-правового принципа равенства следует отметить в работах ученых, которые придерживаются позиции о том, что специфическим проявлением общеправового принципа равенства в уголовном праве является обязанность лиц, совершивших преступления, нести ответственность.

В частности, Т.В. Кленова утверждает, что уголовно-правовой принцип равенства перед законом «предполагает равенство, основное для уголовной ответственности, и ее неотвратимость» [9. С. 56].

Аналогичной позиции придерживаются И.Э. Звечаевский, раскрывающий сущность данного принципа «в равной для всех обязанности нести уголовную ответственность за совершенное преступление» [7. С. 50], и Н.А. Лопашенко, утверждающая, что содержание ответственности не может быть равным, равным может быть только обязанность «предстать перед законом и подвергнуться предусмотренному в ней воздействию» [8. С. 201].

Впоследствии и другие ученые предлагали содержание данного принципа, разное по сути, но аналогичное по смыслу. Так, И.С. Семенова отмечала, что принцип равенства в уголовном праве раскрывается в том, что лица «в равной степени подлежат уголовной ответственности в случае нарушения обязанности по задержанию от совершения преступления» [10. С. 8]. И.А. Волошин отмечал, что «совокупность точно обозначенных в законе признаков состава преступления, характеризующих деяние как преступление, служит тем “единым масштабом”, который обеспечивает реализацию равной для всех обязанности нести ответственность за совершенное преступление» [6. С. 195].

Поддерживая данную точку зрения, следует отметить, что принцип равенства перед законом действителен для субъектов уголовно-правовых отношений, но не касается личности, поскольку в праве люди «равны, но лишь как лица» [13. С. 104]. Это же заложено и в ст. 4 УК РФ: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от...».

Соответственно, принцип равенства в уголовном праве подразумевает лишь юридическое (формальное) равенство. Обусловленное социальными и природными факторами, формальное равенство выводит на одну «плоскость» уголовно-правовых правоотношений фактически неравных людей. В этом случае представляется верным мнение М.В. Баранчиковой, о том, что принцип

равенства предполагает единообразное применение уголовного закона. «Основанием применения уголовного закона является только деяние, содержащее все признаки конкретного состава преступления» [14. С. 87].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что принцип равенства в уголовном праве предусматривает формальное юридическое равенство физических лиц, являющихся субъектами преступления, перед уголовным законом в виде одинакового основания уголовной ответственности, которым является преступление [11. С. 95].

В теории уголовно-процессуального права есть мнение о том, что принцип равенства не свойствен уголовно-процессуальному законодательству ввиду наличия большого числа субъектов данных правоотношений, относительно которых законодатель предусмотрел различные льготы. Наличие исследуемого принципа в кодексе «создавало бы труднообъяснимую коллизию. Тогда друг другу противоречили бы общее (принципиальное) положение и нормы процедурного характера, притом, что приоритет, исходя из канонов общей теории права, должно иметь первое» [15. С. 13].

Вряд ли можно согласиться с таким утверждением, поскольку не включенный в нормы уголовно-процессуального законодательства принцип равенства перед законом, «не перестал быть принципом уголовного процесса со всеми вытекающими из этого последствиями» [16. С. 69].

В связи с этим специалисты и научные деятели в области уголовно-процессуального права до сих пор не пришли к консенсусу по вопросу о том, что следует понимать под принципом равенства перед законом в уголовно-процессуальном праве. В частности, можно выделить три основных подхода.

Сторонники первого подхода принцип равенства перед законом в уголовном процессе понимают как равенство возможностей сторон судебного разбирательства, являющееся одним из аспектов принципа состязательности сторон [17. С. 175–178].

Мнения сторонников следующей позиции сходятся в том, что под принципом равенства в УПК РФ понимает только равенство перед судом [18. С. 6; 19. С. 43–48].

Большинство же ученых-процессуалистов относят равенство к такой общей категории права, как принцип, содержанием которого выступает требование закона о недопущении дискриминации участников уголовного судопроизводства по каким-либо признакам» [20. С. 3].

Так, например, В.А. Задорожная, исследуя принцип равенства перед законом в уголовном судопроизводстве, определяла его сущность как «требование к законодателю и правопримениителю не допускать при производстве по уголовным делам привилегированного или дискриминационного положения его участников» [21. С. 136].

По мнению З.Г. Брциевой уголовно-процессуальный принцип равенства перед законом «действует в двух ипостасях: 1) как определяющий равенство перед законом и судом любого человека, привлекаемого к уголовной ответственности; 2) как регулирующий равенство любого участника уголовного процесса перед законом и

судом в соответствии с его уголовно-процессуальным статусом» [22. С. 8].

Действительно, положение гражданина в уголовно-процессуальных правоотношениях определяется исходя не из имущественного, социального или иного положения, а из того, субъектом каких прав он является. В частности, «каждый гражданин, вовлеченный в сферу уголовного судопроизводства, вступает в различные процессуальные отношения, реализуя принадлежащие ему субъективные права и выполняя субъективные обязанности» [23. С. 56].

Как отмечает С.А. Кузора, принцип равенства перед законом в уголовно-процессуальном праве «означает, во-первых, равенство прав и свобод человека и гражданина (равноправие); во-вторых, равные основания юридической ответственности за нарушение закона; в-третьих, равенство перед судом (равное правосудие для всех)» [20. С. 12].

Из представленных научных точек зрения следует, что уголовно-процессуальным проявлением конституционного принципа равенства являются недопущение дискриминации (не допускать при производстве по уголовным делам привилегированного или дискриминационного положения его участников), дифференциация (как равенство возможностей сторон судебного разбирательства), равенство перед судом (равное правосудие для всех).

В науке уголовно-исполнительного права, так же как и в рассмотренных выше отраслях права уголовно-правового цикла, не прослеживается единая позиция о том, что следует понимать под принципом равенства перед законом. Современные ученые по-разному определяют признаки принципа равенства, не исключая, что некоторые из них вообще могут не учитываться. При этом доказательная и хорошо аргументированная составляющая той или иной позиции ученых, как правило, отсутствует [24. С. 71].

Одни исследователи рассматривают данный принцип как отсутствие привилегий для осужденных в зависимости от социальных, религиозных имущественных и других признаков, не отрицая при этом дифференциацию условий отбывания наказания в зависимости от возраста, состояния здоровья, пола, характера совершенного преступления.

Так, В.И. Селиверстов [25. С. 37] и И.В. Шмаров [26. С. 22] полагают, что в соответствии с конституционными положениями и международными правилами нормы УИК не устанавливают преимущества для осужденных в зависимости от каких-либо признаков. Вместе с тем, по мнению ученых, равенство осужденных перед законом не значит равенство условий отбывания наказания.

В качестве примера авторами указанной точки зрения приводится положение о том, что несовершеннолетним осужденным устанавливаются более льготные условия содержания [25. С. 37].

Не умаляя значимости данной позиции ученых для науки уголовно-исполнительного права, представляется необходимым отметить, что, несмотря на отрицание ав-

торами наличия в уголовно-исполнительном законодательстве правовых преимуществ, в механизме правового регулирования любой отрасли права они все же предусмотрены в виде льгот [27. С. 29].

В этом отношении указанные учеными льготные условия для несовершеннолетних, следуя из названия, как раз и являются льготой в силу социальной уязвимости данной категории осужденных.

Преимущества в виде льгот носят правовой характер лишь в тех случаях, когда являются преференцией:

- за достижение какого-либо результата человеком и тем самым приобретение специального статуса (льготы ветеранам ВОВ, героям России, пенсионерам);

- действуют в отношении наиболее слабых и уязвимых членов общества, компенсируя им возможности в счет особенности их правового статуса (льготы для инвалидов, иммунитет для депутатов и т.д.).

В ситуации, если бы такие льготы отсутствовали независимо от возраста, состояния здоровья и т.д., то налицо было бы неравное правовое положение и, как следствие, допущение дискриминации.

Тем самым, наличие в уголовно-исполнительном праве льгот следует считать оправданным и логичным инструментом правового регулирования. Сущность их заключается в юридической компенсации, позволяющей осужденному иметь не только равные с другими права, но и возможность использовать их соразмерно своим способностям. При этом оправданные с точки зрения физиологических, социальных и иных предпосылок правовые преимущества не являются дискриминацией [28. С. 10].

В вопросе соотношения дискриминации и принципа равенства осужденных перед законом В.А. Уткин отмечал, что суть данного принципа заключается в недопущении дискриминации осужденных и иных лиц по различным признакам. В частности, под принципом равенства осужденных перед законом профессором понимается запрет на «любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности» [29. С. 50].

На международном уровне принцип равенства и запрет дискриминации считаются самостоятельными правовыми явлениями: «...защита от дискриминации обеспечивается посредством установления определенных минимальных стандартов равного обращения, которым должны соответствовать законодательство и правоприменительная практика внутри государства...» [28. С. 9].

В данном случае запрет на дискриминацию выступает и как право человека, и как принцип правового регулирования, «предполагающий, что все люди могут в полном объеме и на равных основаниях осуществлять гарантируемые права и свободы» [28. С. 9].

Обеспечение же равенства «в определенных случаях может предполагать принятие специальных мер, предусматривающих особые преимущества для лиц, фактически находящихся в менее благоприятном положении по сравнению с другими. Такие действия выходят за рамки необходимых для защиты от дискриминации, хотя и рассматриваются как желательные и не образующие необоснованного различия в обращении (дискриминации)» [28. С. 10].

Ввиду этого понимаемое под дискриминацией недопущение различия между осужденными при реализации их прав и свобод в силу определенных признаков правового статуса, не имеющего объективного и разумного обоснования, есть обеспечение равноправия.

Обеспечение же равенства осужденных предусматривает наличие специальных мер (привилегий для лиц, находящихся в менее благоприятном положении по сравнению с другими), выходящих за рамки равноправия и не образующих необоснованного различия в обращении (дискриминации). Наличие привилегий имеет своей целью обеспечить равное использование и осуществление прав и свобод осужденных, но не имеет целью сохранить исключительность по достижении целей, ради которых они были введены [28. С. 12–13].

Ввиду этого определение сущности принципа равенства осужденных перед законом через запрет дискриминации является узким по смыслу значением, поскольку не учитывается правовая необходимость наличия привилегий, выходящих за рамки дискриминации, но не образующих ее нарушения.

Следующий подход ученых об определении исследуемого принципа сводится к обладанию осужденными единым правовым статусом, который может быть разным в зависимости от вида наказания или условий отбывания наказания в исправительном учреждении, независимо от каких-либо признаков.

А.И. Зубков утверждал, что принцип равенства перед законом выражается в едином правовом положении лиц, отбывающих конкретный вид наказания или находящихся в одинаковых условиях отбывания наказания в исправительном учреждении, независимо от национальной принадлежности, социального положения, вероисповедания и других социально-политических, демографических и иных признаков. Такие различия предусматриваются в зависимости от пола, возраста, состояния здоровья, наличия беременности или малолетних детей, а главное – от поведения осужденных [30. С. 16].

Фактически данное определение содержания принципа равенства осужденных перед законом сочетает в себе все позиции, рассмотренные выше. Следует отметить, что равенство прав и свобод (равноправие) в научной литературе понимается в качестве отсутствия дискриминации [28. С. 9–10; 31. С. 102]. Данная юридическая категория, бесспорно, является элементом содержания принципа равенства осужденных перед законом.

Утверждение же ученого о том, что поведение осужденного в период отбывания наказания либо наличие у него социально-значимых признаков являются необходимыми элементами достижения «фактического равенства», безусловно, также заслуживает подтверждения.

Однако международное сообщество и наше государство, признавая права и свободы человека высшей ценностью, возложили на себя обязанность по обеспечению всем лицам, независимо от каких-либо признаков, их защиты.

Так, Конституцией РФ гарантируется признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, что является обязанностью государства (ст. 2). Провозглашается государственная гарантия защиты прав и свобод и право каждого защищать свои права (ст. 45).

В УИК РФ, в развитие данных конституционных положений гарантии защиты прав и свобод осужденных, определено, что их права, свободы и законные интересы уважаются и охраняются государством, обеспечивается их правовая защита (ч. 1 ст. 10).

В развитие данного положения УИК РФ закрепил за осужденными право на обращения с жалобами и заявлениями не только к администрации учреждений, исполняющих наказания, но и в вышестоящие инстанции (ч. 4 ст. 12), а также право на получение юридической помощи (ч. 8 ст. 12).

Таким образом, анализ имеющихся в теории и науке уголовно-исполнительного права подходов к определению понятия и содержания принципа равенства осужденных перед законом позволяет заключить, что под принципом равенства осужденных перед законом следует понимать: 1) запрет дискриминации; 2) равную защиту прав, свобод и законных интересов; 3) наличие льгот, обеспечивающих фактическое равенство различных категорий осужденных.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Принцип равенства перед законом в отраслях права уголовно-правового цикла имеет специфическое содержание, определяемое исходя из предмета правового регулирования каждой конкретной отрасли права.

2. Содержанием исследуемого принципа в отраслях права уголовно-правового цикла является:

- в уголовном праве – формальное юридическое равенство физических лиц, являющихся субъектами преступления, перед уголовным законом в виде одинакового основания уголовной ответственности, которым является преступление;

- в уголовно-процессуальном праве – формально-юридическое равенство, выражющееся в недопущении дискриминации участников уголовного судопроизводства, равенство возможностей сторон судебного разбирательства, равенство перед судом;

- в уголовно-исполнительном праве – формально-юридическое равенство осужденных, включающее запрет на дискриминацию, равную защиту прав, свобод и законных интересов, наличие льгот, обеспечивающих фактическое равенство различных категорий осужденных.

Список источников

1. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. Т. 1: Введение в уголовное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. М. : Проспект, 2022. 724 с.
2. Бабаян Н.Н. Реализация принципа равенства перед законом в российском уголовном законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2010. 27 с.
3. Сидоренко В.О. Проблемы реализации принципа равенства в современном российском уголовном праве // Идеи и принципы Всеобщей декларации прав человека: состояние и перспективы реализации, национальный и международный опыт. 2018. С. 184–187.
4. Филимонов В.Д. Принцип равенства граждан перед законом в уголовном праве. Уголовное право в XXI веке. М., 2002. 174 с.
5. Лактаева А.Ю. Принцип равенства перед законом, его реализация при назначении наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 25 с.
6. Волошин И.А. Принцип равенства граждан в уголовном праве: сравнительный анализ законодательства Украины и России // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2012. Т. 25, № 2 (64). С. 194–198.
7. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: Понятие, принципы, политика, СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 100 с.
8. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 337 с.
9. Кленова Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 1. С. 54–59.
10. Семенова И.С. Принцип равенства перед законом в уголовном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.
11. Ковалев Н.С. Принцип равенства перед законом в уголовном и уголовно-исполнительном праве: конкретизация и место в системе принципов данных отраслей // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4 (49). С. 92–100.
12. Шеслер А.В. Уголовно-правовая политика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбас. ин-т ФСИН России, 2018. 78 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
14. Барагчикова М.В. Значение принципов уголовного права в борьбе с преступностью : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 186 с.
15. Азаров В. А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 5–20.
16. Уголовный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. А.П. Кругликов. М. : Проспект, 2010. 736 с.
17. Николаев А.В., Арзуманян А.А. Проблематика соблюдения в российском уголовном процессе принципов состязательности и равенства сторон // Эволюция государственных и правовых институтов в современной России : ученые записки. Вып. XVII. Ростов н/Д, 2019. С. 175–178.
18. Малисов Р.А. Конституционный принцип равенства человека и гражданина перед судом в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 29 с.
19. Гаевой А.И. Современные проблемы реализации принципа равенства сторон в российском уголовном процессе как средство установления справедливости // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : сб. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. II. СПб., 2016. С. 43–48.
20. Кузора С.А. Равенство в уголовно процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 22 с.
21. Задорожная В.А. Содержание принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2006. № 5 (60). С. 136–139.
22. Брицева З.Г. Принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
23. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. М. : Юрайт, 2020. 567 с.
24. Чубраков С.В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность / под ред. В.А. Уткина. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 128 с.
25. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. 544 с.
26. Уголовно-исполнительное право : учебник / под ред. проф. И.В. Шмарова. М. : БЕК, 1996. 418 с.
27. Суменков С.Ю. Принципы права и исключения в праве: аспекты соотношения // Государство и право. 2009. № 5. С. 23–30.
28. Защита личности от дискриминации : в 3 т. Т. 1 / [С.С. Дикман и др.]. М. : Новая юстиция, 2009. 424 с.

29. Курс уголовно-исполнительного права : в 3 т. Т. 1: Общая часть : учебник / Ю.М. Антонян, С.Л. Бабаян, С.В. Бошно и др.; под общ. ред. Г.А. Корниенко; науч. ред. А.В. Быков. М. : ФКУ НИИ ФСИН России: Криминологическая библиотека, 2017. 512 с.
30. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2006. 720 с.
31. Сычев В.Б. К вопросу о видах дискриминации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право, 2012. Т. 12, № 4. С. 101–103.

References

1. Savenkov, A.N. (2022) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: problemnyy kurs dlya magistrantov i aspirantov: v 3 t.* [Criminal Law of the Russian Federation: A problem-based course for master's and postgraduate students: in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Prospekt.
2. Babayan, N.N. (2010) *Realizatsiya printsipa ravenstva pered zakonom v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve* [Implementation of the Principle of Equality Before the Law in Russian Criminal Legislation]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov on Don.
3. Sidorenko, V.O. (2018) Problemy realizatsii printsipa ravenstva v sovremennoy rossiyskoy ugolovnoy prave [Problems of Implementation of the Principle of Equality in Modern Russian Criminal Law]. In: *Idei i printsipy Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka: sostoyanie i perspektivy realizatsii, natsional'nyy i mezhdunarodnyy opyt* [Ideas and Principles of the Universal Declaration of Human Rights: Status and Prospects of Implementation, National and International Experience], pp. 184–187.
4. Filimonov, V.D. (2002) Printsip ravenstva grazhdan pered zakonom v ugolovnom prave [The principle of equality of citizens under the law in criminal law]. *Ugolovnoe pravo v XXI veke* [Criminal Law in the 21st Century]. Proc. of the International Conference. Moscow, May 31 – June 1, 2001. Moscow: LeksEst.
5. Laktaeva, A.Yu. (2010) *Printsip ravenstva pered zakonom, ego realizatsiya pri naznachenii nakazaniya* [The principle of equality under the law, its implementation in sentencing]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
6. Voloshin, I.A. (2012) Printsip ravenstva grazhdan v ugolovnom prave: sravnitel'nyy analiz zakonodatel'stva Ukrayiny i Rossii [The principle of equality of citizens in criminal law: a comparative analysis of the legislation of Ukraine and Russia]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: yuridicheskie nauki.* 25/2 (64), pp. 194–198.
7. Zvecharovskiy, I.E. (2001) *Sovremennoe ugolovnoe pravo Rossii: Poniatie, printsipy, politika* [Current Criminal Law of Russia: Concept, Principles, Policy]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
8. Lopashenko, N.A. (2004) *Osnovy ugolovno-pravovogo vozdeystviya* [Basics of Criminal-Legal Influence]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
9. Klenova, T.V. (1997) Printsipy ugolovnogo prava i printsipy kodifikatsii v ugolovnom prave [Principles of criminal law and principles of codification in criminal law]. *Gosudarstvo i pravo.* 1. pp. 54–59.
10. Semenova, I.S. (2004) *Printsip ravenstva pered zakonom v ugolovnom prave Rossiyskoy Federatsii* [The principle of equality under the law in the criminal law of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
11. Kovalev, N.S. (2021) Printsip ravenstva pered zakonom v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom prave: konkretizatsiya i mesto v sisteme printsipov dannyykh otrassley [The principle of equality under the law in criminal and criminal-executive law: Specification and place in the system of principles of these branches]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta.* 4 (49). pp. 92–100.
12. Shesler, A.V. (2018) *Ugolovno-pravovaya politika* [Criminal Policy]. 2nd ed. Novokuznetsk: FKOU VO Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
13. Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mysl'.
14. Baranchikova, M.V. (2009) *Znachenie printsipov ugolovnogo prava v bor'be s prestupnost'yu* [The Importance of the Principles of Criminal Law in the Fight against Crime]. Law Cand. Diss. Moscow.
15. Azarov, V.A. (2022) Justice as the primary basis of equality of all before the law and court in the criminal procedure of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 43. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/1
16. Kruglikov, A.P. (2010) *Ugolovnyy protsess Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedure of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt.
17. Nikolaev, A.V. & Arzumanyan, A.A. (2019) Problematika soblyudeniya v rossiyskoy ugolovnom protsesse printsipov sostyazatel'nosti i ravenstva storon [Problems of compliance with the principles of adversarial proceedings and equality of the parties in the Russian criminal process]. In: *Evolyutsiya gosudarstvennykh i pravovykh institutov v sovremennoy Rossii: uchenye zapiski* [Evolution of State and Legal Institutions in Contemporary Russia: Scientific Notes]. Vol. 17. Rostov on Don: [s.n.]. pp. 175–178.
18. Malyasov, R.A. (2005) *Konstitucionnyy printsip ravenstva cheloveka i grazhdanina pered sudom v sovremennoy Rossii* [Constitutional principle of equality of man and citizen before the court in contemporary Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
19. Gaevoy, A.I. (2016) Sovremennye problemy realizatsii printsipa ravenstva storon v rossiyskoy ugolovnom protsesse kak sredstvo ustyanovleniya spravedlivosti [Modern problems of implementing the principle of equality of the parties in Russian criminal proceedings as a means of establishing justice]. In: *Spravedlivost' i ravenstvo v ugolovnom sudoproizvodstve* [Justice and Equality in Criminal Proceedings]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 43–48.
20. Kuzora, S.A. (2009) *Ravenstvo v ugolovno protsesse Rossii* [Equality in Criminal Procedure in Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
21. Zadorozhnaya, V.A. (2006) Soderzhanie printsipa ravenstva vsekh pered zakonom i sudom v ugolovnom sudoproizvodstve [The Content of the Principle of Equality of All Under the Law and the Court in Criminal Proceedings]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo.* 5 (60). pp. 136–139.
22. Brtsieva, Z.G. (2005) *Printsip ravenstva vsekh pered zakonom i sudom v ugolovnom sudoproizvodstve* [The Principle of Equality of All Under the Law and the Court in Criminal Proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
23. Bulatov, B.B. & Baranov, A.M. (eds) (2020) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Yurayt.
24. Chubrakov, S.V. (2015) *Problema printsipov v ugolovno-ispolnitel'nom prave: istoriya i sovremennost'* [The Problem of Principles in Penal Law: History and Modernity]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Seliverstov, V.I. (ed.) (2013) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [Penal Law of Russia]. 6th ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
26. Shmarov, I.V. (ed.) (1996) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal Law]. Moscow: BEK.
27. Sumenkov, S.Yu. (2009) Printsipy prava i isklyucheniya v prave: aspekty sootnosheniya [Principles of Law and Exceptions in Law: Aspects of the Relationship]. *Gosudarstvo i pravo.* 5. pp. 23–30.
28. Dikman, S.S. et al. (2009) *Zashchita lichnosti ot diskriminatsii: v 3 t.* [Protection of the Individual from Discrimination: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Novaya yustitsiya.
29. Antonyan, Yu.M., Babayan, S.L., Boshno, S.V. et al. (eds) (2017) *Kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava: v 3 t.* [Penal law: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Kriminologicheskaya biblioteka.
30. Zubkov, A.I. (ed.) (2006) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika kontsa XIX – nachala XXI veka* [Penal law of Russia: Theory, legislation, international standards, domestic practice of the late 19th – early 21st centuries]. 3rd ed. Moscow: Norma.
31. Sychev, V.B. (2012) K voprosu o vidakh diskriminatsii [On the types of discrimination]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo.* 12 (4). pp. 101–103.

Информация об авторе:

Ковалев Н.С. – старший преподаватель Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: dddes2017@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.S. Kovalev, senior lecturer, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation).
E-mail: dddes2017@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**Орхан Абилович Мирзаев¹**¹ Академия ФСИН России, Москва, Россия, kriminal338@mail.ru

Аннотация. Рассматривается учет социально значимых заболеваний в отечественном уголовном праве. Используя историко-правовой метод, автор приходит к выводу, что нормы современного уголовного права, связанные с учетом социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания, являются исторически закономерными. С помощью анализа исторических документов различных временных эпох автор предлагает собственную периодизацию учета социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания.

Ключевые слова: преступление, уголовное наказание, социально значимые заболевания, условия назначения уголовного наказания, уголовная ответственность

Для цитирования: Мирзаев О.А. Уголовно-правовое значение социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания (исторический аспект) // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 27–32. doi: 10.17223/23088451/24/5

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/5**THE ROLE OF SOCIALLY SIGNIFICANT DISEASES IN THE IMPOSITION OF CRIMINAL PUNISHMENT (A HISTORICAL ASPECT)****Orkhan A. Mirzaev¹**¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, kriminal338@mail.ru

Abstract. The historical analysis of legal acts in terms of the role of socially significant diseases for assigning punishment resulted in a unique periodization that reflects the stages of this institution's formation in criminal law. The author distinguishes the following historical periods: the initial stage (10th – mid-19th century), associated exclusively with the possibility (right) to attract a hired soldier to protect the interests of a person suffering from a disease. At this stage, socially significant diseases were not taken into account, in the modern sense, when assigning a criminal penalty. Beginning from 1845 until the mid-20th century, criminal legislation is supplemented with legal norms to include a number of mental illnesses as grounds for exemption from criminal liability. It was for the first time when criminal law measures related to the treatment of such diseases were enshrined in legislation. Moreover, legislators made the first attempts to systematize diseases to be taken into account when assigning a criminal penalty. From 1958 to the present day, there has been an active search for optimal solutions related to taking into account socially significant diseases when assigning criminal punishment. Legislators are constantly working with the list of socially significant diseases, expanding it, introducing new measures for treating these diseases. The presented author's periodization illustrates the consistent legislative approach to the issue of taking into account socially significant diseases when assigning criminal punishment. The current stage is directly related to such principles of criminal law as justice and humanism. The presence of a disease in a person who has committed a criminal offense plays an important role in the mechanism for assigning criminal punishment – the disease can be considered by the law enforcement officer as both a mitigating and an aggravating circumstance. The author believes that this vector of development (including the expansion of the list of socially significant diseases) of domestic legislation in the matter of taking into account socially significant diseases when assigning criminal punishment will remain, which illustrates the continuity of national criminal legislation at all historical stages of the development of the state and society.

Keywords: crime, criminal punishment, socially significant diseases, conditions for assigning criminal punishment, criminal liability

For citation: Mirzaev, O.A. (2024) The role of socially significant diseases in the imposition of criminal punishment (a historical aspect). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 27–32. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/5

Социально значимые заболевания характеризуются, прежде всего, своей масштабностью, способностью к быстрому распространению. Стратегическими задачами современной России является народосбережение и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения [1]. Государство заинтересовано в создании эффективной системы здравоохранения, которая способна адаптироваться к новым угрозам, связанным с распространением «опасных» заболеваний. Особо подчеркнем, что еще в 2004 г. в России был утвержден перечень социально значимых заболеваний и заболеваний, представляющих опасность для окружающих, в который включены следующие: туберкулез; гепатит В и С; инфекции, передающиеся преимущественно половым путем; злокачественные новообразования; болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека; сахарный диабет; психические расстройства и расстройства поведения; болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением [2].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в 2019 г. около 970 млн человек (каждый восьмой) страдали психическими расстройствами, среди которых преобладали тревожные и депрессивные расстройства, около 40 млн человек – диссоциальными расстройствами [3]. Отметим, что диссоциальные расстройства связаны с нарушением поведенческих реакций, а именно: наблюдается постоянное враждебное и провокационное поведение, напрямую связанное с нарушением общественных норм и запретов. Характерно, что проявляется данный вид расстройства в детском и подростковом возрасте. Статистика заболеваемости, связанной с вирусом иммунодефицита человека, также достаточна тревожна – в 2022 г., по разным данным, насчитывается от 33,1 до 45,7 млн человек, являющихся носителями ВИЧ-инфекции, кроме этого, около 1,3 млн человек пополнили статистические данные [4].

Можно смело утверждать, что более половины указанных выше заболеваний сопровождаются значительными психическими нарушениями, в том числе происходит сбой когнитивных функций человека, поведенческих реакций, утраты эмоциональной регуляции, соответственно, увеличивается риск деструктивного поведения.

Отметим, что пожилые люди достаточно часто подвержены заболеваниям, связанным с психическими расстройствами. Возрастные изменения, как правило, связаны с ухудшением работы сосудов головного мозга, что приводит к «снижению интеллектуальной работоспособности и концентрации внимания, эмоциональной неустойчивости и другим явлениям, наблюдаемым у лиц пожилого возраста» [5. С. 75]. Указанные изменения в работе психики пожилых людей достаточно часто становятся причиной совершения преступлений. Согласно отчету формы № 11.1 Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2022 г., за совершение уголовного преступления был осужден 578 751 человек, из которых 2,31% (13 341 чел.) – мужчины старше 60 лет, и 1,03% (5 945 чел.) – женщины старше 55 лет [6]. Удельный вес данной категории осужденных постоянно увеличивается и в 2022 г., впервые за 15 лет, превысил 10 % [7]. Данная тенденция не может

не вызывать опасения у представителей научного сообщества и государственных органов. Также, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 г. были осуждены 5 532 человека (0,96% от всей численности осужденных) с инвалидностью (инвалиды I и II групп) [7].

При назначении уголовного наказания наличие социально значимых заболеваний учитываются правоприменителем, в том числе в рамках ст. 61 УК РФ.

Подчеркнем, что наличие заболевания при назначении наказания учитывалось правоприменителем на различных исторических этапах. Данный факт свидетельствует о том, что «процесс правоприменения должен стремиться к поиску истины и справедливому выбору размера наказания, в противном случае результат судопроизводства может быть оценен осужденным как “великая несправедливость”» [8. С. 28].

История учета заболеваний при назначении наказания берет свое начало еще в XI–XIV вв. В Уставе Великого князя Ярослава Владимиевича о судах, в ст. 73 также имеется указание на данное обстоятельство: «...аще ли господинъ бьеть закоупа про дѣло, то безъ вины есть; бьеть ли не сысля, пьянъ, безъ вены (вины), то яко же свободному платити, тако и въ закоупъ» [9]. Согласно ст. 21 Псковской судной грамоты в судебном поединке, ответчик, в случае увечья или болезни, имел возможность заменить себя другим лицом: «Если ответчиком, которому придется состязаться на поединке с послухом, окажется человек престарелый, или малолетний, или с каким-нибудь увечьем, или поп, или монах, то он имеет право выставить за себя наемного бойца...» Аналогичная норма указана в ст. 36 в случае если речь идет о долговом иске, предъявленном на основании доски [10].

Отметим, что до начала XVIII в. на законодательном уровне в качестве оснований для защиты интересов личности другим лицом (наемным бойцом) были закреплены следующие обстоятельства: наличие заболевания, половые и возрастные признаки [11. С. 97–120, 346–373, 413–442].

22 января 1669 г. Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович издает «Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах», данный документ впервые содержит норму, освобождающую от ответственности лицо, в связи с психическим заболеванием «...аще седьми лѣть отрокъ, или бѣсный убеть кого, не повиненъ есть смерти» [12].

Законодатель продолжил развивать вопросы, связанные с уголовной ответственностью. Так 26 апреля 1715 г. Петр I принимает первый военно-уголовный кодекс – Артикул воинский, в котором также присутствуют нормы, связанные с учетом наличия заболеваний при назначении наказания. В рамках исследуемой тематики нам интересны следующие артикулы: 16, 43, 105, 195. Так, впервые в толковании арт. 195 вводятся элементы уголовной правосубъектности: «наказание воровства умаляется, или весьма отставляется... кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказы быть» [13. С. 314–389].

Кроме того, законодатель рассматривал наличие заболевания как основание освобождения от ответственности за совершение преступления – в случае наличия болезни священник не наказывался за отказ «службу божию отправлять» [14].

Глава 14 «О взятии городов. Крепостей, добычей и пленных» содержит арт. 105, в котором женщины, младенцы, старые люди должны быть помилованы, только в случае личного приказа фельдмаршала данные категории могут быть лишены жизни. Как видим, данный нормативный акт внес значительный вклад в условия назначения наказания.

Прорывом в области учета социально значимых заболеваний при назначении наказания стал Указ 1801 года Александра I «О не предании суду поврежденных в уме людей и учинивших в сем состоянии смертоубийство». Указ 1801 года закрепил за Земской полицией и Врачебной управой обязанность проводить медицинское освидетельствование таких лиц. В случае признания наличия психического заболевания данные лица должны помещаться в дома безумных, «...ибо на таковых нѣть ни суда, ни закона» [15. С. 618].

В 1845 г. впервые на законодательном уровне, а именно в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, были закреплены обстоятельства, освобождающие от наказания, связанные с наличием психических заболеваний. Кроме этого, закреплялась возможность замены наказания менее суровым при наличии ряда заболеваний. Так, согласно ст. 93 преступники, в случае наличия у них неизлечимых заболеваний, освобождались от телесных наказаний (плетьми, розгами или палками). Это было возможно только в тех случаях, когда нельзя было применить телесные наказания без опасения за их жизнь. Постановлением Медицинского совета Министерства внутренних дел был утвержден перечень таких заболеваний, к ним относились: падучая болезнь, приросшая грыжа, грудная жаба, внутренние и наружные аневризмы и др. [16. С. 984].

В качестве причин, которые освобождали виновного от ответственности, рассматривались – малолетство (возраст при котором подсудимый еще не имеет представления о свойстве совершенного деяния (ч. 2 ст. 98); безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие «в умоизступление или совершенное в беспамятстве» (ч. 3 ст. 98) [16. С. 32].

Статьи 100 и 101 этого Уложения конкретизируют данные обстоятельства, кроме того, впервые законодательно закрепляется понятие невменяемости – «совершение преступления или проступка безумным от рождения или сумасшедшим, который в момент совершения не мог иметь понятия о противозаконности и о свойстве своего действия» [16. С. 33]. Отметим, что желание родителей или родственников нести бремя лечения и содержания лиц, совершивших смертоубийство (посягательство на жизнь другого человека) или посягательство на собственную жизнь не учитывалось, согласно ст. 101 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, данное лицо помещалось в дома умалишенных.

Ученые-правоведы в начале XX в. расширительно толковали данную норму, например, Л.С. Белогриц-Котляровский утверждал, что «встречаются субъекты, понимающие противозаконность и само свойство деяния и в то же время неспособные в силу своего болезненного психофизиологического состояния руководить своими поступками, которые поэтому и не могут быть им вменены» [17. С. 46].

Кроме того, состояние слабоумия рассматривалось законодателем как обстоятельство, уменьшающее наказуемость (ч. 4 ст. 140).

Нормы, связанные с освобождением от ответственности в случае наличия заболевания, законодатель так же закрепил и в более поздних документах: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1867 г. [18. С. 614], Воинский устав о наказаниях 1868 г. [19. С. 168], Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [20. С. 1285], Уголовное уложение 1903 г. [21. С. 151]. Так, в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1879 г., ст. 10 закреплено, что «поступки не вменяются вовсе в вину, когда они совершены в малолетстве до 10 лет; в безумии, сумасшествии и припадках болезни, приводящей в умоизступление или в совершенное беспамятство...» [22. С. 37]. Можно утверждать, что данные документы лишь заимствовали уже действующие нормы.

Дальнейшие исторические процессы, связанные со сменой политического режима и общественной жизни государства, безусловно, нашли свое отражение и в уголовной политике. Отметим наиболее значимые документы того периода. Прежде всего для нас представляют интерес Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». Данный нормативный акт в качестве обстоятельств, освобождающих виновное лицо от уголовного наказания, устанавливал состояние душевной болезни и состояния, в которых совершивший деяние не отдавал отчета в своих действиях. Кроме того, от уголовного наказания освобождались лица, «действовавшие в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдали душевной болезнью» [23. С. 590. П. 14].

01.06.1922 был введен первый Уголовный кодекс на территории РСФСР, в котором была изменена формулировка п. 14 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР. Согласно ст. 17 УК РСФСР 1922 г. от уголовного наказания освобождались лица в состоянии «хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или вообще, такое состояние, когда совершившие его не могли давать себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту вынесения или приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью» [24]. Суд мог поместить данных осужденных в учреждения для умственно- или морально-дефективных или в лечебное заведение, в тех случаях, когда нахождение данных лиц на свободе считалось опасным для общества (ст. 47 УК РСФСР 1922 г.).

Следующим значимым документом уголовно-правового регулирования вопросов, связанных с назначением уголовного наказания при наличии социально опасных заболеваний, считается принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР 1958 г. [25. С. 6]. Согласно ст. 11 имелась возможность привлечения к ответственности в случае выздоровления лиц, страдающих от психических расстройств и расстройств поведения до истечения установленных сроков давности.

Данный курс был продолжен в УК РСФСР 1960 г. (ст. 11 и 12 УК РСФСР), в Главе 6 «О принудительных мерах медицинского и воспитательного характера» законодатель предусмотрел следующие принудительные меры медицинского характера – помещение в психиатрическую больницу с обычным наблюдением, с усиленным наблюдением, со строгим наблюдением, причем последние два полностью исключают возможность совершения нового общественно опасного деяния (ст. 59 УК РСФСР). Отметим также, что суд мог посчитать, что в применении принудительных мер медицинского характера к душевнобольному нет необходимости (либо такая необходимость отпала), в этом случае суд мог передать его на попечение родственникам (опекунам) при обязательном врачебном наблюдении (ст. 60 УК РСФСР).

УК РСФСР 1960 г. содержит ст. 61, которая представляет интерес в рамках исследуемого вопроса. В случае, когда не истекли сроки давности и отсутствуют другие основания для освобождения от уголовной ответственности, суд имел право применить наказание для лиц, страдающих душевной болезнью, влияющей на способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, после совершения преступления либо во время исполнения наказания, после их выздоровления.

Кроме того, лица с наркотической и алкогольной зависимостью могли направляться на принудительное лечение по «ходатайству общественной организации, трудового коллектива, товарищеского суда, органа здравоохранения или по своей инициативе» [26]. Отметим, что лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы и страдающие алкоголизмом и наркоманией, подлежали обязательному лечению. Помимо этого, лечение могло быть продолжено «в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом» и после освобождения из мест лишения свободы (ст. 62 УК РСФСР).

Подчеркнем, что именно в УК РСФСР 1960 г. законодатель выделил алкоголизм и наркоманию в отдельную категорию социально значимых заболеваний, а также предусмотрел обязательность лечения лиц с алкогольной и наркотической зависимостью в рамках принудительных мер медицинского характера наравне с психическими заболеваниями. Данные законодательные установки относительно социально значимых заболеваний просуществовали вплоть до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.

Подведем итоги генезиса правовых норм, связанных с учетом социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания. Исторический анализ правовых актов по вопросу учета социально значимых заболеваний при назначении наказания позволил сформировать авторскую периодизацию, которая отражает особенности становления данного института в уголовном праве.

Нами выделяются следующие исторические периоды.

Начальный этап (X – середина XIX в.), который исключительно связан с возможностью (правом) привлечения наемного воина для защиты интересов лица, страдающего заболеванием. Учет социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания в современном правовом понимании в данном историческом периоде отсутствовал.

С 1845 г. до середины XX в. уголовное законодательство пополняется правовыми нормами, включающими ряд психических заболеваний в качестве основания освобождения от уголовной ответственности. Именно в этот период впервые на законодательном уровне закрепляются уголовно-правовые меры, связанные с лечением таких заболеваний. Кроме того, законодателем делаются первые попытки систематизации заболеваний, которые должны учитываться при назначении уголовного наказания.

С 1958 г. по настоящее время идет активный процесс поиска «правильных» решений, связанных с учетом социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания. Законодатель постоянно работает с перечнем социально значимых заболеваний, расширяя его, вводит новые меры, способствующие их лечению.

Представленная периодизация иллюстрирует последовательные меры законодателя в вопросе учета социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания. Современный подход напрямую связан с такими принципами уголовного права, как справедливость, гуманизм.

Наличие заболевания у лица, совершившего уголовное преступление, играет важную роль в механизме назначения уголовного наказания – заболевание может рассматриваться правоприменителем как в качестве смягчающего, так и в качестве отягчающего обстоятельства.

Считаем, что данный вектор развития (в том числе расширение перечня социально значимых заболеваний) отечественного законодательства в вопросе учета социально значимых заболеваний при назначении уголовного наказания будет продолжаться, что иллюстрирует преемственность национального уголовного законодательства на всех исторических этапах развития государства и общества.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
2. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 49. Ст. 4916.

3. Психические расстройства // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (дата обращения: 17.10.2023).
4. ВИЧ и СПИД // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/hiv-aids> (дата обращения: 17.10.2023).
5. Ситковская О.Д. Значение психологических знаний для решения вопросов об уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами в рамках вменяемости // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2 (64). С. 75.
6. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2022 год (форма № 11.1.) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 17.10.2023).
7. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2007–2022 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 17.10.2023).
8. Соколова А.В. Специфика учета семейных отношений подсудимого при назначении уголовного наказания // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 1. С. 28.
9. Русская правда / под ред. Г.Г. Тельberга. Харбин : Издание Юридического факультета, 1926. С. 15. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009135024?page=10&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.10.2023).
10. Шпаковский Ю.Г., Потапчук И.В. Псковская судная грамота // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8 (48). С. 146–161.
11. Статья 49 Судебник 1497 года. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. Л.Ф. Черепнина. М. : Госюриздан, 1955. С. 346–373.
12. Полное Собрание Законов Российской Империи. С 1649 по 1675. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830 Т. 1. С. 797.
13. Военные уставы Петра Великого // Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 314–389.
14. Полное Собрание Законов Российской Империи. С 1800 по 1801. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830 Т. XXVI. С. 618.
15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. С. 984. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_0022889696?page=39&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.10.2023).
16. Огурцов С.А. Невменяемость: комплексный подход // Вестник Российской правовой академии. 2014. № 3. С. 46–47.
17. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных съ приведением статей свода законовъ, на которыя сдланы ссылки въ уложеніи (изд. 1866 г.) и с прибавленіемъ: всъхъ дополненій и измѣненій, I-й ч. XV-го т., распубликованныхъ по 15-е июня 1867 г. М. : Тип. В. Гогъе, на Кузнец. мосту, д. Торлецкаго, 1867. 614 с.
18. Воинский устав о наказаниях. СПб. : Тип. Втораго Отд-ня Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1868. 168 с.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 18-е изд., пересм. и доп., неофц. СПб. : Изд. Н. С. Таганцева, 1915. 1285 с.
20. Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Сенатская тип., 1903. 151 с.
21. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями с доп. по 1 янв. 1879 г. С прил. мотивов и извлеч. из решений Уголов. кассац. деп. Сената / сост. проф. С.-Петерб. ун-та Н.С. Таганцев. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1879. С. 37. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003544873?page=37&rotate=0&theme=white (дата обращения: 17.10.2023).
22. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление Наркомюста РСФСР от 12 дек. 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
23. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.10.2023).
24. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.
25. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Электронная библиотека Музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://xn--e1aaejmenosxq.xn--plai/node/13887> (дата обращения: 17.10.2023).
26. Яковлев А.А. Учет наличия социально значимого заболевания при привлечении к уголовной ответственности: исторический аспект // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 4 (53). С. 178–180.

References

1. Russian Federation. (2021) Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Decree No. 400 of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. 27 (2). Art. 5351.
2. Russian Federation. (2024) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.12.2004 № 715 (red. of 31.01.2020) "Ob utverzhdenii perechnya sotsial'no znachimykh zabolevaniy i perechnya zabolevaniy, predstavlyayushchikh opasnost' dlya okruzhayushchikh" [Resolution No. 715 of the Government of the Russian Federation of December 1, 2004 (as amended on January 31, 2020), "On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others"]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. 49. Art. 4916.
3. The World Health Organization. (n.d.) *Psikhicheskie rasstroystva* [Mental disorders]. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders> (Accessed: 17.10.2023).
4. The World Health Organization. (n.d.) *VICH i SPID* [HIV and AIDS]. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/hiv-aids> (Accessed: 17.10.2023).
5. Sitkovskaya, O.D. (2018) Znachenie psihologicheskikh znamykh dlya resheniya voprosov ob ugolovnoy otvetstvennosti lits s psikhicheskimi rasstroystvami v ramkakh vmenyaemosti [The Importance of Psychological Knowledge for Resolving Issues of Criminal Liability of Persons with Mental Disorders within the Framework of Sanity]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2 (64). p. 75.
6. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *Otchet o demograficheskikh priznakakh osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii za 2022 god (forma № 11.1.)* [Report on the Demographic Characteristics of Persons Convicted of All Crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 2022 (Form No. 11.1.)]. [Online] Available from: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (Accessed: 17.10.2023).
7. The Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Osnovnye statisticheskie pokazateli sostoyaniya sudimosti v Rossii za 2007–2022 gody* [Key statistical indicators of the criminal record in Russia for 2007–2022]. [Online] Available from: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (Accessed: 17.10.2023).
8. Sokolova, A.V. (2023) Spetsifikha ucheta semeynykh otnosheniy podсудimogo pri naznachenii ugolovnogo nakazaniya [Specificity of taking into account the defendant's family relations when imposing a criminal sentence]. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*. 1. p. 28.
9. Telberg, G.G. (1926) *Russkaya pravda* [Russkaya Pravda]. Kharbin: Faculty of Law. p. 15. [Online] Available from: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_009135024?page=10&rotate=0&theme=white (Accessed: 17.10.2023).

10. Shpakovskiy, Yu.G. & Potapchuk, I.V. (2018) Pskovskaya sudnaya gramota [The Pskov Judicial Charter]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 8 (48). pp. 146–161.
11. Cherepnin, L.F. (1955) *Stat'ya 49 Sudebnik 1497 goda. Pamyatniki russkogo prava* [Article 49 of the Code of Law of 1497. Book Monuments of Russian Law]. Vol. 3. Moscow: Gosyurizdat. pp. 346–373.
12. Russian Empire. (1830) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. S 1649 po 1675* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. From 1649 to 1675]. Vol. 1. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. p. 797.
13. Anon. (1986) *Voennye ustavy Petra Velikogo* [Military Regulations of Peter the Great]. In: *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries]. Vol. 4. Moscow: [s.n.]. pp. 314–389.
14. Russian Empire. (1830) *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. S 1800 po 1801* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. From 1800 to 1801]. Vol. 24. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. p. 618.
15. Russian Empire. (1845) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugodovnykh i ispravitel'nykh* [Code of Criminal and Correctional Punishments]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. p. 984. [Online] Available from: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=39&rotate=0&theme=white (Accessed: 17.10.2023).
16. Ogurtsov, S.A. (2014) *Nevmenyaemost': kompleksnyy podkhod* [Insanity: an integrated approach]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 3. pp. 46–47.
17. Russian Empire. (1867) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugodovnykh i ispravitel'nykh s privedeniem statey svoda zakonov, na kotoryya sd'lanы ssylki v ulozhenii (izd. 1866 g.) i s] pribavleniem: vs'kh dopolneniy i izmmneniy, I-y ch. XV-go t., raspublikovannykh po 15-e iyunya 1867 g.* [Code of Criminal and Correctional Punishments with a List of Articles of the Code of Laws Referenced in the Code (1866 Edition) and with the Addition of All Additions and Amendments, Part I of Volume XV, Published Up to June 15, 1867]. Moscow: Tip. V. Got'e, na Kuznets. mostu, d. Torletskago.
18. Russian Empire. (1868) *Voinskyi ustav o nakazaniyakh* [Military Regulations on Punishments]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
19. Russian Empire. (1915) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugodovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. 18th ed. St. Petersburg: N.S. Tagantsev.
20. Russian Empire. (1903) *Ugolovnoe ulozhenie. Vysochayshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.* [Criminal Code. Supremely approved on March 22, 1903]. St. Petersburg: Senatskaya tip.
21. Tagantsev, N.S. (1879) *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami. S dop. po 1 yanv. 1879 g. Spril. motivov i izylech. iz resheniy Ugolov. kassats. dep. Senata* [Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace with amendments up to January 1, 1879. With appendix of reasons and extracts from decisions of the Criminal Cassation Department of the Senate]. St. Petersburg: M. Stasyulevich. p. 37. [Online] Available from: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003544873?page=37&rotate=0&theme=white (Accessed: 17.10.2023).
22. RSFSR. (1919) *Rukovodyashchie nachala po ugolovnomu pravu RSFSR: postanovlenie Narkomyusta RSFSR ot 12 dek. 1919 g.* [Guidelines for criminal law of the RSFSR: Resolution of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR of December 12, 1919]. *Sobranie uzakoneniy RSFSR*. 66. Art. 590.
23. RSFSR. (n.d.) *Postanovlenie VTsIK ot 01.06.1922 (red. ot 25.08.1924) "O vvedenii v deystvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R."* (vmeste s "Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.") [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of June 1, 1922 (as amended on August 25, 1924) "On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR" (together with the "Criminal Code of the RSFSR")]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 17.10.2023).
24. USSR. (1959) *Osnovy ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik 1958 g.* [Fundamentals of the criminal legislation of the USSR and the union republics of 1958]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1. Art. 6.
25. RSFSR. (1960) *Ugolovnyy kodeks RSFSR 1960 g.* [Criminal Code of the RSFSR of 1960]. [Online] Available from: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13887> (Accessed: 17.10.2023).
26. Yakovlev, A.A. (2019) *Uchet nalichiya sotsial'nogo znachimogo zabolevaniya pri privlechenii k ugolovnoy otvetstvennosti: istoricheskiy aspekt* [Taking into account socially significant diseases when bringing to criminal liability: a historical aspect]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 4 (53). pp. 178–180.

Информация об авторе:

Мирзаев О.А. – аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: kriminal338@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Mirzaev, adjunct at the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: kriminal338@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

ПРЕДЕЛЫ, ФОРМЫ И ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Николай Владимирович Ольховик¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, *crim.just@mail.ru*

Аннотация. Определены законодательные пределы, формы и гарантии защиты публичных и частных интересов при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, указаны проблемы обеспечения интересов государства, общества, организаций, прав и законных интересов граждан при организации контроля уголовно-исполнительной инспекции за поведением условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, а также сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: публичные интересы, частные интересы, права человека, потерпевший, освобождение от наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496>

Для цитирования: Ольховик Н.В. Пределы, формы и гарантии защиты публичных и частных интересов при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 33–40. doi: 10.17223/23088451/24/6

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/6

LIMITS, FORMS, AND GUARANTEES OF PROTECTION OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN CONDITIONAL EARLY RELEASE FROM SERVING A SENTENCE

Nikolai V. Olkhovik¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, *crim.just@mail.ru*

Abstract. The article defines the legislative limits, forms, and guarantees of protection of public and private interests in case of conditional early release from serving a sentence, and also indicates the problems of ensuring the interests of the state, society, organizations, rights, and legitimate interests of citizens in organizing the control of the penal inspection over the behavior of parolees from serving a sentence. The author substantiates proposals for improving the current criminal, procedural and penal legislation in terms of application of parole, implementation of control over parolees, abolition of parole from serving a sentence.

Keywords: public interests, private interests, human rights, victim, release from punishment, parole

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496>/

For citation: Olkhovik, N.V. (2024) Limits, forms, and guarantees of protection of public and private interests in conditional early release from serving a sentence. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 33–40. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/5

Непосредственным выражением конституционных и международных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности является право каждого осужденного за преступление просить о смягчении ему наказания. Это правило предполагает необходимость законодательного определения конкретных условий реализации названного права. Российское законодательство, безусловно, предусматривает уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные законодательные пределы, формы и га-

рантии защиты этого права осужденного, а также интересов государства, общества, организаций и граждан. В то же время нормы действующего уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, касающиеся условно-досрочного освобождения, не лишены недостатков, которые так или иначе снижают эффективность этой меры уголовно-правового характера и одновременно влияют на действенность всех форм реализации уголовной ответственности.

Прежде всего, это касается определения круга наказаний, частичное отбывание которых может породить у осужденного законный интерес на условно-досрочное освобождение. Именно законный интерес, поскольку действующее уголовное законодательство рассматривает условно-досрочное освобождение не в качестве субъективного права осужденного. Отсутствие такого элемента, как право требовать от другого участника правоотношения совершения действий, направленных на реализацию предмета притязания – предоставления свободы, – не позволяет определить условно-досрочное освобождение как субъективное право. Однако позволяет вести речь о нем как о законном интересе осужденного [1. С. 93–95]. В соответствии с ч. 1 ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации условно-досрочному освобождению может подлежать только лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы. Отбывание других уголовных наказаний в настоящее время не предполагает права осужденного обратиться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении. Более того, в отношении несовершеннолетних осужденных этот перечень наказаний ограничен только лишением свободы (ч. 1 ст. 93 УК РФ). Следует заметить, что Уголовный кодекс Российской Федерации, действовавший в редакции до 8 декабря 2003 г., предусматривал также возможность условно-досрочного освобождения и при отбывании исправительных работ, ограничения свободы [2]. Как нам представляется, внесение этих изменений в ст. 79 Уголовного кодекса РФ вряд ли можно назвать оправданным по следующим причинам. Прежде всего, потому, что в уголовном законодательстве не содержится норм, которые бы стимулировали соблюдение осужденными к исправительным работам установленного порядка и условий отбывания наказания. Предусмотренная ч. 7 ст. 44 Уголовно-исполнительного кодекса РФ возможность снижения размера удержаний из заработной платы осужденного не выполняет этой функции, поскольку допускается только при ухудшении материального положения осужденного, а не при установлении возможности его исправления без дальнейшего отбывания исправительных работ. Как показывает практика, осужденные к исправительным работам, как правило, стремятся выполнять только те требования существующего порядка и условий отбывания наказания, несоблюдение которых может повлечь замену данного наказания на более строгое, что в конечном счете не всегда свидетельствует об их исправлении, а скорее о «приспособленчестве». Аналогичные проблемы возникают и при исполнении уголовного наказания в виде ограничения свободы [3. С. 151–154]. Таким образом, назрела необходимость возврата к прежней редакции ч. 1 ст. 79 Уголовного кодекса РФ.

Следующий вопрос связан с определением основания условно-досрочного освобождения. Не вдаваясь в дискуссию об основании и условиях применения условно-досрочного освобождения, отметим, что ст. 79 Уголовного кодекса РФ предусматривает в качестве основания такую степень исправления осужденного, которая позволяет суду признать, что он не нуждается в

дальнейшем отбывании наказания. При этом в ч. 4.1 ст. 79 Уголовного кодекса РФ предусматривается, что при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения. В отношении осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, суд также учитывает применение к осужденному принудительных мер медицинского характера, его отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы. В части 1 ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса РФ указываются обстоятельства, также свидетельствующие о наличии основания для применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: полное или частичное возмещение причиненного преступлением ущерба в размере, определенном решением суда, раскаяние в совершенном деянии, а также иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного. К числу иных сведений относятся данные о поведении осужденного, его отношении к учебе, например, отношение осужденных к получению начального профессионального образования и профессиональной подготовки (ч. 3 ст. 108 УИК РФ), получение осужденными основного общего и среднего (полного) общего образования (ч. 4 ст. 112 УИК РФ), и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, об участии осужденных в проводимых воспитательных мероприятиях (ч. 2 ст. 109 УИК РФ) и др. Как представляется, предпринятая в Уголовном кодексе РФ конкретизация основания применения условно-досрочного освобождения является вполне обоснованной с точки зрения предмета уголовно-правового регулирования, поскольку основание для условно-досрочного освобождения от наказания должно быть действительно предусмотрено Уголовным законом. В Уголовно-исполнительном законе регулируется деятельность исправительных учреждений по условно-досрочному освобождению осужденных от наказания и поведение осужденных при условно-досрочном освобождении их от наказания.

В то же время установление в Уголовном кодексе РФ перечня условий, образующих основание для условно-досрочного освобождения, наряду (так как употребляется союз «и») с существованием требования «определить, нуждается ли осужденный в полном отбытии назначенного судом наказания», вряд ли целесообразно, поскольку последнее предписание воспринимается в качестве еще одного условия, образующего основание для

условно-досрочного освобождения. На наш взгляд, содержание этого предписания должно определяться совокупностью ранее перечислявшихся условий.

В соответствии с п. 22 Определения Конституционного суда РФ от 28.05.2009 № 640-О-О об исправлении осужденного свидетельствует его поведение за весь период нахождения в исправительном учреждении, а не только в период, непосредственно предшествующий обращению в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении. По закону основанием применения условно-досрочного освобождения служит утрата осужденным общественной опасности. Поведение осужденного должно быть правомерным, а отношение к исполнению обязанностей – добросовестным, это отношение и исполнение должны продолжаться достаточно длительное время. Факт отбытия части наказания по ч. 3 ст. 79 УК РФ не может служить безусловным основанием для назначения судом условно-досрочного освобождения. Кроме того, положительная характеристика, заключение администрации колонии, факт отбытия части наказания, наличие поощрений, отсутствие действующих взысканий не являются безусловными основаниями для применения условно-досрочного освобождения [4].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает обязательный учет мнения потерпевшего либо его представителя при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. В то же время это вовсе не значит, что потерпевший не может участвовать в решении этого вопроса. На наш взгляд, наличие отдельной процессуальной функции позволяет рассматривать потерпевшего в качестве самостоятельного участника производства, но вряд ли он является обязательным. Скорее всего, потерпевший имеет статус факультативного участника производства по условно-досрочному освобождению.

В судебной практике сложились разные подходы к тому, как следует поступать при отсутствии между Российской Федерацией и государством, гражданином которого является ходатайствующий об условно-досрочном освобождении осужденный, международного договора об осуществлении контроля за поведением условно-досрочно освобожденного осужденного, если суду представлены иные гарантии осуществления контроля за поведением такого лица на территории иностранного государства. Одни суды, полагая, что ст. 79 УК РФ в такой ситуации не может быть применена, отказывали в удовлетворении ходатайства. Другие суды принимали противоположное решение [5. С. 69]. В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации само по себе отсутствие соответствующего международного договора не должно являться основанием для отказа в применении ст. 79 УК РФ [6]. В настоящее время Российской Федерации также применяются правила Конвенции государств – участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, от 11 октября 2019 г. (ратифицирована Федеральным законом от 12 декабря 2023 г. № 570-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 10 апреля 2024 г.) [7]. Согласно ч. 1 ст. 6 данной Конвенции в случае принятия судом или

иным компетентным органом Государства назначения наказания и Государства исполнения наказания решений о передаче исполнения наказания компетентные органы Государства назначения наказания и Государства исполнения наказания согласовывают порядок передачи заверенной компетентным органом Государства назначения наказания копии личного или контрольного дела осужденного с документами, необходимыми для исполнения.

Проблемным представляется вопрос, подлежит ли условно-досрочному освобождению от отбывания наказания осужденный, являющийся иностранным гражданином, если имеются сведения о нежелательности пребывания указанного гражданина на территории Российской Федерации и он подлежит выдворению за пределы Российской Федерации [5. С. 69]. Ю.В. Морозова предлагает следующий способ решения этой проблемы: если суд пришел к выводу, что осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного наказания, имеются гарантии иностранного государства об исполнении решения суда, достигнуто соглашение о передаче иностранного гражданина на условиях, предусмотренных международным договором Российской Федерации для осуществления контроля за поведением осужденного и возможности возложения на него дополнительных обязанностей, подлежащих исполнению в период условно-досрочного освобождения на территории иностранного государства, то оснований для отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении этого лица не имеется [5. С. 69].

Изменения и дополнения ст. 56 УК РФ об увеличении возможного максимального срока лишения свободы за ряд преступления по совокупности приговоров (до 35 лет) в совокупности с дополнением ст. 79 УК об основаниях условно-досрочного освобождения (не менее 4/5 срока наказания) привели к тому, что в отдельных случаях осужденному к лишению свободы на определенный срок для ходатайства об условно-досрочном освобождении потребуется отбыть больший срок ($4/5$ от 35 = 28 лет) по сравнению с осужденным пожизненно (25 лет) [8. С. 149]. По мнению В.А. Уткина проблемным вопросом является также и то, что в сроки для условно досрочного освобождения от наказания включаются периоды, проведенные осужденными в ПКТ, ЕПКТ, ШИЗО, одиночных камерах, карцерах в СИЗО. Их необходимо исключить для стимулирования основной массы осужденных [8. С. 170].

С.Н. Клоков отмечает, что нуждается в реформировании ч. 5 ст. 79 УК РФ в части пожизненно лишенных свободы. Он указывает на несбалансированность требований к пожизненно лишенному свободы. Уголовным законом предусмотрено лишение свободы от 25 лет, а также примерное поведение без признания злостным нарушителем порядка отбывания наказания не менее трех лет, полагая, что осужденный может 22 года быть злостным нарушителем порядка отбывания наказания, а последние три года быть «законопослушным» и закон будет на его стороне [9. С. 206].

В настоящее время в ч. 1 ст. 175 УИК РФ не прописана возможность электронной подачи ходатайства, однако при этом такая форма на сайтах судов присутствует [10. С. 42].

Рассмотренные проблемы не могли не оказаться на практике применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Статистические данные [11] свидетельствуют о том, что количество материалов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания из года в год уменьшается. Если в 2019 г. было рассмотрено 92 545 ходатайств о предоставлении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, то в 2023 г. – только 51 279. При этом вместе с уменьшением количества ходатайств, уменьшается и количество удовлетворенных ходатайств об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания с 45 387 в 2019 г. до 20 703 в 2023 г. При этом уменьшается и доля удовлетворенных ходатайств, в 2019 г. она составляла 49%, в 2023 г. – 40%. Указанные тенденции обусловлены постоянно уменьшающимся количеством осужденных, отбывающих лишение свободы: с 523,9 тыс. в 2019 г. до 266 тыс. на 5 октября 2023 г. Таким образом, обусловлена взаимосвязь уменьшения ходатайств об условно-досрочном освобождении с уменьшением лиц, которые могут его заявить, а также ухудшением контингента осужденных, отбывающих лишение свободы [12]. Осужденные практически не освобождаются условно-досрочно с отрицательной характеристикой администрации исправительного учреждения. Следует отметить, что количество отказов судов применять условно-досрочное освобождение при наличии положительной характеристики осужденного мало, их число находится в пределах 10–15 человек ежегодно. Отказы связаны, прежде всего, со степенью тяжести совершенного преступления, с риском возможного рецидива, с личностью самого осужденного.

В то же время не всегда понятны основания принятия решений по вопросам условно-досрочного освобождения, например, суд часто возвращает ходатайства без рассмотрения. В одних регионах Российской Федерации процент положительных решений может достигать 60–70%, в других – не превышать 20–30%, что ставит в неравное положение осужденных. Кроме того, суд при принятии решения часто учитывает не те основания, которые указаны в законе, отказывая в удовлетворении ходатайств осужденным за особо тяжкие преступления (прежде всего убийства), а также тем, у кого остался длительный неотбытый срок (как правило, больше 2–3 лет).

В целях определения пределов защиты публичных и частных интересов любопытным представляется анализ содержания обязанностей условно-досрочно освобожденных. Часть 2 ст. 79 УК РФ предоставляет суду право возложить на условно-досрочно освобожденного обязанности, которые по своему содержанию и целевой направленности совпадают с обязанностями условно осужденных. Таким образом, суд может возложить на условно-досрочно освобожденного исполнение обязанностей, как предусмотренных законом (ч. 5 ст. 73 УК РФ), так и других, которые бы способствовали его исправлению. Обращает на себя внимание то, что в качестве основного критерия выбора характера и допустимости возложения таких обязанностей законодателем

определен только цель исправления. Судебная практика накопила богатый опыт возложения «иных обязанностей, способствующих исправлению» в отношении некоторых категорий условно осужденных и условно-досрочно освобожденных. Но, несмотря на это, в российском законодательстве отсутствует даже примерный перечень «обязанностей, способствующих исправлению осужденных». В то же время, анализ практики применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания свидетельствует о необходимости установления в законе закрытого перечня требований, которые обязательны для всех без исключения условно-досрочно освобожденных. Однако, на наш взгляд, наличие такого перечня является оправданным только в том случае, если они облегчают осуществление контроля за данной категорией лиц (например, проходить регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию; не менять постоянное место жительства, работы и учебы без письменного уведомления уголовно-исполнительной инспекции; не выезжать в другие местности без письменного уведомления уголовно-исполнительной инспекции; по требованию уголовно-исполнительной инспекции представлять объяснения и иные документы, необходимые для осуществления контроля за поведением условно-досрочно освобожденного; являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию; ежегодно представлять в налоговый орган по месту жительства декларацию о доходах и иные сведения об имуществе, являющемся объектом налогообложения, в том числе находящемся за пределами Российской Федерации). Кроме того, некоторые из этих обязанностей, например «не выезжать в другие местности без письменного уведомления уголовно-исполнительной инспекции», «не менять постоянное место жительства, работы и учебы без письменного уведомления уголовно-исполнительной инспекции» направлены на привлечение освобожденного «к конкретному исправительно-воспитательному воздействию в конкретной среде» [13. С. 69], в то же время они являются ограничением, которое в силу Конституции Российской Федерации должно устанавливаться только федеральным законом. Закреплять в законе требования, являющиеся мерами профилактики (не покидать место жительства в определенное уголовно-исполнительной инспекцией время; не посещать определенные уголовно-исполнительной инспекцией места в свободное от работы или учебы время), либо мерами восстановления (принимать меры по возмещению ущерба, причиненного здоровью, имуществу потерпевшего, или материального ущерба государству), в качестве обязательных для всех категорий условно-досрочно освобожденных, вряд ли целесообразно. Ибо всегда могут возникнуть ситуации, когда возложение этих обязанностей на конкретного условно-досрочно освобожденного станет излишним, поскольку он уже возместил причиненный вред и не нуждается в ограничениях профилактического характера. Однако в то же время это не означает, что возложение этих обязанностей не должно быть предусмотрено законом вообще. Например, обязанности, относящиеся к мерам профи-

лактики, должны предусматриваться законом, но в качестве «других обязанностей, способствующих исправлению».

Перечень «других обязанностей, способствующих исправлению», также не должен быть закрытым. Мы не разделяем позицию отдельных научных и практических работников, которые считают, что перечень «других обязанностей, способствующих исправлению» должен быть исчерпывающим. Однако обсуждать вопрос о целесообразности их возложения суды, на наш взгляд, обязаны. Поэтому решение вопроса о нецелесообразности обременения освобожденного какими-либо обязанностями этой группы должно найти свое отражение в акте суда.

Не менее интересен вопрос, насколько оптимально сформулированы некоторые обязанности условно-досрочно освобожденных. Нуждаются в особом рассмотрении обязанности «пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании», «пройти курс лечения заболеваний, передающихся половым путем». Буквальная формулировка этих обязанностей означает, что освобожденный обязан пройти соответствующий курс лечения, независимо от того, противопоказано оно ему или нет. При наличии противопоказаний к лечению обязанность останется неисполненной. Аналогичные последствия наступят, если условно-досрочно освобожденный не имеет средств для прохождения лечения. Более того, формулировка этой обязанности не позволит уголовно-исполнительным инспекциям каким-либо образом воздействовать на освобожденного, если он после лечения вновь употребляет наркотические средства или психотропные вещества. Эти обстоятельства указывают на необходимость следующей корректировки содержания рассматриваемых обязанностей: «пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании при отсутствии противопоказаний к лечению», «пройти курс лечения от наркомании и токсикомании и не употреблять впредь наркотические средства и психотропные вещества», «пройти курс лечения заболеваний, передающихся половым путем при отсутствии противопоказаний к лечению».

Обращает на себя внимание относительная неопределенность границ оказания материальной поддержки семье, вследствие чего эта обязанность не может быть проконтролирована и не всегда выполняет свою функцию. Конкретизировать содержание этой обязанности возможно, если установить, по аналогии с алиментами, размер денежной суммы или процент от дохода, которые освобожденный должен периодически передавать в семейный бюджет.

Анализ практики возложения на условно-досрочно освобожденных обязанностей позволяет говорить о принципе необходимой достаточности требований режима испытания при условно-досрочном освобождении [14. С. 251]. Установление осужденным этих требований направлено на предупреждение совершения условно-досрочно освобожденными новых преступлений и обеспечивает благоприятные условия его исправления. Проведенное исследование личности условно-

досрочно освобожденных, совершивших новое преступление в период испытательного срока, убедительно доказывает, что совершению этого преступления предшествовали паразитический образ жизни осужденных, отсутствие у них средств к существованию, систематическое совершение административных правонарушений, которые были однородны с тем преступлением, за совершение которого они были осуждены. На наш взгляд, этого могло не произойти, если бы данная категория осужденных работала, училась, занималась иной общественно-полезной деятельностью и суд, по представлению уголовно-исполнительной инспекции, либо сама инспекция могли скорректировать перечень и содержание режима испытания при условно-досрочном освобождении. В связи с этим считаем необходимым и своевременным предоставить суду возможность возложения на условно-досрочно освобожденных обязанностей как при вынесении приговора, так и в период испытательного срока по представлению уголовно-исполнительной инспекции, а также уголовно-исполнительной инспекции, если эти обязанности направлены на обеспечение осуществления контроля за исполнением осужденным требований режима испытания (например, являться для регистрации в уголовно-исполнительную инспекцию с указанием периодичности, отчитываться перед уголовно-исполнительной инспекцией о своем поведении). При этом перечень обязанностей, которые могут быть возложены судом, должен быть открытый, так как это позволит суду индивидуализировать требования режима каждому условно-досрочно освобожденному.

Изучение условно-досрочно освобожденных в 2019–2024 гг. в ряде регионов Российской Федерации (Самарская область, Алтайский край, Новосибирская область, Томская область, Тюменская область, ХМАО – ЮГра, Ямало-Ненецкий автономный округ) свидетельствует о том, что 40% от общего количества условно-досрочно освобожденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций в обследованных регионах, занимают осужденные за преступления против собственности. Среди них наибольшее количество приходится на осужденных за кражи (от 19 до 27% в зависимости от региона изучения), грабежи (от 3,5 до 7,5%), разбой (от 3,5 до 7,5%), незаконное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (от 1,5 до 4,5%). Практически каждый второй условно-досрочно освобожденный обязан был возместить причиненный преступлением ущерб. Обращает на себя внимание относительная неопределенность границ возмещения вреда (ущерба), причиненного преступлением, вследствие чего эта обязанность не может быть проконтролирована и не всегда выполняет свою функцию.

Конкретизировать содержание этой обязанности возможно, если установить, по аналогии с алиментами, размер денежной суммы или процент от дохода, которые освобожденный должен периодически перечислять потерпевшему при возмещении ущерба, причиненного преступлением.

Таким образом, учитывая необходимость конкретизации обязанностей, возложенных судом на условно-до-

срочно освобожденных от отбывания наказания, в зависимости от их поведения в течение неотбытой части наказания, следует закрепить в ст. 79 УК РФ право суда по представлению уголовно-исполнительной инспекции возлагать новые, изменять содержание ранее возложенных обязанностей в сторону их смягчения или уже-стечения либо отменять ранее возложенные судом обязанности.

Пределом и в то же время гарантией защиты публичных и частных интересов при условно-досрочном освобождении является закрепление в Уголовном кодексе РФ оснований отмены условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Законодательство допускает отмену условно-досрочного освобождения при совершении осужденным в течение неотбытой части наказания административного правонарушения, преступления либо при злостном уклонении от исполнения обязанностей. Безусловно, не все из перечисленных оснований влекут обязательную отмену рассматриваемой меры уголовно-правового характера. Но этот вопрос подробно регламентирован в уголовном законодательстве и, казалось бы, в принципе не должен вызывать проблем. Однако проведенное нами исследование свидетельствует о том, что из числа условно-досрочно освобожденных, прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций в 2022 г., около 10% допустили нарушения порядка условно-досрочного освобождения, из них 1,5% скрылись от контроля уголовно-исполнительной инспекции. В отношении 4,5% осужденных направлены в суд материалы об отмене условно-досрочного освобождения и дальнейшем отбывании наказания в виде принудительных работ либо лишения свободы. Несмотря на то что ст. 79 УК РФ допускает отмену условно-досрочного освобождения за злостное уклонение от исполнения обязанностей, возложенных на осужденного судом при применении условно-досрочного освобождения, имели задолженность по исполнительным документам 4% условно-досрочно освобожденных, из них погасил задолженность в полном объеме только каждый десятый условно-досрочно освобожденный. На наш взгляд, такая практика связана не только с тем, что суд не определил порядок возмещения ущерба потерпевшему, но и обусловлена в некоторой степени неопределенностью понятия злостности уклонения от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного. Злостность в данном случае предполагает установление следующих обстоятельств: неоднократное предупреждение осужденного за невыполнение судебного постановления – злостность; длительный характер неисполнения судебного постановления – системность; нежелание осужденного соблюдать порядок и условия условно-досрочного освобождения.

Указанное положение позволяет говорить о необходимости обеспечения публичных и частных интересов при установлении и последующей корректировки судом и уголовно-исполнительной инспекцией обязанностей условно-досрочно освобожденных в зависимости от категории освобожденных и их поведения в период испытательного срока при условно-досрочном освобождении.

Реализация этого положения предполагает возможность суда и (или) уголовно-исполнительной инспекции в целях предупреждения совершения осужденным нового преступления и обеспечения благоприятных условия его исправления устанавливать условно-досрочно освобожденными дополнительные обязанности и запреты или отменять ранее установленные полностью или частично.

На практике сотрудники уголовно-исполнительных инспекций сталкиваются с проблемой осуществления первоначальных розыскных мероприятий и их оформлением в законное требование для дальнейшей передачи в суд для отмены условно-досрочного освобождения и отбывании осужденным оставшейся части наказания. Уголовно-исполнительная инспекция обязана для начала признать лицо злостно уклоняющимся. При этом в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» установлено, что для признания злостным уклоняющимся необходим признак повторности, который установить достаточно трудно, особенно если первое уклонение происходит длительный срок. Решить данную проблему, по мнению К.В. Кононовой и Д.И. Гаврилова, невозможно без внесения изменений в ч. 1 ст. 18.1 УИК РФ в части дополнения категорией «условно-досрочно освобожденный» [15. С. 89–91]. Данное нововведение позволит проводить первоначальные розыскные мероприятия и впоследствии признавать скрывающегося условно-досрочно освобожденного злостным уклоняющимся от контроля уголовно-исполнительной инспекции.

Проблематичным с точки зрения обеспечения защиты публичных и частных интересов является отмена условно-досрочного освобождения за совершение осужденным в течение неотбытой части наказания административного правонарушения. Уголовный кодекс РФ допускает возможность отмены условно-досрочного освобождения при *однократном* (здесь и далее курсив мой. – Н.О.) нарушении освобожденным общественного порядка, за которое он был подвергнут административному наказанию. При этом перечень административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, предусмотрен Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако практика отмены условно-досрочного освобождения за одно административное правонарушение, посягающее на общественный порядок, на практике отсутствует, что, на наш взгляд, является вполне обоснованным, ибо это обстоятельство само по себе не позволяет сделать вывод, что осужденный не оправдал оказанного ему доверия. В связи с этим следует поддержать позицию, нашедшую отражение в Уголовном кодексе Республики Казахстан, который в качестве основания возможной отмены условно-досрочного освобождения предусматривает *неоднократное административное правонарушение*, за которое на освобожденного было наложено административное взыскание [16]. В то же время, буквальное толкование этой нормы Уголовного кодекса Республики Казахстан позволяет суду положительно решить вопрос

об отмене при совершении лицом двух любых административных правонарушений, повлекших административное взыскание. С одной стороны, такое правило с большей степенью вероятности обеспечивает соблюдение освобожденным административного законодательства, а значит, его правопослушное поведение, но с другой стороны, представляется слишком суровым. На наш взгляд, в качестве основания факультативной отмены условно-досрочного освобождения в Уголовном кодексе РФ следует предусмотреть неоднократное совершение осужденным в течение неотбытой части наказания административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, либо административных

правонарушений, однородных с ранее совершенным данным лицом преступлением.

Затронутые вопросы, конечно же, не исчерпывают всей проблемы, связанной с пределами, формами и гарантиями защиты публичных и частных интересов при условно-досрочном освобождении. Тем не менее без решения этих вопросов баланс публичных и частных интересов при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания невозможен, что в конечном счете может повлечь нарушение интересов государства, общества, организаций или граждан, а также резкое повышение уровня рецидивной преступности среди условно-досрочно освобожденных.

Список источников

1. Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М., 1992. 150 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63 // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. М., 2024. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 12.09.2024).
3. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных к ограничению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 151–154.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гладкова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 78, 117 и 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статей 58, 79 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2009 N 640-О-О // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. М., 2024. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 12.09.2024).
5. Морозова Ю.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания : учеб. пособие. СПб. : СПб. юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 69 с.
6. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 25.06.2024) // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. М., 2024. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 12.09.2024).
7. Конвенция государств – участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, от 11 октября 2019 года (ratифицирована Федеральным законом от 12 декабря 2023 года № 570-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 10 апреля 2024 года) // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. М., 2024. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та (дата обращения: 12.09.2024).
8. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. 240 с.
9. Клоков С.Н. К вопросу о реформировании института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей) : сб. материалов Всерос. межвед. науч.-практ. конф., посвящ. X Всероссийскому съезду судей : в 2 ч. Ч. I / под ред. В.И. Поправко, В.Ю Журавлевой, Р.В. Ярцева. Н. Новгород : Аврора, 2022. С. 202–207.
10. Кушева В.В. Законодательная регламентация и практика применения видов освобождения от уголовного наказания // Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. С. 42–44.
11. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn---7sbqk8achja.xn--plai/> (дата обращения: 21.10.2024).
12. Федеральная служба государственной статистики. Преступность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13219> (дата обращения: 21.10.2024).
13. Уткин В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984. 189 с.
14. Чуприна Л.В. Режим испытания при условно-досрочном освобождении : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 251 с.
15. Кононов К.В., Гаврилов Д.И. Осуществление контроля за лицами, освобожденными условно-досрочно // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. 2021. С. 89–91.
16. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 12.09.2024).

References

1. Seliverstov, V.I. (1992) *Teoreticheskie problemy pravovogo polozheniya lits, otbyvayushchikh nakazaniya* [Theoretical Problems of the Legal Status of Persons Serving Sentences]. Moscow.
2. Russian Federation. (2024) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63* [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63 of June 13, 1996]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 12.09.2024).
3. Olkhovik, N.V. (2015) Recidivism of convicts sentenced to imprisonment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 395. pp. 151–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/395/25
4. Russian Federation. (2024) *Ob otkaze v prinyati k rassmotreniyu zhalyby grazhdanina Gladkova Vladimira Mikhaylovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami statey 78, 117 i 175 Ugolovno-ispolnitelnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, stately 58, 79 i 80 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 28.05.2009 N 640-O-O* [On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Mikhaylovich Gladkov regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 78, 117, and 175 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation, Articles 58, 79, and 80 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution N 640-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 28, 2009]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 12.09.2024).
5. Morozova, Yu.V. (2022) *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya* [Conditional early release from serving a sentence]. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
6. Russian Federation. (2024) *O sudebnoy praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya, zameny neotbytoy chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.04.2009 № 8 (red. ot 25.06.2024)* [On the judicial practice of conditional early release from serving a sentence, replacing the unserved portion of a sentence with a more lenient type of punishment: Resolution No. 8 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 21, 2009 (as amended on June 25, 2024)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 12.09.2024).
7. Russian Federation. (2024) *Konvensiya gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv o peredache ispolneniya nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem svobody, ot 11 oktyabrya 2019 goda (ratifitsirovana Federal'nym zakonom ot 12 dekabrya 2023 goda № 570-FZ, vstupila v*

- silu dlya Rossiyskoy Federatsii 10 aprelya 2024 goda) [Convention of the Member States of the Commonwealth of Independent States on the Transfer of the Execution of Non-custodial Sentences of October 11, 2019 (ratified by Federal Law No. 570-FZ of December 12, 2023, entered into force for the Russian Federation on April 10, 2024)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 12.09.2024).*
- 8. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.
 - 9. Klokov, S.N. (2022) *K voprosu o reformirovaniyu instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya* [On reforming the institution of parole]. In: Popravko, V.I., Zhuravleva, V.Yu., Yartsev, R.V. (ed.) *Pravosudie v sovremenном mire (k X Vserossiyskому s"ezdu sudey)* [Justice in the Contemporary World (to the 10th All-Russian Congress of Judges)]. Vol. 1. Nizhny Novgorod: Avrora. pp. 202–207.
 - 10. Kusheva, V.V. (2022) *Zakonodatel'naya reglamentatsiya i praktika primeneniya vidov osvobozhdeniya ot ugolovnogo nakazaniya* [Legislative regulation and practice of applying types of release from criminal punishment]. In: *Kuzbasskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy* [Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service]. [s.l.: s.n.], pp. 42–44.
 - 11. Russian Federation. (n.d.) *Sudebnaia statistika RF* [Judicial statistics of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://stat.xn---7sbqk8achja.xn--plai/> (Accessed: 21.10.2024).
 - 12. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Prestupnost'* [Crime]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13219> (Accessed: 21.10.2024).
 - 13. Utkin, V.A. (1984) *Nakazanie i ispravitel'no-trudovoe vozdeystvie* [Punishment and Correctional Labor Influence]. Tomsk: Tomsk State University.
 - 14. Chuprina, L.V. (2012) *Rezhim ispytaniya pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii* [Probationary regime for parole]. Law Cand. Diss. Tomsk.
 - 15. Kononov, K.V. & Gavrilov, D.I. (2021) *Osushchestvlenie kontrolya za litsami, osvobozhdennymi uslovno-dosrochno* [Implementation of control over persons released on parole]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystvie nauki i praktiki* [The Penal System Today: Interaction of Science and Practice]. Proc. of the Conference. pp. 89–91.
 - 16. The Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan* [Criminal Code of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (Accessed: 12.09.2024).

Информация об авторе:

Ольховик Н.В. – доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Olkhovik, docent, Cand. Sci. (Law), Head of the Department of Criminal Law, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/24/7

ОСОБЫЕ ВОЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОТЯГЧАЮЩИЕ НАКАЗАНИЕ

Дмитрий Олегович Трофимов¹

¹ АНО «Диалог Регионы», Томск, Россия, dmitry.trofimov.91@gmail.com

Аннотация. Закрепление в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации ряда обстоятельств, подлежащих особому учету, а также включение этих обстоятельств в перечень отягчающих обстоятельств, закрепленный в ст. 63 УК РФ, требует детального изучения этих правовых категорий в целях обоснованного и эффективного применения уголовного закона.

Ключевые слова: период мобилизации, период военного положения, военное время, условия вооруженного конфликта, условия ведения боевых действий

Для цитирования: Трофимов Д.О. Особые военные обстоятельства как обстоятельства, отягчающие наказание // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 41–47. doi: 10.17223/23088451/24/7

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/7

SPECIAL MILITARY CIRCUMSTANCES AS CIRCUMSTANCES AGGRAVATING PUNISHMENT

Dmitrii O. Trofimov¹

¹ ANO Dialogue Regions, Tomsk, Russian Federation, dmitry.trofimov.91@gmail.com

Abstract. To bring to criminal liability persons who have committed a crime in military circumstances, criminal law must include legal categories for these legally significant military circumstances. Such categories were adopted by Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022, On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation." Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022, qualifies as the crimes committed under such circumstances those committed 1) during mobilization; 2) during martial law; 3) in wartime; 4) during armed conflicts; 5) in conditions of hostilities. All these circumstances have been enshrined in Art. 63 of the Criminal Code of the Russian Federation as aggravating to adjust criminal law to the realities of the Special Military Operation. The author examines all special military circumstances in terms of their inclusion in Art. 63 of the Criminal Code of the Russian Federation among general aggravating circumstances. The analysis employs generally accepted scientific approaches to the category of aggravating circumstances, revealing their legal nature, consequences, and the accounting procedure.

Keywords: mobilization, martial law, wartime, conditions of armed conflict, conditions of military operations

For citation: Trofimov, D.O. (2024) Special military circumstances as circumstances aggravating punishment. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 42–47. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/7

Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] закреплен ряд обстоятельств, подлежащих особому учету, в том числе при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в военное время. Мы полагаем, что имеются основания именовать всю совокупность этих обстоятельств особыми военными обстоятельствами (ОВО), поскольку указанная формулировка характеризует как источник их возникновения, так и содержание. Кроме того, она удобна с позиции краткости изложения.

К указанным обстоятельствам Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ относит совершение преступле-

ния: 1) в период мобилизации; 2) в период военного положения; 3) в военное время; 4) в условиях вооруженного конфликта; 5) в условиях ведения боевых действий.

Таким образом, с принятием Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ законодательство, регламентирующее ответственность за совершение преступлений в военное время, стало частью более широкой группы норм, составляющих нормативные основания установления и дифференциации уголовной ответственности.

Одной из таких норм является ст. 63 УК РФ, содержащая перечень обстоятельств, отягчающих наказание, в которой в качестве новых отягчающих обстоятельств были закреплены все пять ОВО.

В теории уголовного права обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 63 УК РФ, именовались по-разному: обстоятельствами, влияющими на степень вины [2. С. 250], увеличивающими вину [3. С. 252], отягчающими преступление [4. С. 28], отягчающими общественную опасность [5. С. 27], отягчающими степень ответственности [6. С. 57–58].

Не вдаваясь в полемику относительно сущности этих обстоятельств, солидаризируемся с авторами, отмечающими в качестве их ключевого сущностного свойства увеличение общественной опасности преступления и личности преступника с тем лишь уточнением, что правильным представляется именно *увеличение*, а не *отягчение* общественной опасности, поскольку такая категория, как степень тяжести, характерна для преступления, а не для общественной опасности.

В науке уголовного права принято считать, что любой признак, используемый для конструирования разновидностей того или иного состава, по своей правовой природе является или может быть смягчающим или отягчающим обстоятельством [7. С. 40], а в составе преступления, в различных его элементах присутствуют такие признаки, которые, не влияя на квалификацию содеянного по пунктам, частям, статьям Особенной части УК РФ, значимы для применения уголовного закона при назначении наказания – обстоятельства, отягчающие наказание [8. С. 9].

С учетом роли и вида обстоятельств, отягчающих наказание, предполагающих повышение общественной опасности и обусловленное этим увеличение репрессивности применяемых санкций, рассмотрение обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, в качестве признаков состава преступления обуславливает такое закономерное правовое последствие их наличия, как их обязательный учет при назначении наказания. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, в частности с Н.А. Лопашенко, которые считают, что учет отягчающих обстоятельств – это право суда [9. С. 131].

В пункте «л» ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ добавлено: в период мобилизации или военного положения, в военное время, либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Таким образом, в качестве отягчающих обстоятельств закреплены все пять ОВО, что, как указывают некоторые авторы, обусловлено влиянием СВО на уголовное законодательство, несомненной необходимостью приведения его в соответствие новым военным реалиям [10. С. 12–16].

Представляется неверным также мнение авторов, в частности Е.Н. Паршакова, считающих возможным корректировку ст. 63 УК РФ в части новых включенных в нее новых отягчающих обстоятельств (ОВО) путем обозначения видов преступления, а также сужения круга лиц, на которых распространяется каждое отягчающее обстоятельство [11]. Подобный подход противоречит природе отягчающих обстоятельств как обстоятельств, увеличивающих общественную опасность любого преступления, совершенного при их наличии, а не избирательно указанного.

Таким образом, по логике законодателя и по смыслу ст. 63 УК РФ, все отягчающие обстоятельства, а значит, и указанные в ст. 63 УК РФ ОВО, должны (при условии их наличия) быть учтены при назначении наказания за **все** совершенные при их наличии преступления. Однако наличие преступлений, общественная опасность которых не повышается при их совершении в условиях ОВО, не позволяет относить **все** ОВО к отягчающим обстоятельствам, что обуславливает необходимость исключения из п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ тех ОВО, которые не повышают общественную опасность совершаемых при их наличии преступлений.

При этом не вызывает затруднений поиск в УК РФ преступлений, общественная опасность которых не изменяется при их совершении в условиях ОВО. Действительно, не имеет существенного значения с позиции анализа общественной опасности, совершена ли, к примеру, незаконная рубка лесных насаждений в военное время или нет, проводится ли в это время мобилизация и введено ли в соседнем субъекте Федерации военное положение.

Вместе с тем некоторые ОВО, в частности условия ведения боевых действий, обуславливают повышенную общественную опасность любых преступных деяний в силу обстановки этого ОВО, предполагающей необходимость соблюдения строжайшей дисциплины и повышенные требования к социальной сознательности. Поэтому закрепление такого ОВО в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, является целесообразным.

Учет отягчающих обстоятельств должен осуществляться судом «под ракурсом» рассмотрения степени увеличения репрессивности применяемых мер уголовной ответственности и в отношении каждого обстоятельства, закрепленного в ст. 63 УК РФ и наличествующего в деянии или обстоятельствах содеянного.

На практике же складывается противоположная ситуация. В рамках случайной выборки нами было проанализировано 100 приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции в 2023–2024 гг. по наиболее распространенным «общеголовным» статьям УК РФ. **Ни в одном из них** суд не учел в качестве обстоятельств, отягчающих наказание, совершение преступления в военное время, в период мобилизации или иные ОВО. Таким образом, на практике суды вполне отчетливо «корректируют» позицию законодателя.

В этой связи, в целом поддерживая высказанное в научной и практической среде мнение о том, что СВО обуславливает целесообразность ужесточения уголовного наказания, в особенности за военные преступления [12. С. 134], полагаем, что такое ужесточение должно осуществляться с позиции неотвратимости уголовной ответственности, а формальное включение в УК новых отягчающих обстоятельств без их реального учета не повысит эффективность наказания.

Отмечая безусловную необходимость приведения уголовного законодательства в соответствие с военными реалиями, следует указать, что закрепление в ст. 63 УК РФ всех пяти ОВО не является необходимым или обоснованным шагом в данном направлении.

Анализ ОВО как отягчающих обстоятельств представляется правильным проводить с опорой на ранее упоминавшуюся категорию «законодательство военного времени», которая присутствовала в УК РФ до принятия Федерального закона от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В рамках указанной категории, которая всегда носила общий, даже абстрактный характер (что порождало дискуссии о ее содержании), учитывая ранее отмеченное нами ключевое свойство обстоятельств, отягчающих наказание (общественная опасность), применительно к уголовному праву, исходя из критерия влияния ОВО на общественную опасность преступления, можно выделить три группы норм: 1) нормы, предусматривающие ответственность за деяния, непосредственно связанные с военной деятельностью осуществляющих их субъектов (преступления против военной службы); 2) нормы, закрепляющие наказуемость деяний, общественная опасность которых существенно возрастает в ОВО, и 3) все остальные нормы, закрепляющие ответственность за преступления, на общественную опасность которых ОВО не оказывают непосредственного существенного влияния.

К первой группе представляется необходимым относить собственно преступления против военной службы (войинские преступления), закрепленные в главе 33 УК РФ.

Вторую группу образуют преступления, общественная опасность которых существенно возрастает в ОВО. К ним следует отнести следующие.

Статья 189 УК РФ «Незаконные экспорт из Российской Федерации или передача товаров, или технологий вооружения, или военной техники, незаконное выполнение работ либо незаконное оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль». Поскольку военное время повышает опасность для государства и общества деятельности, связанной с незаконным оказанием услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль ввиду особой важности предмета данных работ или услуг, их значимости. Еще большую опасность порождает деятельность, связанная с незаконным экспортом военной техники, которая может в конечном итоге быть передана врагу, быть использована для научных исследований недружественными государствами и т.д.

Статья 201.2 УК РФ предусматривает ответственность за «нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа». В период ОВО цена нарушения условий, касающихся выполнения государственного оборонного заказа, многократно возрастает, поскольку от его выполнения напрямую зависит успех боевых действий.

В действующей редакции ст. 201.2 УК РФ содержит только основной состав и квалифицированный состав преступления, предусматривающие ответственность за деяние, повлекшее причинение ущерба Российской Федерации.

Аналогично ст. 201.2 УК РФ необходимо рассматривать ст. 201.3 УК РФ.

Особого внимания с точки зрения их общественной опасности в ОВО представляют преступления террористической направленности (ст. 205–205.5 УК РФ), поскольку они предполагают дестабилизацию общества, общественного сознания, что недопустимо в период, когда общество должно сконцентрироваться на победе над врагом.

Распространение в обществе панических настроений, неуверенности в способности государства защитить своих граждан крайне негативно влияет на достижение военных целей.

Этот подход можно распространить также на преступления, предусмотренные ст. 206–207.3 УК РФ, закрепляющие ответственность за распространение дестабилизирующей общества информации. По вышеизложенным причинам осуществление деяний, связанных с незаконным вооружением населения в преступных целях в ОВО с очевидностью значительно повышает общественную опасность от такой деятельности.

Поэтому к преступлениям второй группы законодательства военного времени следовало бы отнести и такие, как предусмотренные ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации», а также ст. 209 «Бандитизм».

Преступления, предполагающие деятельность, связанную с социальным разобщением общества по каким-либо политическим, экономическим или иным вопросам, в ОВО несут в себе потенциал значительно большей общественной опасности, нежели в мирное время.

К ним следует отнести деяния, предусмотренные ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки», а также ст. 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования».

В военное время возрастает распространенность преступлений, связанных с незаконным изготовлением и оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, поэтому к группе преступлений, общественная опасность которых возрастает в этот период, следует отнести и преступления, предусмотренные ст. 222–226 УК РФ.

При наличии ОВО возрастает общественная опасность деяний, создающих угрозу транспортной безопасности либо нарушающих транспортное сообщение, поскольку в военное время транспортная логистика имеет важное значение не только для торговли и туризма, но и для военных нужд. Поэтому к преступлениям второй группы законодательства военного времени следует отнести составы преступлений, предусмотренные ст. 267 УК РФ «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения», а также ст. 271.1 УК РФ «Нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации».

Непосредственно связана с обеспечением военных нужд государства безопасность его критической информ-

мационной инфраструктуры, а также сетей связи, посягательство на которые несет в себе еще более значительный потенциал общественной опасности в военных обстоятельствах, поскольку современные средства и методы ведения войны предполагают широкое распространение информационно-телеинформационных технологий. Изложенное обуславливает необходимость отнесения к этой группе преступлений также составов, предусмотренных ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», ст. 274.2 УК РФ «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телеинформационной сети “Интернет” и сети связи общего пользования».

Особое значение для обеспечения государственных нужд в военное время приобретают общественные отношения в области обеспечения основ конституционного строя и безопасности государства. Любое негативное воздействие на общественное сознание (как военной, так и гражданской части населения Российской Федерации), порождающее социальные конфликты и противоречия, в условиях ОВО влечет за собой угрозу социального раскола, обусловленного политическими, национальными, экономическими, идеологическими или иными поводами и причинами. В этой связи все составы преступлений, содержащиеся в главе 29 УК РФ, следуют отнести к группе преступлений, общественная опасность которых в ОВО значительно возрастает.

Некоторые преступления из этой главы непосредственно направлены против интересов Российской Федерации (в том числе военных интересов) и на причинение вреда общественным отношениям, обеспечивающим эти интересы, совершение действий в интересах недружественных государств, например ст. 275 УК РФ «Государственная измена», 276 УК РФ «Шпионаж». Другие предполагают подрыв основ конституционного строя, поскольку они направлены на насильственный захват и смену власти, например ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж». Третьи направлены на социальное разобщение, раскол, подрыв авторитета власти, например ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 280.4 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства». Четвертые предполагают негативное воздействие на предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения, например ст. 281 УК РФ «Диверсия», ст. 281.3 УК РФ «Организация диверсионного сообщества и участие в нем». Пятые представляют собой посягательства на сохранение государственной тайны Российской Федерации, например, ст. 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны», ст. 284 УК РФ «Утрата документов, составляющих государственную тайну».

К преступлениям данной группы, безусловно, следует отнести также преступления в сфере злоупотребления должностными полномочиями в сфере государственного оборонного заказа и его нарушение: ст. 285.4, 285.5, 285.6 УК РФ.

Все перечисленные составы преступлений, образующие вторую группу норм предлагаемой нами классификации преступлений по признаку повышения общественной опасности в ОВО, объединяет то, что само по себе деяние, образующее объективную сторону этих составов, если оно осуществлено вне обстановки ОВО, не повышает их общественную опасность. Однако, совершенное в условиях ОВО, это же деяние ее многократно усиливает. Подтверждением тому является появление многих из этих составов преступлений в УК РФ после начала СВО.

Сказанное позволяет поставить вопрос о целесообразности закрепления в статьях УК РФ, предусматривающих ответственность за данные преступления, квалифицирующих признаков, связанных с совершением этих деяний в ОВО. Это позволит учесть повышенную общественную опасность от таких деяний в условиях ОВО. Однако **все** перечисленные составы преступлений сегодня не содержат квалифицирующих признаков, предлагающих повышенную ответственность за их совершение в условиях ОВО, что является упущением, которое может быть устранено путем исключения ОВО из отягчающих обстоятельств и закрепления их в качестве квалифицирующих признаков соответствующих составов.

Третью группу норм Особенной части УК РФ составляют все остальные нормы, поскольку на их общественную опасность, как правило, ОВО не оказывает существенного влияния.

Предлагаемая нами классификация уголовно-правовых норм позволяет критически оценить закрепление ОВО в качестве общих отягчающих обстоятельств, поскольку в их выделении заложен критерий влияния этих обстоятельств на общественную опасность преступления, без повышения которой отсутствуют основания признавать само обстоятельство отягчающим.

Таким образом, анализ ОВО с позиции повышения общественной опасности совершающего при их наличии преступного деяния (а именно: повышение общественной опасности деяния при ОВО обуславливает целесообразность их закрепления в качестве обстоятельств, отягчающих наказание) приводит к выводу, что далеко не все ОВО и не всегда следует рассматривать в качестве обстоятельств, отягчающих наказание.

Первое ОВО, закрепленное в ст. 63 УК РФ – это совершение преступления «в период мобилизации». Как указывалось ранее, данное ОВО следует рассматривать как в контексте временного, так и территориального критериев. Но даже если рассматривать мобилизацию (которая может быть как общей, так и частичной) в широком смысле, в рамках территорий, на которых она проводится, а также с учетом временных рамок ее начала и окончания, преступления третьей группы, совершаемые в период осуществления на определенной территории мобилизационных мероприятий, не будут

характеризоваться существенным повышением общественной опасности.

Если на территории субъекта Федерации проводятся мобилизационные мероприятия, сам по себе данный факт не повышает общественную опасность убийств, краж, действий по незаконному распространению наркотических средств и т.п. на территории данного субъекта.

Мобилизационные мероприятия не будут влиять на общественную опасность преступлений против личности, преступлений в сфере предпринимательской деятельности, экологических преступлений и множества иных преступлений.

Поэтому уголовно-правовое значение периода проведения на определенной территории мобилизационных мероприятий, как ОВО, состоит лишь в том, что это обстоятельство может рассматриваться в качестве квалифицирующего признака тех преступлений, в отношении которых он сегодня закреплен в УК РФ, а также преступлений, в отношении которых существенно повышает общественную опасность (перечисленные выше составы преступлений второй группы предлагаемой нами классификации).

Следующее ОВО, уголовно-правовое закрепление которого в качестве общего обстоятельства, отягчающего наказание, также вызывает сомнения, является совершение преступления «в период военного положения».

«Военное положение» также имеет уголовно-правовое значение в сочетании его временного и территориального критериев. Оно, как правовой режим, может вводиться на территории всего государства, а также на территории отдельных субъектов Федерации.

В настоящее время военное положение введено в Российской Федерации на территории вошедших в ходе СВО в состав нашей страны субъектов. Однако данное обстоятельство не оказывает сколько-нибудь существенное влияние на общественную опасность совершаемых на остальной территории страны общеуголовных, экономических и многих других преступлений.

Действительно, сам факт проведения на территории вошедших в состав Российской Федерации субъектов мероприятий, связанных с соблюдением режима военного положения, не обуславливает необходимость повышения репрессивности уголовного наказания в отношении всех преступников, совершивших преступления на остальной части территории страны.

Значение обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, состоит в достижении целей наказания. Назначение наказания в отношении всех преступников (в том числе не совершивших преступления на территории, на которой объявлено военное положение) при учете «периода военного положения» в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, не увеличивает эффективность наказания, а наоборот, создает предпосылки для ее уменьшения, поскольку предполагает применение избыточной репрессии в отношении лиц, совершивших деяния, общественная опасность которых не является повышенной при таких обстоятельствах, «отягчающих наказание».

Прежде чем осуществлять анализ такого ОВО, как «военное время», в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, необходимо отметить, что категория «военное время» в силу своей абстрактности, объективной «содержательной размытости» не подходит для раскрытия содержания ОВО, ведь военное время может характеризоваться как использованием Вооруженных Сил Российской Федерации за рубежом, либо в пределах территории нашей страны, может характеризоваться локальными вооруженными конфликтами, а может – масштабными длительными боевыми действиями.

На протяжении всего XX и начала XXI в. Россия в большей или меньшей степени была вовлечена в войны, вооруженные конфликты по всему миру (Первая мировая война, Великая Отечественная война, войны во Вьетнаме, в Афганистане, Чеченские войны, войны в Ираке, Сирии и т.д.).

Можно ли сделать однозначный вывод, что в период любого из перечисленных военных конфликтов является для нашей страны «военным временем»? Вероятно, нет. Иное означало бы само существование России постоянно в условиях военного времени, что, конечно же, не соответствует действительности, а если бы соответствовало, то исключало бы повышенную общественную опасность преступлений в этих условиях, поскольку само общество с ними свыклось за многовековое нахождение в этих обстоятельствах.

Любое повышение, ужесточение уголовной ответственности, в том числе связанное с наличием ОВО, должно быть обусловлено повышенной общественной опасностью деяния во взаимосвязи с этими обстоятельствами. Само по себе совершение большинства преступлений, предусмотренных УК РФ, не должно караться более сурово в «военное время», чем «в мирное время», если эти преступления напрямую не связаны с воздействием на такие объекты уголовно-правовой охраны, которые подвержены повышенной угрозе при наличии военных обстоятельств.

Кроме того, необходимо отметить взаимосвязь между военным временем и ОВО. Например, военное время может обуславливать необходимость проведения общей либо частичной мобилизации в стране, но может фактически иметь место и без проведения мобилизации. Военное время может предполагать проведение военных операций, боевых действий с использованием Вооруженных Сил РФ как в пределах нашей страны, так и за ее границами, с введением на определенных территориях военного положения и без такового.

В этой связи более правильным будет понимание военного времени не как ОВО, а как временного условия ОВО, что является дополнительным аргументом в пользу исключения этого обстоятельства из ст. 63 УК РФ.

Такое ОВО, как совершение преступления в условиях ведения боевых действий совпадает по содержанию с категорией «вооруженный конфликт», поэтому единственным ОВО, которое следует сохранить в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, является совершение преступления в условиях вооруженного конфликта. Последнее предполагает совершение боевых действий на определенной территории в определенный период времени.

Поэтому сама обстановка вооруженного конфликта предполагает максимальную общественную опасность совершаемых в его период преступлений. В таких обстоятельствах вред объектам уголовно-правовой охраны от любых преступных действий (независимо от категории преступления) кратно возрастает.

Во время непосредственного вооруженного конфликта (в обстановке боевых действий) общество и без того находится на пределе возможности контролируемого законодательными и моральными нормами существования. В такой ситуации простая кража (например, продуктов) может привести к максимально тяжким последствиям (например, гибели потерпевшего от голода), совершение коррупционных преступлений – к принятию

решений, совершению действий, негативно влияющих на исход вооруженного конфликта, успех боевых действий и т.д.

Поэтому совершение любого преступления в условиях вооруженного конфликта (как внутреннего, так и внешнего) повышает общественную опасность этого преступления, а значит, требует более суровых мер карательного воздействия.

Следовательно, условия вооруженного конфликта – единственное ОВО, которое, по нашему мнению, следует сохранить в ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Однако при этом нуждаются в большей конкретизации по типу и времени сами условия вооруженного конфликта.

Список источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 24.09.2022 № 365-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.
2. Бажанов М.И. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства при назначении наказания // Вопросы государства и права. М., 1974. 704 с.
3. Исаев М.М. Уголовное право. Общая часть. М., 1948. 436 с.
4. Демидов Ю. Вменение отягчающих преступление обстоятельств // Социалистическая законность. 1964. № 6. С. 28–29.
5. Карпец И.И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в советском уголовном праве. М., 1959. 119 с.
6. Фаткулин Ф.И. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1974. 206 с.
7. Костарева Т.А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль, 1993. 234 с.
8. Яни П.С. Некоторые аспекты понимания профессором Н.Ф. Кузнецовой состава преступления // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2017. № 6. С. 9–11.
9. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 году: аналитический обзор // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 4. С. 131–133.
10. Винокуров А.Ю. О необходимости дальнейшего совершенствования военно-уголовного законодательства Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции // Вестник военного права. 2023. № 1. С. 12–16.
11. Паршаков Е.Н. Новеллы уголовного права, принятые Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ // Science time. 2023. № 11 (118). С. 57–59.
12. Астахова П.Ю. К вопросу актуальности ужесточения уголовной ответственности за военные преступления: проблемные аспекты // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23. С. 313–315.

References

1. Russian Federation. (2022) O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 24.09.2022 g. № 365-FZ [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 365-FZ of the Russian Federation of September 24, 2022]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. 39. Art. 6535.
2. Bazhanov, M.I. (1974) *Smyagchayushchie i otyagchayushchii obstoyatel'stva pri naznachenii nakazaniya* [Mitigating and Aggravating Circumstances in Imposing Punishment]. In: *Voprosy gosudarstva i prava* [Questions of State and Law]. Moscow: [s.n.].
3. Isaev, M.M. (1948) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow: [s.n.].
4. Demidov, Yu. (1964) *Vmenenie otyagchayushchikh prestuplenie obstoyatel'stv* [Imputation of Aggravating Circumstances]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 6. pp. 28–29.
5. Karpets, I.I. (1959) *Otyagchayushchie i smyagchayushchie obstoyatel'stva v sovetskem ugolovnom prave* [Aggravating and mitigating circumstances in Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat.
6. Fatkullin, F.I. (1974) *Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya* [General problems of procedural proof]. Kazan: Kazan State University.
7. Kostareva, T.A. (1993) *Kvalifitsiruyushchie obstoyatel'stva v ugolovnom prave* [Qualifying circumstances in criminal law]. Yaroslavl: [s.n.].
8. Yani, P.S. (2017) Nekotorye aspekty ponimaniya professorom N.F. Kuznetsovoy sostava prestupleniya [Some aspects of Professor N.F. Kuznetsova's understanding of the corpus delicti]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 6. pp. 9–11.
9. Lopashenko, N.A. (2023) Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva v 2022 godu: analiticheskiy obzor [Main results of criminal legislation reform in 2022: An analytical review]. *Lex Russica*. 76 (4). pp. 131–133.
10. Vinokurov, A.Yu. (2023) O neobkhodimosti dal'neishego sovershenstvovaniya voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii v usloviyah provedeniya spetsial'noy voennoy operatsii [On the Need to Further Improve the Military Criminal Legislation of the Russian Federation in the Context of a Special Military Operation]. *Vestnik voennogo prava*. 1. pp. 12–16.
11. Parshakov, E.N. (2023) Novelly ugolovnogo prava, prinyatyye Federal'nym zakonom "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" ot 24 sentyabrya 2022 g. № 365-FZ [Amendments to Criminal Law Adopted by the Federal Law No. 365-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated September 24, 2022]. *Science time*. 11 (118). pp. 57–59.
12. Astakhova, P.Yu. (2023) K voprosu aktual'nosti uzhestocheniya ugolovnoy otvetstvennosti za voennyye prestupleniya: problematiche aspekty [On the Relevance of Tightening Criminal Liability for War Crimes: Problematic Aspects]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 23. pp. 313–315.

Информация об авторе:

Трофимов Д.О. – сотрудник АНО «Диалог Регионы» (Томск, Россия). E-mail: dmitry.trofimov.91@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.O. Trofimov, employee of ANO Dialogue Regions (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dmitry.trofimov.91@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/24/8

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Владимир Александрович Азаров¹, Виктория Александровна Константинова²

^{1, 2} Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹ crim.just@mail.ru

² vak5577@yandex.ru

Аннотация. Исследованы понятие уголовно-процессуальной формы и проблемы ее дифференциации с акцентом на доктринальные основы судебных решений, приведен анализ различных дефиниций данного понятия и предложено авторское видение рассматриваемого вопроса. Сформулирован вывод о том, что под влиянием дифференциации процессуальной формы динамично изменяется система промежуточных и итоговых судебных решений, а также их свойства и содержание.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, дифференциация судебного производства, судебные решения

Для цитирования: Азаров В.А., Константинова В.А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы судебных решений // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 48–56. doi: 10.17223/23088451/24/8

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/8

DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE FORM OF COURT DECISIONS

Vladimir A. Azarov¹, Viktoriya A. Konstantinova²

^{1, 2} Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

¹ crim.just@mail.ru

² vak5577@yandex.ru

Abstract. The article analyzes various definitions of the criminal procedure form and its differentiation, formulates the authors' stance on this issue with an emphasis on the doctrinal foundations of making and implementing court decisions. It is proposed to understand the criminal procedure form of court decisions as a normative model of the procedure for making, recording, changing (canceling) and executing interim and final court decisions. It is noted that interim decisions permanently accompany criminal proceedings, while final decisions record the final result of criminal procedural activity. Since the criminal procedure form of court decisions is part of the criminal procedure form of judicial proceedings, the authors put forward and substantiate the hypothesis that the differentiation of the procedure form brings about the differentiation of court decisions and becomes a factor determining their current system. Analyzing certain types of judicial proceedings, the authors draw attention to the emerging types of judicial decisions, as well as the exclusion ("forgetting") of some judicial decisions typical of ordinary proceedings. In particular, in the complicated proceedings with the jurors, the system of judicial decisions includes a verdict or a ruling on the dissolution of the jury. In the simplified procedure of a special order of judicial proceedings, due to the reduction of the process of proof, there is no, for example, such a final decision as an acquittal, as well as such intermediate decisions as a ruling on determining the procedure for examining evidence, on the appointment of an expert examination, etc. Verdicts in the specified proceedings differ in content from ordinary ones. The authors underline the specificity of their properties, content and appealing. All stated above confirms the authors' hypothesis. The authors also point out one of the current trends in the development of criminal proceedings aimed at optimizing the judicial workload – the trend of simplifying the procedural form of judicial proceedings and its component – the procedural form of judicial decisions. It is this direction of differentiation of the criminal procedure form of judicial proceedings that threatens to reduce the guarantees of achieving the objectives of criminal proceedings. The authors conclude that differentiation of the criminal procedure form (including the adoption of judicial decisions) towards simplification is appropriate only in the case of guaranteed achievement of the objectives of the criminal process. In the context of the doctrinal foundations of judicial decisions, the criterion of the effective criminal proceedings and the admissibility of differentiation (especially towards simplification) is a legal, reasoned, and fair judicial decision. The current legislation and the practice of its application in this area require independent scientific understanding.

Keywords: criminal procedure form, differentiation of judicial proceedings, court decisions

For citation: Azarov, V.A. & Konstantinova, V.A. (2024) Differentiation of the criminal procedure form of court decisions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 24. pp. 48–56. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/8

Современный уголовный процесс России характеризуется дифференциацией процессуальной формы, которая приобрела масштабный характер, породила существенные изменения судопроизводства (преимущественно в сторону упрощения). В этой связи данная категория явилась объектом многочисленных научных исследований. В частности, одним из авторов настоящей статьи в соавторстве с А.В. Боярской ранее проводилось исследование уголовно-процессуальной формы в контексте развития системы упрощенных производств [1. С. 5–20]. Однако исследуемое понятие многогранно, в связи с чем в рамках настоящей статьи авторы предлагают рассмотреть его под иным углом зрения, сместить акцент на доктринальные основы принятия и реализации судебных решений. По обоснованному утверждению общепризнанного авторитета в области исследования содержания и системы процессуальных решений П.А. Лупинской, существенной частью формы уголовного судопроизводства является именно форма принимаемых решений [2. С. 207]. Действующее уголовно-процессуальное законодательство и практика принятия судебных решений существенно подвержены влиянию тенденции дифференциации процессуальной формы. Соответственно, мы можем сформулировать гипотезу о том, что дифференциация процессуальной формы продуцирует дифференциацию судебных решений, одновременно являясь фактором, определяющим особенности их современной системы.

Понятие «уголовно-процессуальная форма» относится к числу фундаментальных категорий, но при этом в уголовно-процессуальном законе не раскрывается, а в доктрине не характеризуется научной определенностью. Не преследуя цели исчерпывающего охвата существующих дефиниций, приведем наиболее распространенные позиции исследователей, поскольку от корректности определения данного понятия зависит дальнейшее исследование ряда важнейших теоретических проблем, в том числе проблемы дифференциации уголовно-процессуальной формы, системы судебных производств, а главное – самобытности принимаемых в их рамках судебных решений.

Семантическое значение слова «форма» подразумевает внешнее очертание, наружный вид предмета; способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением [3].

Вопросы процессуальной формы исследовались как в рамках общей теории права, так и в рамках уголовно-процессуальной науки. Данному понятию посвящено значительное количество исследований, в том числе монографического и диссертационного уровня. Приведем основные взгляды на сущность и правовую природу данной категории.

Классик теории права профессор С.С. Алексеев полагает, что процессуальные формы правоприменительной деятельности выражаются в регламентированном правом *порядке разрешения юридических дел*, обеспечивающем надлежащее применение права. Процедурно-

процессуальные формы следует отличать от правоприменительной деятельности как системы действий [4. С. 336–337]. По мнению В.М. Горшенева и П.Е. Недбайло, под процессуальной формой следует понимать «совокупность однородных процессуальных требований, предъявляемых к действиям участников процесса» [5. С. 13]. Аналогичная точка зрения прослеживается и в современных диссертационных исследованиях по теории права, в частности, ее разделяет В.В. Сорокина [6. С. 7]. При этом, как справедливо отмечают исследователи теории права, «надлежащий процессуальный порядок гарантирует полное и всестороннее изучение обстоятельств и фактов правонарушения, охрану прав и свобод граждан, привлекаемых к юридической ответственности, устраняет возможность ошибок и неправильных решений» [7. С. 298].

Анализируемая категория детально освещалась не только в теории права, но и в уголовно-процессуальной науке.

По мнению профессора М.С. Строговича, уголовно-процессуальная форма представляет собой «совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел...» [8. С. 51], и «форму процессуального закрепления этих действий и *решение* (выделено нами. – В.А., В.К.) (протокол, постановление, определение, приговор)» [9. С. 17]. Несомненный плюс данной дефиниции заключается, на наш взгляд, в том, что в ней учтена одна из ключевых составляющих процессуальной формы судопроизводства – процессуальные решения. Тогда как многие определения известных исследователей советского и современного периодов (будут процитированы ниже) ограничиваются использованием более общих для судопроизводства терминов – «порядок», «услуга», «процедура».

Так, по мнению профессора М.А. Чельцова-Бебутова, процессуальная форма означает «порядок и условия осуществления как отдельных процессуальных действий, так и их совокупности» [10. С. 73].

Н.С. Алексеевым, В.Г. Даевым, Л.Д. Кокоревым предложено под уголовно-процессуальной формой понимать процедуру, непосредственные формы деятельности по уголовному делу [11. С. 22].

С очевидным акцентом на категорию «решения» сформулировал определение уголовно-процессуальной формы М.Л. Якуб – как совокупность установленных процессуальным законом условий, в которых проводится как деятельность в целом, так и каждое процессуальное действие и принимается каждое решение по делу (связь и последовательность проводимых действий и принимаемых решений) (выделено нами. – В.А., В.К.) [12. С. 8].

Развернутое определение уголовно-процессуальной формы, включающее в себя интересующий нас аспект

процессуальных решений, приведено в «Курсе советского уголовного процесса» под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеця, согласно которому она представляет собой «регламентированные уголовно-процессуальным правом систему и структуру уголовно-процессуальных институтов и правил, процедуру и последовательность стадий уголовного процесса, условия, способы и сроки совершения процессуальных действий... а также *порядок принятия и оформления решений по отдельным вопросам и по делу в целом*» (выделено нами. – В.А., В.К.) [13. С. 121].

В постсоветский и современный периоды развития уголовно-процессуальной науки исследование уголовно-процессуальной формы продолжается весьма активно.

В частности, Х.У. Рустамов указывает, что уголовно-процессуальная форма представляет собой *систему норм*, регулирующих отношения, возникающие в связи с деятельностью субъектов уголовного процесса в определенной последовательности, *порядок принятия решений и условия их пересмотра* [14. С. 11].

Однако, Н.С. Манова отмечает, что процессуальная форма не может отождествляться с нормами процессуального права, которые создают идеальную, абстрактную модель деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел, она представляет собой процедуру фактической реализации данной идеальной модели [15. С. 17].

Д.П. Великий рассматривает данное понятие как «систему предъявляемых к субъектам уголовного процесса, установленных уголовно-процессуальным законом и основанных на его принципах требований, выполнение которых приводит к наиболее точному и рациональному достижению задач уголовного судопроизводства» [16. С. 14].

С.Г. Мачихин толкует анализируемую категорию как «правовую форму деятельности суда, органов расследования и прокурорского надзора по возбуждению уголовных дел, их расследованию и разрешению, а также иных участников процесса, привлеченных к делу в том или ином качестве, и отношений, связанных с этой деятельностью» [17. С. 8].

Т.В. Никифорова делает акцент на внешних проявлениях уголовно-процессуальной формы, формирующих обрядность отечественного уголовного процесса [18. С. 3].

По мнению А.А. Славгородских, данное понятие представляет собой «регламентированный законом порядок производства по уголовному делу и складывающиеся в процессе деятельности уголовно-процессуальные отношения между участниками» [19. С. 12].

А.П. Гуськова под уголовно-процессуальной формой понимает «регламентированные правом порядок и последовательность производства по делу» [20. С. 41].

Д.Р. Гимазетдинов и З.З. Зинатуллин отмечают, что содержание уголовно-процессуальной формы представляет собой органическое единство содержания процессуальной деятельности (действий) и оформления порядка и результатов производства, в связи с чем неотъемлемую часть уголовно-процессуальной формы составляют *уголовно-процессуальные акты* (процессуальные решения в виде постановлений, определений, вердиктов, приговоров, а также протоколы следственных действий и судебных заседаний) [21. С. 11–12; 22. С. 8, 11–12].

Е.В. Мищенко определяет изучаемую категорию как «двуединое правовое явление, характеризующееся с внешней стороны совокупностью норм уголовно-процессуального закона, регулирующих определенные правоотношения, и содержащее определенный, обязательный, атрибутивный порядок производства по уголовному делу, состоящий из структурированной системы процессуальных средств (способов, приемов) осуществления уголовно-процессуальной деятельности участниками процесса (внутренняя сторона) для принятия соответствующего решения». При этом подчеркивается, что уголовно-процессуальная форма не приравнивается к процедуре и последовательности совершения всех действий участниками процесса [23. С. 15–16].

Э.Ф. Лугинец указывает, что уголовно-процессуальная форма в широком смысле слова представляет собой уголовный процесс [24. С. 3].

М.О. Медведева раскрывает данное понятие через законодательно установленные *условия совершения*, последовательность и правила оформления действий в ходе производства по уголовному делу [25. С. 10].

С.Б. Россинский считает более разумным подход к сущности уголовно-процессуальной формы не как системы условий или требований, а как самого порядка уголовного судопроизводства, т.е. совокупности дляящихся или единовременных юридических процедур, позволяющих органам предварительного расследования, прокурору и суду осуществлять свои полномочия, а иным участвующим в уголовном деле лицам – реализовать права или выполнить установленные законом обязанности [26. С. 69].

И.И. Гусева полагает, что квинтэссенция определения уголовно-процессуальной формы заключается в определенных организационно-процессуальных технологиях (приемы, правила, процедуры, регламент и т.п.) установленных законом действий [27. С. 15].

Выше была приведена хотя и существенная, но лишь часть представленных в науке definicij уголовно-процессуальной формы. Их обобщение позволяет выделить такие акценты понимания уголовно-процессуальной формы, как:

1) порядок (процедура) производства по уголовному делу в целом и проведения отдельных процессуальных действий;

2) условия (требования), определяющие порядок производства по уголовному делу;

3) система (совокупность) правовых норм, уголовно-процессуальное право в целом.

Некоторые исследователи объединяют вышеуказанные параметры уголовно-процессуальной формы. Так, например, Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова обоснованно полагают, что исключение условий уголовно-процессуальной деятельности (в значении правил производства действий) из объема содержания уголовно-процессуальной формы не может быть оправдано, а разделение уголовно-процессуальной формы на процедуру и условия осуществления деятельности практически невозможно [28. С. 23]. По мнению профессора Ф.М. Кудина, уголовно-процессуальная форма представляет собой сложно-структурное явление, включающее ряд элементов.

Он обобщает, что, раскрывая содержание данной категории, авторы в качестве ее составных частей (элементов) называют не только порядок и условия, но также и последовательность действий, приемы и способы совершения действий, сроки их производства, порядок закрепления и оформления действий, строго определенную регламентацию компетенции органов, ведущих процесс, наделение граждан правами по участию в действиях... При этом он рассматривает вопрос о форме процессуального действия и его закрепления в право-применительном акте [29. С. 140–142].

Однако, представляется неверным отождествление уголовно-процессуальной формы с системой правовых норм или уголовно-процессуальным правом в целом (Х.У. Рустамов, Э.Ф. Лугинец), несмотря на их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность. Нормы уголовно-процессуального права закрепляют порядок судопроизводства, но сами уголовно-процессуальной формой не являются, они лишь придают ей свойство нормативности.

В свете сказанного хотелось бы вернуться к определению уголовно-процессуальной формы, ранее предложенному одним из авторов настоящей статьи (в соавторстве с А.В. Боярской), как **нормативной модели уголовно-процессуальной деятельности**, основанной на динамической структуре уголовного судопроизводства и воплощающей в себе предписания о должном порядке осуществления уголовного процесса во всех возможных вариантах его реализации, которая представляет собой многоуровневую сложноорганизованную систему [1. С. 14]. Важно отметить, что в данной дефиниции не происходит отождествления уголовно-процессуальной формы и норм права, но свойство нормативности здесь имманентно присуще определяемому понятию. Именно эта формулировка будет использована в качестве основы для окончательного формирования дефиниции анализируемой категории, но уже в рамках стержневого научного интереса настоящего исследования – судебных решений.

Продолжая данную мысль отметим, что некоторые исследователи, как видно из приведенных выше определений (Д.Р. Гимазетдинов, З.З. Зиннатуллин, П.А. Лупинская, Е.В. Мищенко, Х.У. Рустамов, М.С. Строгович, М.Л. Якуб и др.), обоснованно включают в содержание уголовно-процессуальной формы принимаемые в рамках отдельных стадий уголовного процесса решения, а некоторые делают на этом акцент в своих дефинициях.

Разделяя указанную точку зрения, отметим, что уголовно-процессуальная форма действительно представляет собой не только порядок совершения и фиксации процессуальных действий, но и, в дополнение к этому, порядок принятия и фиксации процессуальных решений.

Также следует отметить, что процессуальная форма досудебного и судебного производства существенно отличается. В этой связи внимание исследователей обращалось к более узкому понятию – уголовно-процессуальной форме судебного разбирательства. В частности, Т.В. Орлова понимает ее как систему обязательных для

участников уголовного процесса действий, выполнение которых обеспечивает рациональное достижение задач уголовного процесса при соблюдении прав его участников [30. С. 8]. Данное определение, как представляется, следует усовершенствовать за счет включения в него такой непременной составляющей, как «судебные решения», поскольку они являются неотъемлемой частью уголовно-процессуальной формы судебного разбирательства. Также, на наш взгляд, исследование процессуальной формы судебного производства в целом (а не только одной стадии) позволяет сформировать комплексное видение специфики принимаемых судом решений в зависимости от этапа или вида производства.

Применительно к судебному производству процессуальная форма представлена системой итоговых и промежуточных решений (выносимых в протокольной форме или в форме отдельного документа). Промежуточные решения перманентно «обрамляют» уголовное судопроизводство (в частности постановление о назначении судебного заседания, о возвращении дела прокурору, о прекращении особого порядка судебного разбирательства и др.), а итоговые фиксируют окончательный результат уголовно-процессуальной деятельности. Уголовно-процессуальный закон предусматривает виды судебных решений, предъявляемые к ним требования, определяет основания и порядок их принятия, изменения (отмены) и исполнения. В связи с изложенным в контексте текущего научного исследования полагаем необходимым более развернуто обосновать и отразить данный аспект в дефиниции уголовно-процессуальной формы.

Таким образом, на основе анализа приведенных выше определений сформулируем определение **уголовно-процессуальной формы судебного производства** как **нормативной модели порядка осуществления и закрепления уголовно-процессуальных действий в судебном производстве по уголовным делам, а также принятия, фиксации, изменения (отмены) и исполнения промежуточных и итоговых судебных решений**. Соответственно **уголовно-процессуальная форма судебного решения** как часть уголовно-процессуальной формы судебного производства представляет собой **нормативную модель порядка принятия, фиксации, изменения (отмены) и исполнения промежуточных и итоговых судебных решений**.

Определившись с понятиями уголовно-процессуальной формы судебного производства и уголовно-процессуальной формы судебного решения как части уголовно-процессуальной формы судебного производства, перейдем к дискуссионному вопросу ее **дифференциации, а также влияния на систему промежуточных и итоговых судебных решений, формирование их свойств и содержания**.

Для того чтобы раскрыть сущность и сформулировать собственное понимание явления дифференциации уголовно-процессуальной формы судебных решений, приведем и проанализируем существующие в научной литературе оценки и суждения.

Семантическое значение слова «дифференциация» подразумевает разделение, расчленение чего-нибудь на отдельные разнородные элементы [31].

Наиболее распространенным является взгляд на дифференциацию уголовно-процессуальной формы как существование упрощенных производств и производств с более сложной процессуальной формой [13. С. 131].

Дифференциация уголовно-процессуальной формы также рассматривается в контексте стадий уголовного процесса, когда об усложнении речь идет при появлении дополнительных стадий, а об упрощении – при исключении из процесса определенных стадий по определенным категориям дел [32. С. 70–71]. В этой связи речь ведется о дифференциации отдельных стадий уголовного процесса, в частности стадии судебного разбирательства [30. С. 8, 13; 32. С. 894–896].

Ю.К. Якимович в этой связи отмечает, что уголовное судопроизводство можно подразделять «по горизонтали» на стадии и «по вертикали» на виды уголовных производств, они являются его основными элементами [33. С. 144–145]. «Именно система видов производств и система стадий образуют “каркас”, “скелет”, при помощи которого организуется, упорядочивается содержание такого явления, как уголовное судопроизводство» [34. С. 7].

Широко известно комплексное исследование дифференциации уголовно-процессуальной формы, проведенное Ю.К. Якимовичем, А.В. Ленским и Т.В. Трубниковой, в рамках которого авторы подчеркивают, что дифференциация уголовного процесса не связана исключительно с различием в количестве стадий в том или ином производстве. Более того, далеко не всякая особенность в производстве по определенным категориям уголовных дел свидетельствует о проявлении тенденции дифференциации [28. С. 7, 14]. В связи с этим ими под дифференциацией предложено понимать «существование в системе уголовного процесса самостоятельных производств, которые характеризуются наличием определенной материально-правовой базы, объективно требующей отличий в законодательном регулировании, комплексностью и наличием существенных различий по сравнению с обычным порядком производства, приводящих в конечном итоге к изменению форм деятельности по этим делам» [28. С. 14].

Д.П. Великий под дифференциацией уголовно-процессуальной формы понимает возможность в рамках единой судебной системы, единого уголовно-процессуального законодательства, основываясь на единых принципах, решать единые задачи различными способами. При этом исследователь выделяет три уровня дифференциации уголовно-процессуальной формы: уровень стадий уголовного процесса; уровень этапов уголовного процесса и уровень процессуальных действий [16. С. 9, 22].

С.С. Цыганенко под дифференциацией понимает одно из направлений развития уголовно-процессуального права, представляющего собой специфический метод правового выражения в уголовно-процессуальной форме материально-правовых и процессуальных условий деятельности его субъектов. Ее применение ведет к структуризации процессуальных отношений в виде комплекса различающихся свойствами и положением процессуальных порядков (производств по уголовному делу) [35. С. 7].

Н.С. Манова раскрывает сущность дифференциации уголовно-процессуальной формы как «наличие качественных особенностей в процедуре соответствующего вида судопроизводства, когда за исходный порядок принимается процедура, в которой осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по большинству дел на ее основном этапе, раскрывающем функциональную направленность данного производства» [15. С. 12].

И.С. Дикарев рассматривает дифференциацию как адаптацию, приспособление процессуального порядка по уголовному делу к реальным условиям, в которых осуществляется досудебное производство и судебное рассмотрение уголовных дел [36. С. 18].

Выше приведено высказывание классика в области исследования процессуальных решений – П.А. Лупинской, согласно которому уголовно-процессуальная форма судебных решений является частью уголовно-процессуальной формы судебного производства. Очевидно, что при дифференциации целого дифференцируются и его части. Таким образом, можно сделать вывод о **дифференциации процессуальной формы судебных решений**, под которой понимается наличие существенных особенностей нормативной модели порядка принятия, изменения (отмены) и исполнения промежуточных и итоговых судебных решений в различных видах производств. Под влиянием дифференциации процессуальной формы также изменяется система промежуточных и итоговых судебных решений (появляются новые виды судебных решений или исключается вынесение характерных для ординарного производства видов), а также изменяются их свойства и содержание. Например, в усложненном производстве с участием присяжных заседателей в системе судебных решений появляется не характерный для ординарного производства вердикт или постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей. В упрощенной процедуре особого порядка судебного разбирательства в связи с редукцией процесса доказывания отсутствует, например, такое итоговое решение, как оправдательный приговор, а также такие промежуточные решения, как постановление об определении порядка исследования доказательств, о назначении экспертизы и др. При этом появляется решение так называемой переходной конструкции – о прекращении особого порядка судебного разбирательства и рассмотрении дела в общем порядке. В производстве по делам частного обвинения также принимаются весьма своеобразные решения, к примеру, об отказе в принятии заявления частного обвинителя и направлении данного заявления руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Приговоры указанных производств содержательно отличаются от ординарных, отмечается специфика их свойств и содержания, присутствуют существенные особенности обжалования. Изложенные особенности нуждаются в самостоятельном научном осмыслении.

Раскрыв сущность явления дифференциации, перейдем к актуальной проблеме возможности и необходимости такой в современном уголовном судопроизводстве. При этом позволим себе оставить за пределами

статьи подробности доктринальной дискуссии по данному вопросу, она широко освещена на страницах научных работ [28. С. 5–6; 37. С. 232], сосредоточившись лишь на ключевых идеях, имеющих прямое отношение к предмету нашего научного интереса. Ярким представителем позиции о недопустимости дифференциации уголовно-процессуальной формы являлся профессор М.С. Стrogович, который отстаивал ее единство, аргументируя свою точку зрения невозможностью свертывания процессуальных гарантий, ведь именно за их счет происходит упрощение [38. С. 77]. Основой УПК РСФСР 1960 г. была концепция единства уголовно-процессуальной формы, которая считалась большим достижением того времени. Большинство исследователей придерживались изложенной позиции, полагая, что упрощение снижает процессуальные гарантии участников уголовного судопроизводства, является отступлением от принципов уголовного судопроизводства и повышает риск того, что его задачи не будут достигнуты. Приоритет отдавался установлению объективной истины, необходимости правильного разрешения уголовных дел, обеспечению прав и законных интересов участников процесса. Точка зрения о возможности упрощения являлась скорее исключением. В частности, П.Ф. Пашкевичем было предложено в целях обеспечения быстрого судопроизводства отказаться от «сложной формы судопроизводства там, где она не соответствует своему назначению и где ее с большим успехом может заменить более простая и гибкая форма, не связанная со значительными затратами времени и материальных средств» [39. С. 98].

В УПК РФ постулат о том, что уголовный процесс представляет собой «единий по всем делам порядок производства, который обусловливается едиными принципами... задачами обнаружения по всем уголовным делам истины» [8. С. 65], отражения не нашел. Современный уголовно-процессуальный закон содержит множество норм, предусматривающих исключения из общего порядка производства.

Таким образом, дифференциация судебного производства (преимущественно в сторону упрощения) – свершившийся, приобретший широкое распространение в отечественном уголовном процессе феномен. Современная нагрузка на судебную систему вынуждает законодателя искать оптимальную уголовно-процессуальную форму судебного производства, в частности в направлении расширения сферы действия упрощенных производств.

В конце 2022 г. состоялся X Всероссийский съезд судей, на котором был определен вектор развития отечественного правосудия [40], в том числе по уголовным делам. В Постановлении съезда от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» [41] отмечено, что оптимизация судебной нагрузки исключительно за счет увеличения штатной численности судей и работников аппарата судов является нерациональной и финансово затратной, в связи с чем необходим комплексный подход, включающий решение этой проблемы путем дальнейшего совершенствования процессуального законодательства, в частности развития

упрощенной формы судопроизводства, активного внедрения элементов электронного правосудия (использование видеоконференц-связи, аудиопротоколирование судебных заседаний и т.д.). Таким образом, наметилась устойчивая тенденция упрощения процессуальной формы судебного производства, в том числе по уголовным делам, и ее составной части – процессуальной формы судебных решений. Так, председатель Верховного Суда Российской Федерации И. Подносова в первом интервью после назначения на должность отметила, что будет бороться с проблемой высокой нагрузки на судей, для чего планируется развивать упрощенные процедуры [42].

Наше отношение к дифференциации уголовного судопроизводства предварим двумя идеями Л.В. Головко, которые весьма точно, на наш взгляд, очерчивают границы дифференциации. В частности, мы разделяем позицию о том, что быстрое рассмотрение дела не всегда является антиподом его качественного рассмотрения и есть ценная гарантия прав личности [43. С. 236]. При этом нужно избегать крайности, когда, «увлекшись “договорными отношениями” в уголовном судопроизводстве и прочими занимательными изысканиями в духе неолиберальной идеологии, законодатель давно перешел черту, отделяющую правосудие от конвейера...» [44. С. 78]. Как справедливо отмечает О.И. Андреева, любые изменения уголовно-процессуальной формы, в том числе направленные на ее упрощение, должны обуславливаться общественными потребностями и гарантировать реализацию прав и законных интересов участникам процесса [45. С. 5]. На наш взгляд, различия в процессуальных порядках на сегодняшний день допустимы, поскольку позволяют учитывать особенности различных категорий дел, однако дифференциация, в том числе в сторону упрощения, уместна лишь в случае достижения задач уголовного процесса, в том числе, путем вынесения законных и обоснованных судебных решений. Таким образом, «лакмусовой бумажкой» эффективности уголовного судопроизводства и допустимости дифференциации (особенно в сторону упрощения) является законное, обоснованное и справедливое судебное решение.

На основании изложенных выше суждений сформулируем следующие выводы:

1. **Уголовно-процессуальная форма судебного производства** представляет собой нормативную модель порядка осуществления и закрепления уголовно-процессуальных действий в судебном производстве по уголовным делам, а также принятия, фиксации, изменения (отмены) и исполнения промежуточных и итоговых судебных решений. Соответственно, **уголовно-процессуальная форма судебного решения** как существенная часть уголовно-процессуальной формы судебного производства – это нормативная модель порядка принятия, фиксации, изменения (отмены) и исполнения промежуточных и итоговых судебных решений. Промежуточные решения перманентно сопровождают уголовное судопроизводство, а итоговые фиксируют окончательный результат уголовно-процессуальной деятельности.

2. Поскольку уголовно-процессуальная форма судебных решений является частью уголовно-процессуальной формы судебного производства, то при дифференциации целого ранжируются и его части. **Дифференциация процессуальной формы судебных решений** заключается в наличии существенных особенностей нормативной модели порядка принятия, изменения (отмены) и исполнения промежуточных и итоговых судебных решений в различных видах производств. Под влиянием дифференциации также трансформируется система промежуточных и итоговых судебных решений (появляются новые виды судебных решений или исключается вынесение характерных для ординарного производства их видов), а также изменяются их свойства и содержание.

3. Одной из современных тенденций развития уголовного процесса является направленная на оптимизацию судебной нагрузки тенденция упрощения процессуальной формы судебного производства и ее ключевой составной части – процессуальной формы судебных решений. Проявления данной тенденции многообразны: упрощение ординарной процедуры судебного производства (например, упрощение процедуры провозглашения

приговора), развитие упрощенных судебных производств, активное внедрение элементов электронного правосудия и т.д.

4. Дифференциация уголовно-процессуальной формы судебного производства (в том числе судебных решений) не исчерпывается только ее упрощением. Однако именно упрощение содержит в себе наименьшие гарантии достижения задач уголовного судопроизводства. Различия в процессуальных порядках позволяют учитывать особенности каждого дела, однако дифференциация возможна и целесообразна лишь в случае достижения задач уголовного процесса. Критерием эффективности уголовного судопроизводства и допустимости дифференциации (особенно в сторону упрощения) является законное, обоснованное и справедливое судебное решение. В ближайшей перспективе отказ от упрощения судебного производства маловероятен, а следовательно, действующее законодательство и практика вынесения судебных решений в упрощенных производствах требуют пристального внимания и совершенствования в контексте достижения современных задач уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Азаров В.А., Боярская А.В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 5–20.
2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М. : Норма; Инфра-М, 2010. 240 с.
3. Ожегов С.И. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34006> (дата обращения: 01.09.2024).
4. Алексеев С.С. Общая теория права. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
5. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло. М. : Юрид. лит., 1976. 280 с.
6. Сорокина В.В. Процессуальная форма юридической деятельности в современной России: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 22 с.
7. Общая теория права: классические и современные подходы / В.Я. Любашец, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев, Е.А. Апольский. М. : Юрлитинформ, 2021. 453 с.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 470 с.
9. Строгович М.С. Уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная форма // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В.М. Савицкий. М. : Наука, 1979. 319 с.
10. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1962. 503 с.
11. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 251 с.
12. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М. : Юрид. лит., 1981. 144 с.
13. Курс советского уголовного процесса: общ. часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеця. М. : Юрид. лит., 1989. 638 с.
14. Рустамов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса (современные тенденции и проблемы совершенствования) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 40 с.
15. Манова Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 54 с.
16. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 32 с.
17. Мачихин С.Г. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
18. Никифорова Т.В. Уголовно-процессуальный обряд: теоретические и прикладные аспекты внешней стороны процессуальной формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 27 с.
19. Славгородских А.А. Уголовно-процессуальная форма и ее значение в обеспечении судебной защиты в российском досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. 22 с.
20. Гуськова А.П. Уголовно-процессуальная форма и ее значение в становлении уголовного судопроизводства охранительного типа // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). С. 41–44.
21. Гимазетдинов Д.Р., Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2014. 182 с.
22. Гимазетдинов Д.Р. Уголовно-процессуальная форма: общетеоретический, нормативно-правовой и правоприменительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 27 с.
23. Мищенко Е.В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 59 с.
24. Лугинец Э.Ф. Идея «процессуальной свободы» в современном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 35 с.
25. Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.
26. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 67–79.
27. Гусева И.И. Унифицированный дифференцированный подход к структуре уголовного процесса Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 30 с.

28. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.С. Свиридова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.
29. Кудин Ф.М. Избранные труды. К 75-летию автора. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. 396 с.
30. Орлова Т.В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе Российской государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 26 с.
31. Крысин Л.П. Словарь иностранных слов. URL: <https://www.slovorod.ru/dic-krysin/krys-d.htm> (дата обращения: 10.10.2023).
32. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М. : Статут, 2021. 1328 с.
33. Якимович Ю.К. Структура уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. 772 с.
34. Якимович Ю.К. Уголовно-процессуальные производства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 369 с.
35. Цыганенко С.С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 46 с.
36. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 18–22.
37. Свиридов М.К., Пилюк А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск, 2019. 348 с.
38. Проблемы судебной этики / под ред. М.С. Строговица. М. : Наука, 1974. 272 с.
39. Пашкевич П.Ф. Проблема процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. 1971. № 14. С. 75–98.
40. X Всероссийский съезд судей. URL: https://www.vsrif.ru/press_center/news/31816/ (дата обращения: 12.03.2024).
41. Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.03.2024).
42. Председатель Верховного Суда России Ирина Подносова рассказала о развитии судебной системы // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrif.ru/press_center/video_archive/33504/ (дата обращения: 01.05.2024).
43. Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.
44. Головко Л. В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67–82.
45. Андреева О.И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 5–14.

References

- Azarov, V.A. & Boyarskaya, A.V. (2020) Criminal procedural form: concept, properties, system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 37. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/37/1
- Lupinskaya, P.A. (2010) *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. Moscow: Norma: Infra-M.
- Ozhegov, S.I. (n.d.) *Tolkovyy slovar' Ozhegova onlayn* [Ozhegov's Explanatory dictionary online]. [Online] Available from: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34006> (Accessed: 01.09.2024).
- Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 1. Moscow: Juridicheskaya literatura.
- Gorsheneva, V.M. & Nedbaylo, P.E. (eds) (1976) *Yuridicheskaya protsessual'naya forma: teoriya i praktika* [Legal procedure form: Theory and practice]. Moscow: Juridicheskaya literatura.
- Sorokina, V.V. (2009) *Protsessual'naya forma yuridicheskoy deyatel'nosti v sovremennoy Rossii: voprosy teorii i praktiki* [Procedure form of legal activity in contemporary Russia: Issues of theory and practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
- Lyubashits, V.Ya., Mordovtsev, A.Yu., Mamychev, A.Yu. & Apolskiy, E.A. (2021) *Obshchaya teoriya prava: klassicheskie i sovremennye podkhody* [General Theory of Law: Classical and Modern Approaches]. Moscow: Yurlitinform.
- Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Soviet Criminal Procedure]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Strogovich, M.S. (1979) *Ugolovno-protsessual'nyy zakon i ugolovno-protsessual'naya forma* [Criminal Procedure Law and Criminal Procedure Form]. In: Savitskiy, V.M. (ed.) *Sovetskiy ugolovno-protsessual'nyy zakon i problemy ego effektivnosti* [Soviet Criminal Procedure Law and Problems of Its Effectiveness]. Moscow: Nauka.
- Chel'tsov-Bebutov, M.A. (1962) *Sovetskiy ugolovnyy protsess* [Soviet Criminal Procedure]. 4th ed. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
- Alekseev, N.S., Daev, V.G. & Kokorev, L.D. (1980) *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa* [An Essay on the Development of the Science of Soviet Criminal Procedure]. Voronezh: Voronezh State University.
- Yakub, M.L. (1981) *Protsessual'naya forma v sovetskem ugolovnom sudoproizvodstve* [The Procedure Form in Soviet Criminal Proceedings]. Moscow: Juridicheskaya literatura.
- Boykov, A.D. & Karpets, I.I. (eds) (1989) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa: obshch. chast'* [Soviet Criminal Procedure: General Part]. Moscow: Juridicheskaya literatura.
- Rustamov, Kh.U. (1998) *Differentsiatsiya form ugolovnogo protsessa (sovremennye tendentsii i problemy sovershenstvovaniya)* [Differentiation of Criminal Procedure Forms (Modern Trends and Problems of Improvement)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
- Manova, N.S. (2005) *Teoreticheskie problemy ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv i differentsiatsii ikh form* [Theoretical Problems of Criminal Procedure and Differentiation of Their Forms]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
- Velikiy, D.P. (2001) *Edinstvo i differentsiatsiya ugolovno-protsessual'noy formy: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Unity and differentiation of the criminal procedure form: History, modernity, prospects]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
- Machikhin, S.G. (2006) *Protsessual'naya forma v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [The procedure form in criminal proceedings in Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
- Nikiforova, T.V. (2006) *Ugolovno-protsessual'nyy obryad: teoreticheskie i prikladnye aspekty vneshney storony protsessual'noy formy* [Criminal procedure rite: Theoretical and applied aspects of the external side of the procedural form]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
- Slavgorodskikh, A.A. (2008) *Ugolovno-protsessual'naya forma i ee znachenie v obespechenii sudebnoy zashchity v rossiskom dosudebnom proizvodstve* [The criminal procedure form and its importance in ensuring judicial protection in Russian pre-trial proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
- Guskova, A.P. (2012) Ugolovno-protsessual'naya forma i ee znachenie v stanovlenii ugolovnogo sudoproizvodstva okhranitel'nogo tipa [Criminal procedure form and its importance in the development of criminal proceedings of a protective type]. *Vestnik OGU*. 3 (139). pp. 41–44.
- Gimazetdinov, D.R. & Zinatullin, Z.Z. (2014) *Ugolovno-protsessual'naya forma* [Criminal Procedure Form]. Moscow: Yurlitinform.
- Gimazetdinov, D.R. (2013) *Ugolovno-protsessual'naya forma: obshcheteoreticheskiy, normativno-pravovoy i pravoprimenitel'nyy analiz* [The criminal procedure form: A general theoretical, normative-legal, and law enforcement analysis]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
- Mishchenko, E.V. (2014) *Problemy differentsiatsii i unifikatsii ugolovno-protsessual'nykh form proizvodstv po otdel'nym kategoriyam ugolovnykh del* [Problems of differentiation and unification of criminal procedure forms of proceedings for certain categories of criminal cases]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

24. Luginets, E.F. (2016) *Ideya "protsessual'noy svobody" v sovremenном уголовном судопроизводстве* [The idea of "procedural freedom" in modern criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhniy Novo-gorod.
25. Medvedeva, M.O. (2018) *Уголовно-протессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития* [The criminal procedure form of information technologies: The current state and main directions of development]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
26. Rossinskiy, S.B. (2020) *Уголовно-протессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития* [The criminal procedure form: Its essence, problems, trends, and development prospects]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 15 (9). pp. 67–79.
27. Guseva, I.I. (2004) *Unifitsirovannyi differentsirovannyi podkhod k strukture ugolovnogo protessa Rossiyskoy Federatsii* [A unified differentiated approach to the structure of criminal procedure of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladimir.
28. Yakimovich, Yu.K., Lenskiy, A.V. & Trubnikova, T.V. (2001) *Differentsiya ugolovnogo protessa* [Differentiation of Criminal Procedure]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Kudin, F.M. (2010) *Izbrannye trudy. K 75-letiyu avtora* [Selected works. On the author's 75th anniversary]. Volgograd: VSU.
30. Orlova, T.V. (2016) *Differentsiya form sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom protesse Rossiyskogo gosudarstva* [Differentiation of forms of judicial proceedings in the criminal procedure of the Russian state]. Abstract of Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
31. Krysin, L.P. (n.d.) *Slovar' inostrannyykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. [Online] Available from: <https://www.slovorod.ru/dic-krysin/krys-d.htm> (Accessed: 10.10.2023).
32. Golovko, L.V. (ed.) (2021) *Kurs ugolovnogo protessa* [Criminal Procedure]. Moscow: Statut.
33. Yakimovich, Yu.K. (2011) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
34. Yakimovich, Yu.K. (1992) *Ugolovno-protessual'nye proizvodstva* [Criminal Procedure Proceedings]. Law Dr. Diss. Moscow.
35. Tsyanenko, S.S. (2004) *Obshchiy i differentsirovannyi poryadki ugolovnogo sudoproizvodstva* [General and differentiated procedures of criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
36. Dikarev, I.S. (2013) *Differentsiya ugolovno-protessual'noy formy i faktory, ee obuslovlivayushchie* [Differentiation of criminal procedure form and factors that determine it]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 12. pp. 18–22.
37. Sviridov, M.K. & Piyuk, A.V. (2019) *Teoreticheskie osnovy uproschcheniya form razresheniya ugolovnykh del sudom v Rossiyskoy Federatsii* [Theoretical foundations of simplification of forms of resolution of criminal cases by the court in the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
38. Strogovich, M.S. (ed.) (1974) *Problemy sudebnoy etiki* [Problems of Judicial Ethics]. Moscow: Nauka.
39. Pashkevich, P.F. (1971) *Problema protessual'nogo obespecheniya operativnosti i bystroty sudoproizvodstva* [The problem of procedural support for the efficiency and speed of legal proceedings]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu*. 14. pp. 75–98.
40. The 10th All-Russian Congress of Judges. [Online] Available from: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/31816/ (Accessed: 12.03.2024).
41. Russian Federation. (2022) *Postanovlenie X Vserossiyskogo s"ezda sudey ot 1 dekabrya 2022 g. № 1 "O razvitiy sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution No. 1 of the 10th All-Russian Congress of Judges of December 1, 2022, "On the Development of the Judicial System of the Russian Federation"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 12.03.2024).
42. The Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Predsedatel' Verkhovnogo Suda Rossii Irina Podnosova rasskazala o razvitiy sudebnoy sistemy* [Chairperson of the Supreme Court of Russia Irina Podnosova spoke about the development of the judicial system]. [Online] Available from: https://www.vsrfr.ru/press_center/video_archive/33504/ (Accessed: 01.05.2024).
43. Golovko, L.V. (2002) *Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
44. Golovko, L.V. (2019) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo v usloviyah permanentnoy sudebnoy reformy* [Criminal proceedings in the context of permanent judicial reform]. *Zakon*. 4. pp. 67–82.
45. Andreeva, O.I. (2014) *Problemy proizvodstva doznaniya v sokrashchennoy forme* [Problems of conducting an inquiry in an abbreviated form]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4 (14). pp. 5–14.

Информация об авторах:

Азаров В.А. – профессор, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Константинова В.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: vak5577@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Azarov, full professor, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

V.A. Konstantinova, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vak5577@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ЛИЦА НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗЪЯТЫХ У НЕГО В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ**Антонина Олеговна Бессонова¹**¹ Московская коллегия адвокатов «Семенова и Партнеры», Москва, Россия, law_consulting@mail.ru

Аннотация. Возвращение лицам ранее изъятых у них в ходе раскрытия и расследования преступления электронных носителей информации законом надлежащим образом не урегулировано. Исключение составляет процедура, предусмотренная ст. 81.1 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Предлагается унифицировать и конкретизировать порядок возвращения изъятых и не признанных вещественными доказательствами электронных носителей информации их законным владельцам по всем категориям уголовных дел.

Ключевые слова: электронные носители информации, изъятие, возвращение, права личности, процессуальные гарантии

Для цитирования: Бессонова А.О. Обеспечение права лица на возвращение изъятых у него в ходе досудебного производства электронных носителей информации // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 57–61. doi: 10.17223/23088451/24/9

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/9

ENSURING THE RIGHT OF PEOPLE TO RETURN THEIR ELECTRONIC INFORMATION MEDIA SEIZED FROM THEM DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS**Antonina O. Bessonova¹**¹ The Moscow Bar Association "Semenova and Partners", Moscow, Russian Federation, law_consulting@mail.ru

Abstract. The law enforcement practice demonstrates an abundance of cases of infringement of the rights of persons from whom electronic data carriers were seized by preliminary investigation and inquiry officers during the disclosure and investigation of a crime. This is especially acute when means of communication and information transfer are seized. This happens since the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other regulatory acts do not contain any specific rules for legal regulation of the return to their legal owners and proprietors of seized electronic storage media, which are not recognized as material evidence. The negative impact on protection of the rights of these participants in the process is explained by the legal standard of the investigator's discretion in resolving any procedural issues, including the issue of returning seized electronic storage media, which has taken root in law enforcement practice. However, Article 81.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on criminal cases on economic crimes contains special rules governing the resolution of this issue. This brings about the inequality of persons from whom electronic storage media were confiscated in various criminal cases. The author proposed measures to create a unified system of rules for the return of electronic storage media confiscated during pre-trial proceedings to their lawful owners and proprietors. The procedure for returning confiscated electronic storage media should be based on the provisions of Article 81.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The return of electronic storage media should be given the status of a procedural action, the course and results of which should be formalized in a protocol in accordance with Article 166 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The rights of people from whom electronic storage media were confiscated should be guaranteed by the participation of a specialist in the return procedure, who, if necessary, should assist in checking the technical serviceability of the returned objects and the safety of the information contained therein. Another proposed measure to ensure the rights of people to whom confiscated electronic storage media are returned could be the participation of a lawyer, including by appointment. Finally, the level of protection of the rights and legitimate interests of people from whom electronic information carriers have been confiscated would be enhanced by their legislative definition and formalization of their procedural status.

Keywords: electronic media, seizure, return, personal rights, procedural guarantees

For citation: Bessonova, A.O. (2024) Ensuring the right of people to return their electronic information media seized from them during pre-trial proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 57–61. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/9

Согласно широко распространенному в уголовно-процессуальной науке мнению, в современном уголов-

ном судопроизводстве получение и использование электронных доказательств является одной из актуальных

проблем, имеющих много различных аспектов (включая правозащитный) [1, 2].

В данной статье особый акцент сделан на вопросе возвращения ранее изъятых в ходе досудебного производства электронных носителей информации их собственникам и владельцам, поскольку указанное действие хотя и не входит в процесс доказывания, но порождено им. Оно должно быть урегулировано с не меньшей тщательностью, чем само доказывание.

В контексте темы исследования будем использовать понятие «электронный носитель информации», а не термин «электронное доказательство», которое официально не определено и имеет множество интерпретаций в юридической науке [3. С. 74; 4. С. 44–53]. Поддерживаем позицию тех ученых, согласно которой понятие «электронное доказательство» является более широким по отношению к положению «электронный носитель информации», указывающему на одну из разновидностей электронных доказательств, а именно материальных объектов, содержащих информацию (электронную), могущих перемещаться в пространстве (изыматься и возвращаться) [3; 5. С. 78–79].

Согласно п. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013 электронный носитель – материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [6].

В.Б. Вехов определяет электронный носитель информации как техническое устройство или технологическую систему, которые предназначены для фиксации, хранения, накопления, преобразования и (или) передачи компьютерной информации. Эти предметы выступают в качестве основных электронных вещественных доказательств [7. С. 97].

Особо актуален в практическом плане тот круг электронных носителей информации, которые можно отнести к предметам первой необходимости, т.е. средствам связи – сотовым телефонам и средствам вычислительной техники, которыми пользуются большинство людей – компьютеров, ноутбуков и пр.

Как отмечают практикующие адвокаты [8, 9], одним из наиболее распространенных видов нарушения прав лиц в уголовном процессе, является тотальное изъятие компьютеров, телефонов и иных электронных носителей информации в ходе обысков, других следственных действий в жилищах, других помещениях и последующее невозвращение длительное время органами предварительного расследования изъятых вещей их владельцам и собственникам. В научной литературе также выделяют эту проблему как одну из наиболее острых [10. С. 51; 11–13]. Известные случаи по другим уголовным делам также подтверждают это положение и [14–16].

Можно сказать, что на практике сформировался следственный стандарт изъятия в «интересах следствия» всех обнаруженных следователем электронных носителей информации, независимо от связи с предметом доказывания, исходя из общего предположения, которое судьями tolкуется как вполне разумное: в них могут содержаться сведения, подтверждающие факт совершения преступления, – в переписке, сообщениях лиц.

Учитывая укоренившееся в следственно-судебной практике правило оправдания усмотрения следователя в

определении хода и направления следствия и, соответственно, в выборе способов собирания доказательств по делу (следственных действий, прежде всего), можно констатировать, что сложилась не вполне благоприятная обстановка с упорядочиванием возвращения изъятых у владельцев электронных носителей информации.

Соблюдение их права на собственность целиком и полностью зависит от усмотрения следователя. Прокурорский надзор и судебный контроль служат не столько сдерживающими, сколько поддерживающими этот следственный правовой стандарт средствами, что влечет за собой произвол. Поэтому полагаем правильным подход к разрешению проблематики правового регулирования процесса возвращения изъятых электронных носителей информации в виде введения четких правил, обязательных для исполнения следователем.

В круг лиц, права которых надо гарантировать при возвращении изъятых электронных носителей информации, входят не только обвиняемый, подозреваемый, но также и иные лица: прежде всего это собственник, иной владелец помещения, в котором проводится обыск, иное следственное действие, в ходе которого изымаются электронные носители, принадлежащие этому лицу. Кроме того, это могут быть и иные «третьи лица»: те, у кого по факту были изъяты электронные носители информации, но не получившие официального процессуального статуса по уголовному делу. По этой причине защита их права на возвращение изъятых у них электронных носителей информации приобретает особую остроту.

Изъятие указанных нами объектов чаще всего происходит в ходе обысков, выемок, следственных осмотров, но также и в производстве других следственных и процессуальных действий [17. С. 22–24].

Это может происходить в любой из досудебных стадий [18. С. 26–31], но также и в ходе оперативно-розыскной деятельности [19. С. 7; 20]. В последнем случае наиболее часто это происходит при проведении гласного обследования помещений, оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий и других объектов [21]. Независимо от того, каким образом произошло изъятие электронных носителей информации у собственника, законного владельца, порядок их возвращения должен быть единообразным.

Порядок возвращения в ходе досудебного производства изъятых электронных носителей информации законному владельцу регулируется ч. 4 ст. 81, пп. «б» п. 5 ч. 2 и ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ, а также подзаконными нормативно-правовыми актами [22. § 84, 85; 23; 24].

По смыслу закона изъятые в ходе обыска электронные носители в разумный срок должны быть возвращены собственнику, если не были признаны и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Ввиду правовой важности процессуального акта возврата электронных носителей информации его квалифицируют не только как процессуальное действие, но и как действие следственное.

Как пишет М.Ш. Махтаев, по результатам проведения нового следственного действия, предусмотренного п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, составляется протокол в соответствии с ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ, к которому могут прилагаться

электронные носители, содержащие информацию, полученную или скопированную с других электронных носителей в ходе производства следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ) [4]. Как следует из этих рассуждений, он связывает необходимость протоколирования с копированием информации, которая находится на изъятых носителях электронной информации.

Мы разделяем мнение о необходимости протоколирования процессуального действия по возвращению владельцу изъятых у него электронных носителей информации. Однако возвращение нельзя считать следственным действием, ибо способом собирания или проверки доказательства оно не является. Напротив, оно является завершающим актом выведения объекта из сферы уголовно-процессуального доказывания. Следственным действием можно считать только копирование информации с электронного носителя, который возвращается после этого законному владельцу. Между тем, протоколирование возвращения электронных носителей информации необходимо прежде всего для обеспечения прав лиц, являющихся собственниками, законными владельцами этих предметов.

Статьей 81.1 УПК РФ предусмотрена специальная процедура возвращения электронных носителей информации по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Она стала частью особого порядка использования электронных носителей информации в уголовно-процессуальном доказывании по данной категории уголовных дел, который был введен Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ [25].

Следует признать, что субъекты предпринимательской деятельности получили больше процессуальных гарантий, обеспечивающих возвращение им изъятых электронных носителей информации. Полагаем, что уголовно-процессуальный порядок привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих корыстные преступления против собственности иных лиц, должен быть единым. Рассуждая подобным образом, предлагаем распространить специальные правила возвращения электронных носителей информации субъектам предпринимательской деятельности по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики на все уголовные дела.

Список источников

1. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.
2. Зуев С.В., Зазулин А.И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1(40). С. 67–77.
3. Основы теории электронных доказательств / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. 383 с.
4. Махтаев М.Ш. Электронные носители информации как носители криминалистического исследования // Электронные носители информации в криминалистике / под ред. О.С. Кучина. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 44–53.
5. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022. 210 с.
6. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения ГОСТ 2.051-2013 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.05.2024).
7. Вехов В.Б. Обнаружение, фиксация, предварительное и судебно-экспертное исследование электронных следов как доказательств // Основы теории электронных доказательств / под ред. С.В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 85–139.
8. Нагорная М. КС не усмотрел неопределенности в порядке проведения личного обыска и обыска в жилище // Адвокатская газета. 2023. 20 октября. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-neopredelennosti-v-poryadke-provedeniya-lichnogo-obyska-i-obyska-v-zhilishche/> (дата обращения: 18.05.2024).
9. Морозин И.Н. Обыск в жилище подозреваемого. Незаконное изъятие электронных носителей, документов и денежных средств... и их возвращение законному владельцу. URL: <https://pravorub.ru/cases/43943.html> (дата обращения: 18.05.2024).
10. Балашова А.С. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 216 с.
11. Колычева А.Н. Общие аспекты изъятия электронных носителей информации // Закон и право. 2022. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-aspekty-izyatiya-elektronnyh-nositelyey-informatsii> (дата обращения: 18.05.2024).

Таким образом, по нашему мнению, должен быть общий порядок возвращения электронных носителей информации, за основу которого надо взять порядок, закрепленный в ст. 81.1 УПК РФ. Этую нормативно-правовую модель предлагаем дополнить следующими правовыми нормами.

Во-первых, следует ввести в кодекс понятие нового участника процесса: «лицо, у которого были изъяты электронные носители информации». Это юридическое или физическое лицо, у которого в ходе следственного или иного действия, осуществленного во время досудебного уголовного преследования органом предварительного расследования и органом дознания, уполномоченного на осуществление ОРД, были изъяты электронные носители информации. По требованию этого лица его права и законные интересы должен представлять адвокат по назначению.

Во-вторых, полагаем, что решение о возвращении изъятых электронных носителей информации, не признанных вещественными доказательствами, должно приниматься следователем, дознавателем в виде постановления. Данное постановление следователь, дознаватель обязаны принять или по ходатайству, жалобе лица, у которого были изъяты электронные носители информации, или по собственной инициативе при окончании предварительного следствия, дознания.

Возвращение электронных носителей информации должно протоколироваться в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ, а не оформляться актом выдачи, как это делается в настоящее время.

Следователь обязан обеспечить участие специалиста при возвращении изъятых и не признанных вещественными доказательствами электронных носителей, если на этом настаивает лицо, которому возвращаются изъятые у него объекты. Это необходимо для проверки исправности возвращаемых лицу электронных устройств, средств связи, которые могут быть повреждены в ходе осмотра. Актуальность участия специалиста подтверждается случаями из практики, когда лицу возвращаются неисправные, испорченные в ходе следственных действий электронные носители информации, а жалобы на это остаются без разрешения.

12. Филиппова Н.В., Пашкова Е.П., Самарцева А.Е. К вопросу об изъятии электронных носителей в процессе производства следственных действий // Вопросы науки и образования. 2018. № 27 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izyatiu-elektronnyh-nositeley-v-protsesse-proizvodstva-sledstvennyh-deystviy> (дата обращения: 18.05.2024).
13. Крюкова Т.С. Некоторые проблемы законодательного регулирования изъятия электронных носителей информации в процессе осуществления следственных действий // Право: история, теория, практика : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб., 2016. С. 86–88.
14. Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа № 22К-1254/2021 от 21.07.2021 по делу № 3/10-15/2021. URL: sudact.ru/regular/doc/7FkURZq6VgWT/ (дата обращения: 18.05.2024).
15. Апелляционное постановление Тверского областного суда № 22-2885/2023 22K-2885/2023 от 28.11.2023 по делу № 3/3-7/2023. URL: sudact.ru/regular/doc/vEWEUATstum8/ (дата обращения: 18.05.2024).
16. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-8366/2023 22K-8366/2023 от 27.11.2023 по делу № 3/6-331/2023. URL: sudact.ru/regular/doc/dzadrpGVLqxU/ (дата обращения: 18.05.2024).
17. Бехов В.Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22–24.
18. Воробей С.Н. Проблемы правовой регламентации процессуального порядка изъятия электронных носителей и копирования содержащейся на них информации // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 2. С. 26–31.
19. Муравьев М.В. Использование в уголовно-процессуальном доказывании информации, полученной в ходе гласных оперативно-розыскных мероприятий : дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 289 с.
20. Лучинкин Ф.М. Проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvaniyu-rezul'tatov-operativno-rozyysknuy-deyatel'nosti> (дата обращения: 18.05.2024).
21. Приказ Министерства внутренних дел РФ от 01.04.2014 № 199 (ред. от 17.04.2017) «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // Российская газета. 2014. 28 мая.
22. Письмо Генпрокуратуры СССР от 12.02.1990 № 34/15, Верховного Суда СССР от 12.02.1990 № 01-16/7-90, МВД СССР от 15.03.1990 № 1/1002, Минюста СССР от 14.02.1990 № К-8-106, КГБ СССР от 14.03.1990 № 441/Б (с изм. от 13.07.2017) «Об Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.05.2024).
23. Постановление Правительства РФ от 22.04.2017 № 482 «Об утверждении Положения о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 18. Ст. 2791.
24. Постановление Правительства РФ от 28.09.2023 № 1589 «Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 41. Ст. 7316.
25. Федеральный закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.

References

1. Aleksandrov, A.S., Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2019) On the development prospects of the Russian criminal proceeding in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 199–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/25
2. Zuev, S.V. & Zazulin, A.I. (2024) Tsifrovoy UPK: novaya kontsepsiya razvitiya prava [Digital Criminal Procedure Code: A New Concept of Law Development]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 1 (40). pp. 67–77.
3. Zuev, S.V. (ed.) (2019) *Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the Theory of Electronic Evidence]. Moscow: Yurlitinform.
4. Makhtaev, M.Sh. (2017) Elektronnye nositeli informatsii kak nositeli kriminalisticheskogo issledovaniya [Electronic Information Media as Media of Forensic Research]. In: Kuchin, O.S. (ed.) *Elektronnye nositeli informatsii v kriminalistike* [Electronic Information Media in Forensic Science]. Moscow: Yurlitinform. pp. 44–53.
5. Cherkasov, V.S. (2022) *Pravove regulirovanie primeneniya elektronnykh sredstv v dokazyvaniu na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa* [Legal regulation of the use of electronic means in proving at pre-trial stages of criminal proceedings]. Law Cand. Diss. Khabarovsk.
6. GOST 2.051-2013. (2013) *Mezhgosudarstvennyy standart. Edinaya sistema konstruktorskoy dokumentatsii. Elektronnye dokumenty. Obshchie polozheniya GOST 2.051-2013* [Interstate standard. Unified system of design documentation. Electronic documents. General provisions of GOST 2.051-2013]. [Online] Available from: SPS Konstul'tantPlyus. (Accessed: 18.05.2024).
7. Vekhov, V.B. (2019) Obnaruzhenie, fiksatsiya, predvaritel'noe i sudebno-eksperimentnoe issledovanie elektronnykh sledov kak dokazatel'stv [Detection, recording, preliminary and forensic examination of electronic traces as evidence]. In: Zuev, S.V. (ed.) *Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the Theory of Electronic Evidence]. Moscow: Yurlitinform. pp. 85–139.
8. Nagornaya, M. (2023) KS ne usmotrel neopredelennosti v poryadke provedeniya lichnogo obyska i obyska v zhilishche [The Constitutional Court did not find uncertainty in the procedure for conducting a personal search and a search of a home]. *Advokatskaya gazeta*. 20th October. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-neopredelennosti-v-poryadke-provedeniya-lichnogo-obyska-i-obyska-v-zhilishche/> (Accessed: 18.05.2024).
9. Morokhin, I.N. (n.d.) *Obysk v zhilishche podzrevaemogo. Nezakonnoe iz'yatie elektronnykh nositeley, dokumentov, i denezhnykh sredstv . . . i ikh voz-vrashchenie zakonomu vladel'tsu* [Search of the suspect's home. Illegal seizure of electronic media, documents, and cash... and their return to the rightful owner]. [Online] Available from: <https://pravorub.ru/cases/43943.html> (Accessed: 18.05.2024).
10. Balashova, A.S. (2020) *Elektronnye nositeli informatsii i ikh ispol'zovanie v ugolovno-protsessual'nom dokazyvaniu* [Electronic storage media and their use in criminal procedural proving]. Law Cand. Diss. Moscow.
11. Kolycheva, A.N. (2022) *Obshchie aspekty iz'yatiya elektronnykh nositeley informatsii* [General aspects of the seizure of electronic storage media]. *Zakon i pravo*. 7. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchie-aspeki-iz-yatiya-elektronnykh-nositeley-informatsii> (Accessed: 18.05.2024).
12. Filippova, N.V., Pashkova, E.P. & Samartseva, A.E. (2018) K voprosu ob iz'yatiyu elektronnykh nositeley v protsesse proizvodstva sledstvennykh deystviy [On seizure of electronic storage media during investigative actions]. *Voprosy nauki i obrazovaniya*. 27 (39). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-iz-yatiyu-elektronnyh-nositeley-v-protcesse-proizvodstva-sledstvennyh-deystviy> (Accessed: 18.05.2024).
13. Kryukova, T.S. (2016) Nekotorye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya iz'yatiya elektronnykh nositeley informatsii v protsesse osushchestvleniya sledstvennykh deystviy [Some problems of legislative regulation of the seizure of electronic storage media during investigative actions]. *Pravo: istoriya, teoriya, praktika* [Law: History, Theory, Practice]. Proc. of the Fourth International Conference. St. Petersburg, July 2016. St. Petersburg. pp. 86–88.

14. Russian Federation. (2021) *Apellyatsionnoe postanovlenie Suda Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga № 22K-1254/2021 ot 21.07.2021 po delu № 3/10-15/2021* [Appellate ruling of the Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug No. 22K-1254/2021 dated July 21, 2021, in Case No. 3/10-15/2021]. [Online] Available from: sudact.ru/regular/doc/7FkURZq6VgWT/ (Accessed: 18.05.2024).
15. Russian Federation. (2023) *Apellyatsionnoe postanovlenie Tverskogo oblastnogo suda № 22-2885/2023 22K-2885/2023 ot 28.11.2023 po delu № 3/3-7/2023* [Appellate ruling of the Tver Regional Court No. 22-2885/2023 22K-2885/2023 dated November 28, 2023, in Case No. 3/3-7/2023]. [Online] Available from: sudact.ru/regular/doc/vEWEUATstum8/ (Accessed: 18.05.2024).
16. Russian Federation. (2023) *Apellyatsionnoe postanovlenie Krasnodarskogo kraevogo suda № 22-8366/2023 22K-8366/2023 ot 27.11.2023 po delu № 3/6-331/2023* [Appellate ruling of the Krasnodar Regional Court No. 22-8366/2023 22K-8366/2023 dated November 27, 2023, in Case No. 3/6-331/2023]. [Online] Available from: sudact.ru/regular/doc/dzadrpGVLqxU/ (Accessed: 18.05.2024).
17. Vekhov, V.B. (2013) Rabota s elektronnymi dokazatel'stvami v usloviyah izmenivshegosya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [Working with electronic evidence in the context of changed criminal procedure legislation]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 10. pp. 22–24.
18. Vorobey, S.N. (2021) Problemy pravovoy reglamentatsii protsessual'nogo poryadka iz"yatiya elektronnykh nositeley i kopirovaniya soderzhashchey-sya na nikh informatsii [Problems of legal regulation of the procedural order of seizure of electronic media and copying information contained on them]. *Politseyskaya i sledstvennaya deyatelnost'*. 2. pp. 26–31.
19. Muraviev, M.V. (2021) *Ispol'zovanie v ugolovno-protsessual'nom dokazyvaniyu informatsii, poluchennoy v khode glasnykh operativno-rozysknykh meropriyatiy* [The use of information obtained during public operational-search activities in criminal procedural proof]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
20. Luchinkin, F.M. (2022) Problemy ispol'zovaniya v ugolovno-protsessual'nom dokazyvaniyu rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatelnosti [On using the results of operational-search activities in criminal procedural proof]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskому zhurnal*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvaniyu-rezul-tatov-operativno-rozysknoy-deyatelnosti> (Accessed: 18.05.2024).
21. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2014) Prikaz Ministerstva vnutrennikh del RF ot 01.04.2014 goda № 199 (red. ot 17.04.2017) "Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke provedeniya sotrudnikami organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii glasnogo operativno-rozysknoy meropriyatiya obsledovaniye pomeshcheniy, zdaniy, sooruzheniy, uchastkov mestnosti i transportnykh sredstv i Perechnya dolzhnostnykh lits organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, upolnomochennykh izdavat' rasporyazheniya o provedenii glasnogo operativno-rozysknoy meropriyatiya obsledovaniye pomeshcheniy, zda-niy, sooruzheniy, uchastkov mestnosti i transportnykh sredstv" [Order No. 199 of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated April 1, 2014, (as amended on April 17, 2017). "On approval of the Instructions on the procedure for conducting public operational-search measures by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation to inspect premises, buildings, structures, areas of land, and vehicles and the List of officials of the internal affairs bodies of the Russian Federation authorized to issue orders to conduct public operational-search measures to inspect premises, buildings, structures, areas of land and vehicles"]. *Rossiyskaya gazeta*. 28 May.
22. USSR (n.d.) *Pis'mo Genprokuratury SSSR ot 12.02.1990 № 34/15, Verkhovnogo Suda SSSR ot 12.02.1990 № 01-16/7-90, MVD SSSR ot 15.03.1990 № 1/1002, Minyusta SSSR ot 14.02.1990 № K-8-106, KGB SSSR ot 14.03.1990 № 441/B (s izm. ot 13.07.2017) "Ob Instruktsii o poryadke iz"yatiya, ucheta, khraneniya i peredachi veshchestvennykh dokazatel'stv po ugolovnym delam, tsennostey i inogo imushchestva organami predvaritel'nogo sledstviya, doznaniya i sudami"* [Letters No. 34/15 from the Prosecutor General's Office USSR of February 12, 1990, No. 01-16/7-90 from the Supreme Court of the USSR of February 12, 1990, No. 1/1002 from Ministry of Internal Affairs of the USSR of March 15, 1990; No. K-8-106 from Ministry of Justice of the USSR of February 14, 1990; № 441/B from KGB of the USSR of March 14, 1990 (as amended on July 13, 2017) "On the Instruction on the procedure for the seizure, accounting, storage, and transfer of material evidence in criminal cases, valuables and other property by preliminary investigation, inquiry bodies and courts"]. [Online] Available from: SPS KonsultantPlyus. (Accessed: 18.05.2024).
23. Russian Federation. (2017) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22.04.2017 № 482 "Ob utverzhdenii Polozheniya o poryadke snyatiya kopiy s dokumentov, iz"yatykh v khode dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomiki" [Resolution No. 482 of the Government of the Russian Federation of April 22, 2017, "On approval of the Regulation on the procedure for making copies of documents seized during pre-trial proceedings in criminal cases on crimes in the economic sphere"]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. Vol. 18. Art. 2791.
24. Russian Federation. (2023) Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.09.2023 № 1589 "Ob utverzhdenii Pravil ucheta i khraneniya iz"yatykh v khode dosudebnogo proizvodstva, no ne priznannyykh veshchestvennykh dokazatel'stvami po ugolovnym delam predmetov i dokumentov do priznaniya ikh veshchestvennymi dokazatel'stvami po ugolovnym delam ili do ikh vozvrata litsam, u kotorykh oni byli iz"yaty, i arrestovannogo imushchestva, ucheta, khraneniya i peredachi veshchestvennykh dokazatel'stv po ugolovnym delam, a takzhe vozvrata veshchestvennykh dokazatel'stv po ugolovnym delam v vide deneg ikh zakonomu vladel'tsu i o priznaniu utraktivshimi silu nekotorykh aktov i otdel'nogo polozeniya akta Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii" [Resolution No. 1589 of the Government of the Russian Federation of September 28, 2023, "On approval of the Rules for the accounting and storage of items and documents seized during pre-trial proceedings but not recognized as material evidence in criminal cases until they are recognized as material evidence in criminal cases or until they are returned to the persons from whom they were seized, and seized property, the accounting, storage and transfer of material evidence in criminal cases, as well as the return of material evidence in criminal cases in the form of money to their legal owner and on the recognition as invalid of certain acts and a separate provision of the act of the Government of the Russian Federation"]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. Vol. 41. Art. 7316.
25. Russian Federation. (2012) Federal'nyy zakon ot 28.07.2012 № 143-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 143-FZ of July 28, 2012, "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. Vol. 31. Art. 4332.

Информация об авторе:

Бессонова А.О. – адвокат Московской коллегии адвокатов «Семенова и Партнеры» (Москва, Россия). E-mail: law_consulting@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**Information about the author:**

A.O. Bessonova, lawyer of The Moscow Bar Association "Semenova and Partners" (Moscow, Russian Federation). E-mail: law_consulting@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принятая к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

О МЕРЕ СВОБОДЫ ЗАЩИТНИКА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ И ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ

Александр Геннадьевич Васильев¹

¹ Башкирская республиканская коллегия адвокатов (филиал), Оренбург, Россия, Vasilevs-rex@yandex.ru

Аннотация. Формально защитник свободен при ведении судебных допросов по уголовному делу и выборе тактики. Однако на самом деле существует ряд ограничений, заложенных в структуру уголовного процесса и судебного следствия, в определении им предмета допроса, а равно способов и средств представления и исследования показаний в суде. В статье анализируются эти ограничения и предлагаются меры по их снятию или смягчению, для того чтобы защитник имел возможность на равных со стороной обвинения формировать в суде личные доказательства.

Ключевые слова: судебный допрос, показания, свобода выбора, ограничения, представление, исследование, предмет допроса, способы и средства допроса

Для цитирования: Васильев А.Г. О мере свободы защитника в представлении и исследовании личных доказательств при рассмотрении уголовного дела судом // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 62–66. doi: 10.17223/23088451/24/10

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/10

ON THE MEASURE OF THE DEFENDER'S FREEDOM IN PRESENTING AND EXAMINING PERSONAL EVIDENCE DURING THE CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE BY THE COURT

Aleksandr G. Vasiliev¹

¹ Bashkir Republican Bar Association (branch), Orenburg, Russian Federation, Vasilevs-rex@yandex.ru

Abstract. The widespread judicial practice of restricting the freedom of the defense attorney to conduct interrogations by the presiding judge makes this research topical. This is especially true for cross-examinations of key prosecution witnesses, including the victim, which is due to both the general structure of Russian criminal proceedings and the organization of judicial investigation, and the legal uncertainty regarding the form and content of inadmissible questions asked of the person being interrogated, which may be rejected by the court. The article aims at identifying typical situations of restricting the freedom of the defense attorney in conducting judicial interrogations of persons and developing proposals to lift restrictions on direct and cross-examinations by the defense attorney in criminal court. The author has examined typical situations and identified the reasons why the defense attorney's freedom to conduct direct and cross-examinations to obtain personal evidence can be restricted. Based on the current practices, the author proposes to amend the current legislation regulating the procedure for judicial investigation and interrogations to better guarantee the defense attorney's right to conduct judicial interrogations. The main innovation is to allow the defense attorney, at their own discretion, to introduce into the interrogation and use as a means of developing testimony any materials of the criminal case, regardless of whether or not they were presented to the court by the state prosecutor. The article also proposes to eliminate legal uncertainty in determining the criteria for an inadmissible question subject to rejection by the presiding judge.

Keywords: judicial interrogation, testimony, freedom of choice, restrictions, presentation, research, subject of interrogation, methods and means of interrogation

For citation: Vasiliev, A.G. (2024) On the measure of the defender's freedom in presenting and examining personal evidence during the consideration of a criminal case by the court. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 62–66. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/10

Если исходить из принципа состязательности (ст. 123 Конституции России, ст. 15 УПК РФ), а также общих условий судебного разбирательства, предусмотренных ст. 240, 244 УПК РФ, то можно заключить, что защитнику, равно как и государственному обвинителю, предоставляется свобода в представлении своих, т.е.

оправдательных, доказательств и в исследовании доказательств (обвинительных), представленных стороной обвинения.

Из системного толкования норм, содержащихся в ст. 2, 18, 45, 123 Конституции, п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ

(ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1], можно заключить, что защитник свободен в выборе способов и средств, прямо не запрещенных законом или кодексом профессиональной этики адвоката для защиты законных интересов подзащитного подсудимого [2].

По смыслу действующего законодательства, толкуемого в свете приоритета прав и свобод человека и гражданина, защитник, во-первых, может быть свободен в определении предмета и разумных пределов допроса, которые уполномочен проконтролировать суд. Во-вторых, он не может быть ограничен в выборе средств и способов ведения допросов в суде при «разработке» (понятие «разработка личных доказательств» используется в статье вслед за другими учеными, в таком, объединительном смысле как «представление и исследование личных доказательств на суде») [3. С. 18; 4. С. 3–5] предмета допроса, т.е. в представлении и исследовании показаний в суде. Защитник свободен в выборе тактики допроса лица так же, как и представители стороны обвинения: следователь – при проведении допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), государственный обвинитель – при проведении допросов в суде.

Таковой видится идеальная уголовно-процессуальная модель представления и исследования адвокатом-защитником личных доказательств посредством проведения допросов в судебном следствии по уголовному делу.

Однако, как констатируют ученые-исследователи, свобода защитника в ведении допросов в суде, в использовании незапрещенных законом способов и средств, в выборе им тактики допросов серьезно ограничена [5. С. 33–36; 6. С. 120–122]. Практикующие адвокаты отмечают, что данный участник процесса нередко сталкивается с ситуацией, когда разработанный им план перекрестного допроса приводится в расстройство судьей путем отклонения вопросов как наводящих, не относящихся к делу [7].

На наш взгляд, причина этого явления вызвана не случайным, человеческим фактором – личностью конкретного судьи, а носит системный характер, что требует системного анализа того, какие ограничения и запреты налагаются на ведение адвокатом-защитником судебных допросов при рассмотрении судом уголовного дела.

Прежде всего надо сказать о предмете допросов – предмете приложения способов и средств *разработки личных доказательств*. Это есть показания, но также и само лицо, дающее их в речевой форме на допросе [8. С. 462–473]. Некоторые включают в предмет допроса еще и внутреннее убеждение судьи (присяжных заседателей), на которого оказывает воздействие допрос (вопрос) [9. С. 192]. Впрочем, последнее находится вне свободы защитника в ведении допросов. Следуя имеющимся в юридической науке разработкам, можно сказать, что предмет допроса – это (1) показания, (2) лицо, дающее показания, (3) иные сведения о фактических обстоятельствах дела, включаемые допрашиваемым лицом в исследование показаний.

Важно исходить из того, что предмет допроса, объективно предопределен предметом доказывания по делу (ст. 73 УПК РФ) и находится в «разумных пределах»,

необходимых и достаточных для того, чтобы установить все фактические обстоятельства надлежащим образом, т.е. в отсутствие разумных сомнений. Поскольку пределы доказывания складываются по делу индивидуально (ситуативно), то их разумные, справедливые границы устанавливаются сторонами под контролем суда на основе предмета доказывания, здравого смысла – для обеспечения полноты, всесторонности, объективности судебного следствия [9. С. 192–193]. Судья должен, на наш взгляд, при использовании критерия относимости для оценки предмета показаний, средств и способов, выбираемых защитником для его разработки, исходить из того, что защитник свободен до тех пределов, за которыми нарушается общественный интерес, а также конституционные интересы и права иных участников процесса.

Способы, которыми ведется судебный допрос (разрабатывается предмет) – это различные разновидности вопросов, задаваемые допрашиваемому лицу.

Существует, на первый взгляд, парадоксальное мнение о том, что показания и есть ответы допрашиваемого на заданные вопросы; соответственно, вопросами допрашивающего формируются (создаются) показания [10. С. 4–5]. Здесь возводится в абсолют воля допрашивающего, но игнорируется (а) воля допрашиваемого и его самостоятельность в даче показаний и (б) в какой-то мере реальная действительность. Хотя отчасти в этом утверждении есть и своя правота: защитнику для защиты интересов своего подзащитного надо стремиться в допросах воплотить этот идеал в возможно большей степени.

Средства разработки показаний (личных доказательств) – это те материалы уголовного дела, если угодно, доказательства, которые могут быть использованы допрашивающим при «разработке» показаний лица во время их представления и исследования на допросах.

Исходя из положений ч. 3 ст. 190 УПК РФ при судебном допросе в качестве средств разработки показаний могут предъявляться вещественные доказательства и документы, оглашаться ранее данные показания, протоколы следственных действий, воспроизводиться материалы аудио- и (или) видеозаписи, приложенные к письменным материалам уголовного дела. Следует добавить к ним еще электронные носители информации: информация с них может быть представлена и использована в ходе ведения защитником допросов.

Представление показаний осуществляется первоначальным (прямым) допросом, исследуется – перекрестным допросом. Присоединяемся к мнению ученых о том, что эти два вида допросов, каждый в отдельности, но также их сочетания с другими следственными действиями (оглашение протоколов следственных действий, ранее данные показания, предъявление/осмотр вещественных доказательств) образуют в широком смысле «средства разработки личных доказательств» [11. С. 108–113].

Остановимся на проблеме ограничений, накладываемых на свободу определения защитником предмета показаний. Из статей 73, 79, 189, 278 и др. УПК РФ вытекает, что лицо может допрашиваться защитником на

прямом допросе о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего, взаимоотношениях допрашиваемого с другими свидетелями, участниками процесса. Предметом же перекрестного допроса являются показания, данные лицом на прямом допросе, но также и другие ранее данные этим лицом показания [11. С. 110].

Из определения предмета показаний, данного нами выше, следует, что судья, контролируя предмет и пределы допроса защитника, должен в первую очередь руководствоваться критерием относимости задаваемых защитником вопросов к предмету доказывания по данному уголовному делу. Однако критерий этот достаточно широкий, и председательствующий судья может трактовать его произвольно – для ограничения свободы защитника в ведении допроса.

Способствует этому ряд причин. Первая причина состоит в следственной форме собирания доказательств, включая личные, в досудебном производстве и фиксацию их в протоколах следственных действий – протоколах допросов, но также и протоколах других следственных действий, в которых содержатся показания, устные сообщения лиц. Эти протоколы могут оглашаться в порядке, предусмотренных ст. 281 и 285 УПК РФ.

Из формулировок ч. 1 и 2 ст. 274 УПК РФ вытекает, что исследование доказательств происходит по мере их представления и в пределах уже представленного материала. Предмет и пределы допроса прямо зависят от того, что представлено в судебном следствии: если доказательство представлено, то оно может стать предметом постановки вопросов; если не было представлено, то председательствующий судья имеет все основания для отклонения вопросов защитника, если они касаются этого доказательства.

Итак, базовое (структурное) ограничение, накладываемое на определение предмета допроса защитником любого лица, состоит в том, что предметом его могут быть только (а) показания, данные на первоначальном (прямом) допросе, (б) оглашенные в порядке ст. 281 УПК РФ ранее данные этим лицом показания, (в) другие доказательства, уже предоставленные суду.

Личные доказательства могут стать предметом исследования защитника в трех вариантах: (1) только показания, данные лицом в суде (на прямом допросе), (2) ранее данные показания лица, не явившегося в суд, (3) показания, данные в суде, плюс оглашенные в суде ранее данные им (в досудебных стадиях) показания: в виде протоколов допросов, следственных (процессуальных) действий, иных документов.

Пределы возможного исследования данных в суде показаний лица растут вместе с ростом представленных в качестве доказательств материалов уголовного дела. По мере увеличения представленного суду доказательственного материала увеличиваются и пределы, с одной стороны, предмета допроса, а с другой – средств и способов разработки защитником показаний при допросах.

Видимо можно выделить три ситуации в зависимости от меры свободы, которая есть у защитника в выборе предмета допроса и в использовании способов, средств для разработки предмета допроса.

Первая ситуация складывается в начале судебного следствия, когда любое из представляемых государственным обвинителем доказательств может быть исследовано только в пределах того, что представлено. Так, если государственный обвинитель решает начать представление обвинительных доказательств с допроса потерпевшего, то предмет его перекрестного допроса участниками со стороны защиты ограничивается только данными в суде показаниями. По решению суда (в ответ на ходатайство государственного обвинителя или защитника) к ним могут быть добавлены ранее данные показания, которые оглашаются в порядке ст. 281 УПК РФ [12. С. 97–103]. Что касается других доказательств по делу, то, как показывает практика, *они не могут использоваться защитником ни для включения в предмет допроса, ни в качестве средства его разработки*.

Так, при допросе потерпевшего при рассмотрении уголовного дела председательствующим судьей были отклонены все вопросы защитника как «неконкретные» и «не относящиеся к делу», которые были направлены на выяснение обстоятельств, не ставших предметом прямого допроса, хотя касающиеся предмета доказывания, но касавшиеся доказательств, еще не представленных суду [13].

Вторая (промежуточная) ситуация складывается на том этапе судебного следствия, когда накапливается определенные доказательственный материал, представленный суду государственным обвинителем. Этим материалом и может воспользоваться защитник при перекрестном допросе свидетеля обвинения для проверки его показаний.

Третья ситуация возникает тогда, когда защитник приступает к представлению своих – оправдательных личных – доказательств путем проведения прямых допросов лиц, явившихся в суд для дачи показаний. В этом случае в распоряжении защитника уже находится весь ранее представленный государственным обвинителем круг обвинительных доказательств, которые могут использоваться в качестве средств разработки показаний и включаться в предмет допроса. Кроме того, защитник может начать представление своих доказательств с тех, которые собирается использовать при проведении допроса. Следовательно, защитник здесь более всего свободен в выборе тактики допроса и использования в ходе прямого допроса средств и способов разработки показаний.

Итак, при исследовании личных доказательств обвинения защитник ограничен тем материалом, который был представлен государственным обвинителем суду. В пределах этого материала и может им вестись проверка показаний, даваемых свидетелем обвинения, на перекрестном допросе. В этом плане защитник зависит от воли обвинителя, который определяет порядок представления своих доказательств.

Полагаем необходимым снять несправедливые ограничения свободы защиты в самостоятельном определении предмета допроса и освободить его от зависимости от прокурора, а также от тактики представления обвинительных доказательств. Это можно сделать следующим образом: во-первых, разрешить включать в любой момент судебного следствия в предмет перекрестного допроса свидетеля обвинения все его показания,

как ранее данные им в суде, так и находящиеся в материалах уголовного дела; во-вторых, допустить по требованию защитника оглашение/представление любых материалов дела для проверки показаний допрашиваемого. В этой связи в ст. 274 УПК РФ необходимо включить следующие правила.

1. Очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду. Для обеспечения полноты и быстроты исследования представленного доказательства суд должен предоставить возможность другой стороне использовать, любые собранные по делу доказательства.

2. Первой представляет доказательства сторона обвинения. При исследовании доказательств обвинения сторона защиты имеет право использовать любые материалы уголовного дела, а также представлять самостоятельно полученные предметы и документы, включая заключение специалиста, которое получено на договорной основе.

Теперь обратимся к набору средств, которые могут использоваться защитником при разработке показаний в ходе допросов. Здесь могут быть три ситуации.

Первые две ситуации, аналогичны тем, что ранее показаны при анализе предмета и возможных пределов допросов: набор средств – материалов уголовного дела – зависит от меры их представления государственным обвинителем. Чем больше их представлено, тем шире у защитника возможность использовать в перекрестных допросах показания ранее допрошенных лиц, протоколы следственных действий, иные документы, вещественные доказательства. Впрочем, и здесь все зависит от порядка представления государственным обвинителем своих доказательств и усмотрения председательствующего судьи: разрешит ли он защитнику предъявлять допрашиваемому лицу то или иное из уже представленных доказательств. Как показывает практика, это получается не всегда: может последовать запрет суда под тем предлогом, что оценка доказательств не входит в компетенцию защитника.

Так, например, председательствующий судья запретил защитнику представить на обозрение допрашиваемому им потерпевшему справку из травмпункта, куда

тот обратился на том основании, что законом это не предусмотрено [14]. Аналогичные случаи встретились и в других уголовных делах [15, 16].

Третья ситуация возникает при попытке защитника представить самостоятельно полученные доказательства и использовать их затем в допросах своих свидетелей, но также и свидетелей обвинения, которые были допрошены и которых защитник может потребовать допросить дополнительно. Если в возможности допроса защитником своих свидетелей, которые явились в суд, сомнений нет, то касаемо дополнительного перекрестного допроса свидетелей, допрошенных ранее, шансы добиться этого у защитника малы.

Таким образом, как по предмету, так и по набору средств защитник не свободен: (а) он зависит от воли и усмотрения государственного обвинителя, определяющего последовательность представления доказательств, содержащихся в материалах дела; (б) повод для ограничения дает правовая неопределенность в разрешении вопросов о возможности использования защитником в ходе судебного допроса тех или иных доказательств, собранных по делу, по своему выбору.

В заключение укажем на проблему правовой неопределенности, существующей относительно понятий «наводящий вопрос» (ст. 190, 275 УПК РФ) и «вопрос, не имеющий отношения к делу» (ст. 275 УПК РФ). Этой неопределенностью пользуются судьи для отклонения вопросов защитника.

Логично предположить, что свойство относимости вопроса производно от свойства относимости доказательства: тот вопрос, который направлен на выяснение фактических обстоятельств дела, входящих в предмет доказывания, имеет отношение к делу.

С учетом этого полагаем необходимым включить в ст. 244 УПК РФ следующие правила: (1) любой из сторон запрещается задавать лицу в ходе допроса наводящие вопросы о фактических обстоятельствах, которые не были им раскрыты в показаниях; наводящие вопросы допустимы при исследовании данных лицом показаний; (2) защитнику и государственному обвинителю разрешается задавать вопросы, направленные на выяснение любых обстоятельств, входящих в пределы доказывания.

Список источников

- Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
- Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021). URL: <https://fpaf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 08.07.2024).
- Конева С.И. Допросы в уголовном суде. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2013. 407 с.
- Машовец А.О. Международно-правовые стандарты производства допроса по уголовному делу // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 5. С. 3–5.
- Машовец А.О. Проблема обеспечения фактического равенства сторон на стадии судебного следствия в уголовном процессе // Российский судья. 2017. № 11. С. 33–36.
- Хайдаров А.А. К вопросу о реализации положений о равенстве прав сторон в ходе судебного следствия // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 120–122.
- Дзугаев Б. Вправе ли суд отклонять вопросы защитника? Как отстоять право на творческую защиту, при которой «все, что не запрещено, – разрешено» // Адвокатская газета. 2020. 25 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vprave-li-sud-otklonyat-voprosy-zashchitnika/> (дата обращения: 08.07.2024).
- Александров А.С., Юнусов А.А., Витвицкая С.С. Формирование личного доказательства в уголовном суде // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 9А. С. 462–473.
- Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2009. 569 с.
- Александров А.С., Кухта А.А. Судебные факты // Российский судья. 2007. № 8. С. 4–5.
- Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарий к ней. М. : Юрлитин-форм, 2015. 304 с.

12. Хайдаров А.А. Процессуальные особенности производства допроса потерпевшего в ходе судебного следствия // Вестник Тверского государственного университета. 2013. № 13. С. 97–103.
13. Уголовное дело № 1-108/2022 по обвинению С.Ю.Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ // Архив Центрального районного суда г. Оренбурга (Оренбургская область).
14. Уголовное дело № 1-218/2022 по обвинению Б.О.С в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ // Архив Дзержинского районного суда г. Оренбурга (Оренбургская область).
15. Уголовное дело № 1-189/2022 по обвинению А.С.Б в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 318 УК РФ // Архив Дзержинского районного суда г. Оренбурга (Оренбургская область).
16. Уголовное дело № 1-99/2022 по обвинению В.В.Б в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 164 УК РФ // Архив Центрального районного суда г. Оренбурга (Оренбургская область).

References

1. Russian Federation. (2002) Ob advokatskoy deyatel'nosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ (red. of 22.04.2024) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.07.2024) [On Advocacy and the Bar in the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 (as amended on April 22, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on July 1, 2024)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation]. Vol. 23. Art. 2102.
2. Russian Federation. (n.d.) *Kodeks professional'noy etiki advokata (priyat I Vserossiyskim s"ezdom advokatov 31.01.2003)* (red. ot 15.04.2021) [The Code of Professional Ethics of a Lawyer (adopted by the 1st All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) (as amended on April 15, 2021)]. [Online] Available from: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (Accessed: 08.07.2024).
3. Koneva, S.I. (2013) *Doprosy v ugolovnom sude* [Interrogations in Criminal Court]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Mashovets, A.O. (2013) *Mezhdunarodno-pravovye standarty proizvodstva doprosa po ugolovnomu delu* [International Legal Standards for Interrogation in a Criminal Case]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 5. pp. 3–5.
5. Mashovets, A.O. (2017) Problema obespecheniya fakticheskogo ravenstva storon na stadii sudebnogo sledstviya v ugolovnom protsesse [The Problem of Ensuring De facto Equality of the Parties at the Stage of Trial in Criminal Proceedings]. *Rossiyskiy sud'ya*. 11. pp. 33–36.
6. Khaydarov, A.A. (2012) K voprosu o realizatsii polozheniy o ravenstve prav storon v khode sudebnogo sledstviya [On Implementing the Provisions on Equality of Rights of the Parties During Trial]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 8. pp. 120–122.
7. Dzugaev, B. (2020) Vprave li sud otklonyat' voprosy zashchitnika? Kak otstoyat' pravo na tvorcheskuyu zashchitu, pri kotoroy "vse, chto ne zapreshcheno – razresheno" [Does the court have the right to reject the defense lawyer's questions? How to defend the right to creative defense, in which "everything that is not prohibited is permitted"?]. *Advokatskaya gazeta*. 25th June. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vprave-li-sud-otklonyat-voprosy-zashchitnika/> (Accessed: 08.07.2024).
8. Aleksandrov, A.S., Yunusov, A.A. & Vitvitskaya, S.S. (2022) Formirovaniye lichnogo dokazatel'stva v ugolovnom sude [Formation of personal evidence in criminal court]. *Voprosy rossiyskogo i mezh-dunarodnogo prava*. 12 (9A). pp. 462–473.
9. Kukhta, A.A. (2009) *Dokazyvanie istiny v ugolovnom protsesse* [Proving the truth in criminal proceedings]. Nizhniy Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
10. Aleksandrov, A.S. & Kukhta, A.A. (2007) *Sudebnye fakty* [Judicial facts]. *Rossiyskiy sud'ya*. 8. pp. 4–5.
11. Russian Federation. (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiyskoy Federatsii i kommentariy k nej* [The doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and commentary to it]. Moscow: Yurlitinform.
12. Khaydarov, A.A. (2013) Protsessual'nye osobennosti proizvodstva doprosa poterpevshego v khode sudebnogo sledstviya [Procedure of interrogation of the victim during the trial]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 13. pp. 97–103.
13. The Archive of the Central District Court of Orenburg (Orenburg Region). (2022a) *Ugolovnoe delo № 1-108/2022 po obvineniyu S.Yu.B. v sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 318 UK RF* [Criminal Case No. 1-108/2022 on charges against S.Yu.B. of committing a crime under Part 1 of Art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation].
14. The Archive of the Dzerzhinsky District Court of Orenburg (Orenburg Region). (2022a) *Ugolovnoe delo № 1-218/2022 po obvineniyu B.O.S v sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 112 UK RF* [Criminal Case No. 1-218/2022 on charges of B.O.S. in committing a crime under Part 1 of Article 112 of the Criminal Code of the Russian Federation].
15. The Archive of the Dzerzhinsky District Court of Orenburg (Orenburg Region). (2022b) *Ugolovnoe delo № 1-189/2022 po obvineniyu A.S.B v sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo ch. 2 st. 318 UK RF* [Criminal Case No. 1-189/2022 on charges of A.S.B. in committing a crime under Part 2 of Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation].
16. The Archive of the Central District Court of Orenburg (Orenburg Region). (2022b) *Ugolovnoe delo № 1-99/2022 po obvineniyu V.V.B v sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 164 UK RF* [Criminal Case No. 1-99/2022 on charges of V.V.B. in committing a crime under Part 1 of Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation].

Информация об авторе:

Васильев А.Г. – Башкирская республиканская коллегия адвокатов (филиал) (Оренбург, Россия). E-mail: Vasilevs-rex@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.G. Vasiliev, Bashkir Republican Bar Association (branch) (Orenburg, Russian Federation). E-mail: Vasilevs-rex@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

Научная статья
УДК 343.122

doi: 10.17223/23088451/24/11

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КАЧЕСТВЕ ПОТЕРПЕВШИХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ольга Сергеевна Головачук¹, Виктория Святославовна Раменская²

^{1, 2} Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
¹ persival@mail.ru

Аннотация. Действующий УПК РФ предусмотрел возможность признания юридического лица потерпевшим по уголовному делу. Данная новелла повлекла за собой возникновение ряда проблем в правоприменильной практике, которые до настоящего времени не решены на законодательном уровне (представительство интересов таких потерпевших; получение и оформление их показаний; порядок правопреемства при реорганизации др.). Авторы статьи предлагают свой вариант решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: юридическое лицо, потерпевший, представитель, реорганизация, правопреемство

Для цитирования: Головачук О.С., Раменская В.С. Актуальные проблемы участия юридических лиц в качестве потерпевших в российском уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 67–71. doi: 10.17223/23088451/24/11

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/11

CURRENT ISSUES OF PARTICIPATION OF LEGAL ENTITIES AS VICTIMS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga S. Golovachuk¹, Viktoriya S. Ramenskaya²

^{1, 2} V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
¹ persival@mail.ru

Abstract. The change of the economic formation and the proclaimed entrepreneurial freedom in the new Russia raised the problem of participation of both individuals and organizations in criminal proceedings in cases when their rights and legitimate interests have been violated by a committed or prepared crime. The authors conclude that it is necessary to clarify the legally established list of subjects who can represent civil plaintiffs – natural and legal entities. In addition, only the organization represented by its sole governing body can have the legal status of the victim in criminal proceedings. The authors consider it possible to transfer the rights of the victim in the event of reorganization of a legal entity, which should be enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: legal entity, victim, representative, reorganization, succession

For citation: Golovachuk, O.S. & Ramenskaya, V.S. (2024) Current issues of participation of legal entities as victims in Russian criminal proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 67–71. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/11

Уголовный процесс традиционно ориентирован на участие в нем физических лиц. Тем не менее юридические лица в ряде случаев также выступают в качестве полноправных субъектов уголовного судопроизводства.

Изучив историю вопроса, можно сделать вывод, что организации относительно недавно получили такую возможность в России. Так, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. впервые закрепил право подачи гражданского иска в уголовном процессе и допустил применение при этом норм Устава гражданского судопроизводства, что позволило «обществам» и другим коллективным субъектам занять свою нишу в системе участников уголовного процесса. Иск мог быть подан не только

к физическому лицу, но и к объединениям людей. Сам термин «юридическое лицо» легальное определение получил позднее – в 1906 г. [1. С. 33]. С тех пор «частные или публичные коллективные организации, искусственно созданные на основе соответствующих уставов и правил, вовлекались в уголовное судопроизводство как его участники – поручители, залогодатели, гражданские истцы и иные лица (прообраз гражданских ответчиков)» [1. С. 35].

В первых советских уголовно-процессуальных кодексах вопросам участия юридических лиц в уголовном судопроизводстве практически не было уделено внимания.

В УПК РСФСР 1922 г. упоминается только об участии учреждений и организаций в качестве гражданских истцов, представителями которых могут быть «особо командированные ими лица соответствующим образом на то уполномоченные». Пришедший ему на смену УПК РСФСР 1923 г. содержал аналогичные правила.

УПК РСФСР 1960 г. сохранил тот же принципиальный подход, наделив в ч. 1 ст. 53 правом быть потерпевшим только физическое лицо. Юридическое лицо в случае причинения ему преступлением материального ущерба могло быть признано гражданским истцом.

В отличие от своего предшественника УПК РФ закрепил возможность признания юридического лица не только гражданским истцом, но и потерпевшим в случае причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации.

И хотя действующий кодекс вступил в силу уже более 20 лет назад, решение законодателя наделить юридическое лицо процессуальным статусом потерпевшего по-прежнему оценивается учеными-процессуалистами неоднозначно. Есть те, кто рассматривает данную новеллу исключительно как положительную (например, И.В. Мисник [2. С. 40]), в то же время другие процессуалисты видят массу проблем, которые породило это решение, в силу чего они более осторожны в своих оценках (например, Е.Е. Кондратьев [3. С. 50]).

Как было отмечено ранее, УПК РФ действует уже 23 года. Это достаточный срок для того, чтобы оценить результаты нового подхода в решении вопроса о том, кто может быть признан потерпевшим в уголовном процессе.

Какие можно выделить положительные моменты для юридического лица, которое пострадало от преступления и признано потерпевшим, в сравнении с ситуацией, когда оно могло претендовать только на процессуальный статус гражданского истца? Прежде всего, более широкий круг процессуальных прав, наличие которых позволяет оказывать реальное воздействие на ход производства по делу. Среди них можно назвать такие, как право знать о предъявленном обвинении; участвовать в производстве следственных действий и знакомиться с их протоколами; получать копии процессуальных решений (о возбуждении уголовного дела, о признании потерпевшим, о приостановлении и прекращении производства по делу и др.); знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, а также обжаловать приговор или иное решение суда.

Но юридическое лицо самостоятельно не может осуществлять перечисленные права. Как известно, любое юридическое лицо является юридической фикцией, т.е. условным, абстрактным понятием, существующим только в сознании людей, нормативных правовых актах и право-применительной практике, и служащим исключительно для удобства понимания, оформления правоотношений с объединениями граждан и имущества. Реальными субъектами правоотношений, в том числе уголовно-процессуальных, всегда были и остаются физические лица.

Таким образом, юридическое лицо, признанное потерпевшим, может осуществлять предоставленные ему

законом права только с помощью представителя. Об этом прямо сказано в ч. 9 ст. 42 УПК РФ: «В случае признания потерпевшим юридического лица его права осуществляют представитель». Ответ же на вопрос о том, кто может быть представителем, содержится в ст. 45 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 указанной статьи представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. Данная норма сформулирована без учета того обстоятельства, что потерпевшим также может быть признано юридическое лицо. Поэтому она и содержит упоминание о том, что представителями могут быть иные лица (например, руководитель организации), только применительно к гражданским истцам, в качестве которых юридические лица достаточно давно фигурируют в отечественном уголовном процессе. При этом в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (в редакции от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» прямо говорится о представлении интересов юридических лиц-потерпевших их руководителями либо иными лицами, чьи полномочия подтверждены надлежащим образом оформленной доверенностью.

Таким образом, первое предложение ч. 1 ст. 45 УПК РФ следовало бы изложить в следующей редакции: «Представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца или потерпевшего, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять его интересы».

Но изменение редакции ст. 45 УПК РФ не решит полностью существующих проблем.

Следует согласиться с О.В. Айвазовой, что в качестве приоритетного должно выступать представление интересов юридического лица, признанного потерпевшим, его руководителем или иным субъектом (работник организаций), в полной мере владеющим информацией о самом юридическом лице, о его деятельности, а также об обстоятельствах преступного посягательства, которое уполномочено на это доверенностью, выданной руководителем. Участие же адвоката в качестве представителя следует рассматривать как факультативное: захочет орган управления юридического лица его привлечь или нет, чтобы получить квалифицированную помощь именно от специалиста в сфере уголовного судопроизводства [4. С. 54].

Кроме того, одно из определяющих прав потерпевшего (одновременно и его обязанность) – это дача показаний, когда он сообщает информацию, которая ему известна, об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Если юридическое лицо будет представлять приглашенный на договорной основе адвокат, то возникает вопрос: как он сможет реализовать указанное право и выполнить обязанность?

В таком случае речь будет идти о сведениях из так называемых вторых рук, что потребует установления источника информации и последующего его допроса. Вследствие этого достаточно часто на практике руководителей юридических лиц допрашивают в качестве свидетелей. Но даже если руководитель юридического лица самостоятельно осуществляет представительство его интересов в рамках производства по уголовному делу и дает показания, то необходимо их правильно процессуально оформить. Показания представителя юридического лица? Однако если мы обратимся к ч. 2 ст. 74 УПК РФ, то там отсутствует такой вид доказательств. Как справедливо отмечают А.В. Варданян и К.В. Акопов, «опосредованные показания (от имени других лиц) в отечественном законодательстве не предусмотрены» [5. С. 132]. На практике показания, полученные от представителя юридического лица, призванного потерпевшим, именуются по-разному: показания потерпевшего, показания свидетеля или показания представителя потерпевшего [4. С. 55]. Такая ситуация является следствием того, что законодатель не учел особенностей получения показаний от субъектов, представляющих интересы юридических лиц. При этом ни один из перечисленных вариантов преодоления практическими работниками законодательного пробела, на наш взгляд, не может быть признан оптимальным.

Для решения обозначенной проблемы, по нашему мнению, следует обратиться к ГПК РФ, так как юридические лица традиционно выступают в гражданском судопроизводстве полноправными участниками (истцами и ответчиками). В части 2 ст. 48 ГПК РФ сказано: «Дела организаций ведут в суде их органы, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральным законом, иными правовыми актами или учредительными документами, либо представители». Из текста данной нормы видно, что приоритет в данном случае принадлежит именно органам управления юридических лиц, иное представительство носит вторичный характер. В связи с чем предлагаем в постановлении о признании потерпевшим юридического лица использовать следующую формулировку: «...признать потерпевшим (организационно-правовая форма и наименование юридического лица) в лице (единоличный орган управления этого юридического лица), действующего на основании (указание на соответствующий учредительный документ)». Также это может быть иной сотрудник организации, владеющий всей информацией об обстоятельствах уголовного дела и наделенный соответствующими полномочиями на основании доверенности руководителя. Если в отношении организации, признанной потерпевшей по делу, возбуждена процедура банкротства (внешнее управление или конкурсное производство), то в постановлении следует указывать арбитражного управляющего. При этом показания, данные такими лицами, по нашему мнению, необходимо рассматривать непосредственно как показания потерпевшего юридического лица, так как оно, будучи юридической фикцией, не может самостоятельно реализовать свое право на дачу показаний.

Таким образом, предлагаем следующую редакцию ч. 9 ст. 42 УПК РФ: «В случае причинения преступле-

нием вреда имуществу или деловой репутации юридического лица оно признается потерпевшим в лице единоличного органа управления, действующего на основании учредительных документов. Показания, полученные от органа управления при реализации им прав потерпевшего, именуются показаниями потерпевшего». Кроме того, считаем необходимым, чтобы соответствующие разъяснения были даны Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении, посвященном вопросам участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве (в частности, следует обозначить ситуации, когда руководитель в силу объективных причин не может представлять интересы юридического лица: введение внешнего управления или конкурсного производства, а также если он является обвиняемым (подозреваемым) по данному уголовному делу и др.; указать, кто будет выступать от имени юридического лица в таких ситуациях).

Еще одной проблемой для правопримениеля стала неурегулированность в УПК РФ ситуации, связанной с реорганизацией юридического лица, призванного потерпевшим, т.е. вопрос о процессуальном правопреемстве. Действующий уголовно-процессуальный закон (ч. 8 ст. 42) говорит только об одном случае правопреемства применительно к потерпевшему (смерть потерпевшего – физического лица): по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников. Отсутствуют разъяснения по данному вопросу и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (в редакции от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

При этом некоторые ученые-процессуалисты вообще отрицают возможность процессуального правопреемства в случае реорганизации потерпевшего юридического лица. Так, например, А.Д. Прошляков отмечает: «...статус потерпевшего по уголовному делу неотчуждаем, поскольку уголовно-процессуальный закон не признает правопреемства, делегирования или иной передачи прав потерпевшего – юридического лица к другому субъекту» [6. С. 207].

Полагаем, что в связи с существующими экономическими реалиями, когда юридические лица, получившие возможность участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших, в силу различных причин достаточно часто прибегают к процедуре реорганизации, вопрос о процессуальном правопреемстве также должен быть решен в действующем УПК РФ. Следует согласиться с И.А. Ретюнских и А.С. Генераловой, что появление в уголовном процессе юридического лица в качестве потерпевшего требует от законодателя создания эффективного механизма реализации этим участником его прав и выполнения обязанностей [7. С. 40].

В соответствии с ч. 1 ст. 57 ГК РФ реорганизация юридического лица может быть осуществлена в форме слияния, присоединения, разделения, выделения или

преобразования. Также закон допускает сочетание различных форм.

В связи с тем что в гражданском процессе юридические лица наряду с гражданами выступают в качестве полноправных участников (истцы и ответчики), в ГПК РФ вопрос процессуального правопреемства получил законодательное урегулирование. Так, согласно ч. 1 ст. 44 ГПК РФ в случаях выбытия одной из сторон (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и др.) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Такое право-преемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства. Но при решении вопросов в рамках уголовного судопроизводства о возможности правопреемства юридических лиц, имеющих процессуальный статус потерпевших, недопустимо ссылаться на нормы ГПК. Во-первых, в тексте УПК РФ отсутствует указание на возможность руководствоваться нормами иного кодифицированного источника для решения процессуальных вопросов. Во-вторых, гражданский процесс не включает досудебных стадий, поэтому вопрос о процессуальном правопреемстве находится в исключительной компетенции суда. Но при производстве по уголовному делу реорганизация признанного потерпевшим юридического лица может произойти и на стадии предварительного расследования. Получается, что следователь и дознаватель не смогут осуществить замену потерпевшего.

Ученые-процессуалисты, отмечая необходимость наделения органов и должностных лиц, ведущих досудебное производство по делу, правом принятия решения о процессуальном правопреемстве, также не исключают варианта, при котором единственным субъектом, полномочным это делать и в уголовном судопроизводстве, будет суд. Следователи же и дознаватели получат право ходатайствовать перед судом по данному вопросу [8. С. 52].

Таким образом, для решения данной проблемы требуется внести в УПК РФ дополнения, касающиеся процессуального правопреемства юридических лиц, участвующих в деле в качестве потерпевших. В частности, в текст ст. 42 УПК РФ необходимо включить ч. 8.1, определяющую порядок такого правопреемства, указав, что правом принятия соответствующего решения обладают следователь, дознаватель или судья (суд) в зависимости от стадии уголовного судопроизводства. Нормативным основанием принятия такого решения должны стать правила гражданского законодательства, регламентирующие переход прав и законных интересов при реорганизации.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что действующее уголовно-процессуальное законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании, чтобы на практике успешно решалась закрепленная в п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ задача защиты прав и законных интересов организаций, потерпевших от преступлений.

Список источников

1. Иванов В.И. Юридическое лицо как участник отечественного уголовного процесса (вторая половина XIX – начало XX века) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 31–40.
2. Мисник И.В. Участие потерпевших юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 40–43.
3. Кондратьев Е.Е. Новый УПК: защита свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса // Государство и право. 2033. № 8. С. 48–55.
4. Айазова О.В. Вопросы участия в уголовном судопроизводстве представителей потерпевших – юридических лиц // Юрист-Правоведъ. 2022. № 1 (100). С. 53–57.
5. Варданян А.В., Гончаров К.В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и иных организациях // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 130–134.
6. Прошиляков А.Д. О неотчуждаемости статуса потерпевшего – юридического лица по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 206–208.
7. Ретюнских И.А., Генералова А.С. Проблемные аспекты участия юридического лица в качестве потерпевшего в уголовном судопроизводстве при реорганизации и ликвидации юридических лиц // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2000. № 4. С. 39–42.
8. Рогов Н.С. Участие юридических лиц в уголовном процессе в качестве потерпевшего // Евразийская адвокатура. 2016. № 4 (23). С. 50–53.

References

1. Ivanov, V.I. (2021) Yuridicheskoe litso kak uchastnik otechestvennogo ugodovnogo protsessa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [The legal entity as a participant in Russian criminal proceedings (second half of the 19th – early 20th century)]. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiyskому yuridicheskому zhurnalu."* 4. pp. 31–40.
2. Misnik, I.V. (2016) Uchasticie poterpevshikh yuridicheskikh lits ugodovnom sudoproizvodstve [Participation of legal entities as victims in criminal proceedings]. *Vestnik krasnodarskogo universiteta MVD Rossii.* 4 (34). pp. 40–43.
3. Kondratiev, E.E. (2033) Novyy UPK: zashchita svideley, poterpevshikh i drugikh uchastnikov ugodovnogo protsessa [New Criminal Procedure Code: Protection of witnesses, victims and other participants in criminal proceedings]. *Gosudarstvo i pravo.* 8. pp. 48–55.
4. Ayazova, O.V. (2022) Voprosy uchastiya ugodovnom sudoproizvodstve predstaviteley poterpevshikh – yuridicheskikh lits [Participation in criminal proceedings of representatives of victims-legal entities]. *Yurist-Pravoved'*. 1 (100). pp. 53–57.
5. Vardanyan, A.V. & Goncharov, K.V. (2017) Obschie polozheniya doprosa svideley i poterpevshikh po delam o zloupotrebleniakh polnomochiyami litsami, vypolnyayushchimi upravlencheskie funktsii v kommercheskikh i inykh organizatsiyakh [General provisions for the interrogation of witnesses and victims in cases of abuse of authority by persons performing managerial functions in commercial and other organizations]. *Obshchestvo i pravo.* 3 (61). pp. 130–134.
6. Proshlyakov, A.D. (2009) O neotchuzhdaemosti statusa poterpevshego – yuridicheskogo litsa po ugodovnomu delu [On the inalienability of the status of a legal entity victim in a criminal case]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal.* 5. pp. 206–208.
7. Retyunskikh, I.A. & Generalova, A.S. (2000) Problemye aspekti uchastiya yuridicheskogo litsa v kachestve poterpevshego v ugodovnom sudoproizvodstve pri reorganizatsii i likvidatsii yuridicheskikh lits [Problematic aspects of participation of a legal entity as a victim in criminal proceedings during reorganization and liquidation of legal entities]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* 4. pp. 39–42.
8. Rogov, N.S. (2016) Uchasticie yuridicheskikh lits ugodovnom protsesse v kachestve poterpevshego [Participation of legal entities as victims in criminal proceedings]. *Evrasiyskaya advokatura.* 4 (23). pp. 50–53.

Информация об авторах:

Головачук О.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Да-выдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: persival@mail.ru

Раменская В.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Да-выдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.S. Golovachuk, Cand. Sci. (Law), associate professor of the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure of the V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: persival@mail.ru

V.S. Ramenskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor of the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure of the V.F. Yakovlev Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation).

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/24/12

ПРАВА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОБЕСПЕЧЕНИЕ VS ОГРАНИЧЕНИЕ?

Егор Викторович Качалов¹

¹ Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, kachalov.eg@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, определяются элементы системы обеспечения прав. На основании полученных результатов автор приходит к выводу о том, что ограничение прав участников уголовного судопроизводства является частью системы их обеспечения.

Ключевые слова: ограничение прав участников уголовного судопроизводства, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Качалов Е.В. Права участников уголовного судопроизводства: обеспечение vs ограничение? // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 72–75. doi: 10.17223/23088451/24/12

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/12

RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROVISION VS RESTRICTION?

Egor V. Kachalov¹

¹ Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, kachalov.eg@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the provision of rights of participants in criminal proceedings and defines the elements of the provision system. The author believes that the main elements of the system that ensures the rights of participants in criminal proceedings are a legal person, an object, subject-matter, content, as well as methods of ensuring rights and obligations, and guarantees. The author concludes that the restriction of the rights of participants in criminal proceedings is part of the system of their curtailment, since in its content it actually represents a means of promoting the security of rights from violation, and can well be considered as a type of procedural guarantee.

Keywords: restriction of rights of participants in criminal proceedings, securing the rights of participants in criminal proceedings, criminal proceedings

For citation: Kachalov, E.V. (2024) Rights of participants in criminal proceedings: Provision vs. restriction? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 24. pp. 72–75. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/12

Признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью, возложение их соблюдения и защиты на государство и его полномочные органы (ст. 2 Конституции РФ) ставит на повестку дня вопрос о надлежащем обеспечении этих прав в различных сферах правового регулирования, в том числе и в уголовном судопроизводстве.

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства непосредственно связано с такими понятиями, как защита и охрана прав личности. Охрана и защита прав участников уголовного судопроизводства предполагают ограждение их от возможных нарушений. При этом понятие «обеспечение прав участников уголовного судопроизводства» является более широкой категорией. Сущностью обеспечения прав участников уголовного судопроизводства является, на наш взгляд, создание государством в установленном законе порядке реальных возможностей для реализации права и свобод личности, определение эффективных механизмов, позволяющих, с одной стороны, воспользоваться

своими правами участникам уголовного судопроизводства, а с другой – властно уполномоченным участникам уголовного процесса эти права обеспечить.

Целью обеспечения прав является создание условий для возможного отстаивания своих интересов, реализация гарантий прав участников процесса, а также восстановление нарушенных прав и свобод.

С точки зрения теории права обеспечение прав личности в уголовном процессе – институт уголовно-процессуального права, представляющий собой совокупность юридических норм, регулирующих правоотношения, возникающие в процессе обеспечения, реализации и защиты этих прав. В процессе обеспечения прав участников уголовного судопроизводства возникают специфические уголовно-процессуальные правоотношения, предметом которых является охрана жизненных ценностей и интересов участников процесса. Специфика правоотношений по обеспечению прав личности в уголовном судопроизводстве заключается в том, что государственные органы и должностные лица, ответственные за

производство по делу, обязаны создавать все условия для реализации прав и свобод личности, разъяснять участникам процесса их права и обязанности и обеспечивать возможность их использования, однако фактическое осуществление гражданами процессуальных прав зависит от их личного усмотрения [1. С. 16].

Основными элементами системы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, на наш взгляд, являются субъекты, объекты, предмет, содержание, а также способы обеспечения прав и обязанностей, гарантии. Субъектами обеспечения прав участников уголовного судопроизводства являются те лица или государственные органы, чья деятельность прямо или косвенно направлена на создание условий для реализации указанных прав. Это могут быть как государственные органы (суд, прокурор и т.д.), так и не властные участники уголовного судопроизводства (защитники, представители и т.д.).

Объектом обеспечения прав участников уголовного судопроизводства является создание надлежащих условий для их реализации, предметом обеспечения прав, в свою очередь, – сами права. К примеру, предметом обеспечения права на справедливое судебное разбирательство является в том числе право подсудимого задавать вопросы свидетелям. Объектом в данной ситуации будет выступать создание судом реальной возможности реализовать это право.

Содержание системы обеспечения прав и обязанностей прав участников уголовного судопроизводства составляют взаимообусловленные права и обязанности субъектов, а также процессуальная форма уголовного судопроизводства, в рамках которой эти права и обязанности реализуются. Общей обязанностью всех участников является соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства, тогда как у каждого субъекта обязанности различаются в зависимости от выполняемых ими функций. Так, например, у государственного обвинителя имеется обязанность поддерживать государственное обвинение в суде, а у защитника – осуществлять защиту подсудимого. При этом у субъектов обеспечения прав помимо соответствующих обязанностей также могут возникать права, которые непосредственно влияют на интересы других участников уголовного судопроизводства. Например, у государственного обвинителя есть право отказаться от предъявленного обвинения в случае, если он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение (ст. 246 УПК РФ).

Об особом значении обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства для достижения целей уголовного судопроизводства неоднократно отмечалось в юридической литературе [2. С. 15].

Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства осуществляется в установленном законом порядке, а именно в рамках уголовно-процессуальной формы, которая детализирует процесс реализации прав и обязанностей субъектов, устанавливает механизм их осуществления, предоставляет средства и способы защиты и восстановления нарушенных прав. Под процессуальной формой (процедурой) принято понимать поряд-

ок производства по уголовному делу в целом или отдельных его процессуальных действий [3. С. 16]. В рамках уголовно-процессуальной формы предусматриваются различные способы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, которые представляют собой совокупность и порядок действий, осуществляемых субъектами уголовно-процессуальной деятельности, направленных на реализацию прав участников процесса. К числу важнейших способов обеспечения участников уголовного судопроизводства, на наш взгляд, можно отнести разъяснение прав властно уполномоченными участниками процесса, обеспечение участия защитника и представителей в уголовном деле, удовлетворение ходатайств и т.д.

Важное место в уголовном судопроизводстве занимает система гарантий, обеспечивающих охрану и защиту прав и интересов участников уголовного судопроизводства. Понятие процессуальных гарантий авторы трактовали по-разному, наделяя его различными смыслами и содержанием. Так, Н.Н. Полянский видел в качестве гарантий средства предупреждения необоснованного осуждения и наказания невиновных [4. С. 3]. С.А. Александров определял процессуальные гарантии как совокупность уголовно-процессуальных норм в единстве с деятельностью по претворению их в жизнь [5. С. 53]. М.С. Строгович рассматривал гарантии как «установленные законом средства и способы, при помощи которых граждане имеют реальную возможность полно и беспрепятственно использовать свои права, защищать свои законные интересы, а также установленные законом положения, которые обязывают соответствующие органы и должностных лиц берегать права граждан от посягательств, разъяснять гражданам их права, создавать условия, благоприятные для осуществления этих прав» [6. С. 127]. В качестве средств и способов обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства гарантии также рассматривались в трудах А.С. Кобликова [7. С. 26], В.А. Стремовского [8. С. 28], Т.Н. Добровольской [9. С. 130], В.И. Качалова [10. С. 88] и др.

К числу уголовно-процессуальных гарантий традиционно относят уголовно-процессуальную форму [11. С. 4; 12. С. 47], обязанности должностных лиц, ответственных за производство по уголовному делу [13. С. 13], обеспечивающие возможность осуществления прав, участие защитника и представителей [14. С. 3], институт обжалования в уголовном судопроизводстве и др. Анализ норм уголовно-процессуального закона, которые направлены на надлежащее обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, приводит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что одной из гарантий обеспечения прав участников уголовного судопроизводства является уголовно-процессуальный институт ограничения прав участников уголовного судопроизводства.

В ряде случаев беспрепятственное осуществление своих прав и свобод одними участниками уголовного судопроизводства может вступить в противоречие с интересами других лиц, общества, государства. Для таких ситуаций уголовно-процессуальное законодательство

предусматривает возможность ограничения прав участников процесса путем создания условий, порядка, оснований, пределов такого ограничения. Эти ограничения не имеют карательной направленности, применяются исключительно в обеспечительных целях [15. С. 66]. Именно создание определенных рамок, в которых действуют ограничения прав участников уголовного судопроизводства, не позволяют нарушать их и произвольно ограничивать, что содействует непосредственному обеспечению и охране прав от необоснованного ограничения. Установление четких правил и границ для ограничения прав способствует тому, что эти права не могут быть произвольно нарушены, что в целом способствует обеспечению прав личности.

Для более наглядного доказательства, что ограничение прав является частью системы их обеспечения, необходимо привести несколько примеров.

Так, например, право на личную неприкосновенность, предусмотренное ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, может быть ограничено при производстве личного обыска, предусмотренного ст. 184 УПК РФ. При этом положения ст. 184 УПК РФ закрепляют основания производства личного обыска, его цели, порядок производства. Данное процессуальное действие имеет свои пределы, границы, определенные уголовно-процессуальным законом, сформировавшейся практикой его применения, нарушение которых будет расцениваться как неправомерное ограничение права на личную неприкосновенность (например, производство личного обыска подозреваемого в совершении преступления одного пола сотрудником полиции другого пола [16]). Признание неправомерности ограничения права на личную неприкосновенность судом, незаконности данного процессуального действия, по сути, способствует восстановлению права на личную неприкосновенность.

Согласно вышеуказанной статье Конституции РФ, каждый имеет право на свободу. При этом право на свободу может быть ограничено, например, путем избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Ограничение права на свободу имеет свои цели, основания и

пределы, закрепленные в том числе в ст. 108 УПК РФ, разъясненные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ [17]. Это не позволяет суду необоснованно, неправомерно ограничивать право на свободу. Наличие пределов ограничения права на свободу позволяет обеспечивать данное право, в том числе путем обжалования судебного решения [18. С. 39].

Наряду с фундаментальными конституционными правами ограничения могут накладываться и на процессуальные права. Например, суд в порядке, предусмотренным ст. 258 УПК РФ, может ограничить лицо вправе непосредственного участия в судебном заседании. Однако у данного ограничения также есть свои цели, основания, пределы. Как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ, принимая решение об удалении подсудимого, суд обязан указать фактические обстоятельства допущенных подсудимым нарушений порядка в ходе судебного заседания, неподчинения распоряжениям председательствующего и привести достаточные аргументы в обоснование вывода о необходимости удаления [19]. Таким образом, данное ограничение также не может быть произвольным, что в свою очередь обеспечивает право непосредственного участия в судебном заседании участнику уголовного судопроизводства.

Это означает, что ограничение прав участников уголовного судопроизводства не может рассматриваться в качестве антагониста обеспечения их прав, по своему содержанию фактически представляет средство, способствующее охране прав от нарушения, и вполне может рассматриваться как разновидность процессуальной гарантии.

Подводя итоги, следует отметить, что ограничение прав по своей сути является частью системы их обеспечения, определяет основания, цели, порядок, условия, границы такого ограничения. Ограничение прав участников уголовного судопроизводства в данной ситуации определяет «красные» линии, устанавливающие степень должного действия при обеспечении прав и допустимого при их ограничении.

Список источников

1. Качалова О.В. Охрана конституционных прав обвиняемого на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 28 с.
2. Андреева О.И., Рукавишникова А.А., Герцен П.О. Обеспечение прав умершего лица, пострадавшего от совершения преступления, уголовно-процессуальными средствами // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1 (39). С. 14–24.
3. Строгович М.С. Природа советского уголовно-процессуального права и его характерные черты // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. 251 с.
4. Полянский Н.Н. Судьба процессуальных гарантит личной свободы во Франции. М. : Изд-во АН СССР, 1946. 99 с.
5. Александров С.А. Содержание, система и развитие уголовно-процессуальных гарантит // Вопросы криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Труды Горьковской высшей школы МВД. Вып. 2. Горький, 1974. 104 с.
6. Строгович М.С. Сущность процессуальных гарантит // Избранные труды : в 3 т. Т. 2. М., 1992. 278 с.
7. Кобликов А.С. Судебная власть и процессуальные гарантиты // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 26–27.
8. Стремовский В.А. Участники предварительного следствия. Ростов, 1966. 260 с.
9. Добропольская Т.Н. Гарантиты прав граждан в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 128–135.
10. Качалов В.И. О процессуальных гарантитах прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2019. № 9. С. 86–93.
11. Мартынчик Е.Г. Гарантиты прав обвиняемого в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. 22 с.
12. Каминская В.И. В чем значение уголовно-процессуальных гарантит в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1950. № 5. С. 46–56.
13. Кротова Л.А. Процессуальные гарантиты достижения задач уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1982. 26 с.
14. Лукашевич В.З. Гарантиты прав обвиняемого в стадиях предварительного расследования и предания суду : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1967. 32 с.
15. Качалов Е.В. Ограничение прав участников уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2023. № 12. С. 65–69.

16. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 26.01.2017 по делу № 22-141/2017 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.09.2024).
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. Февраль.
18. Качалова О.В. Действие принципа неприкосновенности личности при применении заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 38–42.
19. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 29-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.09.2024).

References

1. Kachalova, O.V. (1999) *Okhrana konstitutsionnykh prav obvinyaemogo na predvaritel'nom sledstvi* [Protection of the constitutional rights of the accused during the preliminary investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Andreeva, O.I., Rukavishnikova, A.A. & Gertsen, P.O. (2023) *Obespechenie prav umershego litsa, postradavshego ot soversheniya prestupleniya, ugolovno-protsessual'nymi sredstvami* [Ensuring the rights of a deceased person who suffered from the commission of a crime by criminal procedural means]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 1 (39). pp. 14–24.
3. Strogovich, M.S. (1979) *Priroda sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava i ego kharakternye cherty* [The nature of Soviet criminal procedural law and its characteristic features]. In: Savitskiy, V.M. (ed.) *Sovetskiy ugolovno-protsessual'nyy zakon i problemy ego effektivnosti* [Soviet criminal procedural law and problems of its effectiveness]. Moscow: Nauka.
4. Polyaniskiy, N.N. (1946) *Sud'ba protsessual'nykh garantii lichnoy svobody vo Frantsii* [The fate of procedural guarantees of individual freedom in France]. Moscow: USSR AS.
5. Aleksandrov, S.A. (1974) *Soderzhanie, sistema i razvitiye ugolovno-protsessual'nykh garantii* [Content, system and development of criminal procedural guarantees]. In: *Voprosy kriminologii, ugolovnogo prava i ugolovnogo protsessa. Trudy Gor'kovskoy vysshey shkoly MVD* [Issues of criminology, criminal law and criminal procedure. Works of the Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. 2. Gorkiy: [s.n.]
6. Strogovich, M.S. (1992) *Izbrannye trudy: v 3 t.* [The essence of procedural guarantees]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
7. Koblikov, A.S. (1991) *Sudebnaya vlast' i protsessual'nye garantii* [Judicial authority and procedural guarantees]. *Vestnik Verkhovnogo Suda SSSR*. 8. pp. 26–27.
8. Stremovskiy, V.A. (1966) *Uchastniki predvaritel'nogo sledstviya* [Participants in the preliminary investigation]. Rostov: RSU.
9. Dobrovolskaya, T.N. (1980) *Garantii prav grazhdan v ugolovnom sudoproizvodstve* [Guarantees of the rights of citizens in criminal proceedings]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 128–135.
10. Kachalov, V.I. (2019) *O protsessual'nykh garantiyakh prav obvinyaemogo v ugolovnom sudoproizvodstve* [On procedural guarantees of the rights of the accused in criminal proceedings]. *Rossiyskoe pravosudie*. 9. pp. 86–93.
11. Martynchik, E.G. (1968) *Garantii prav obvinyaemogo v sovetskem ugolovnom protsesse* [Guarantees of the rights of the accused in Soviet criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
12. Kaminskaya, V.I. (1950) *V chem znachenie ugolovno-protsessual'nykh garantii v sovetskom ugolovnom protsesse* [What is the significance of criminal procedural guarantees in Soviet criminal proceedings]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 46–56.
13. Krotova, L.A. (1982) *Protsessual'nye garantii dostizheniya zadach ugolovnogo sudoproizvodstva* [Procedural guarantees for achieving the objectives of criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
14. Lukashевич, V.Z. (1967) *Garantii prav obvinyaemogo v stadiyakh predvaritel'nogo rassledovaniya i predaniya sudu* [Guarantees of the rights of the accused at the stages of preliminary investigation and trial]. Abstract of Law Dr. Diss. Leningrad.
15. Kachalov, E.V. (2023) *Ogranichenie prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [Restriction of the rights of participants in criminal proceedings]. *Ugolovnyy protsess*. 12. pp. 65–69.
16. Russian Federation. (2017) *Apellyatsionnoe opredelenie Stavropol'skogo kraevogo suda ot 26.01.2017 po delu № 22-141/2017* [Appellate ruling of the Stavropol Regional Court dated January 26, 2017, in Case No. 22-141/2017]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 15.09.2024).
17. The Supreme Court of the Russian Federation. (2014) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 19.12.2013 № 41 "O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta, zaloga i zapreta opredelennykh deystviy" [Resolution No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013, "On the practice of applying the legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions by the courts"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2. February.
18. Kachalova, O.V. (2019) *Deystvie printsipa neprikosnovennosti lichnosti pri primenenii zaklyucheniya pod strazhu, domashnogo aresta i zapreta opredelennykh deystviy v ugolovnom sudoproizvodstve* [The effect of the principle of inviolability of the person when applying detention, house arrest, and prohibition of certain actions in criminal proceedings]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 3. pp. 38–42.
19. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2019) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29.01.2019 № 29-О* [Definition No. 29-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 29, 2019]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 15.09.2024).

Информация об авторе:

Качалов Е.В. – соискатель кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российской государственной университета правосудия (Москва, Россия). E-mail: kachalov.eg@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Kachalov, non-degree applicant of the N.V. Radutnaya Department of Criminal Procedure Law of the Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: kachalov.eg@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОСТРАДАВШЕГО (ЗАЯВИТЕЛЯ) И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
НА ДОСТУП К МАТЕРИАЛАМ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ)****Анастасия Анатольевна Рукавишникова¹, Андрей Александрович Плашевский²**¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия¹ *satsana@yandex.ru*² *crim.just@mail.ru*

Аннотация. УПК РФ не регламентирует права пострадавшего в стадии возбуждения уголовного дела. Процессуальный статус пострадавшего в стадии возбуждения уголовного дела сформирован во многом благодаря системе решений Конституционного Суда РФ. В статье рассматриваются такие права пострадавшего, как право иметь представителя, получать необходимые сведения и процессуальные документы и на этапе проверки сообщения о преступлении, в том числе для последующей реализации права на обжалование отказа в возбуждении уголовного дела. На основе анализа норм процессуального закона, решений Конституционного Суда РФ, теории и практики правоприменения делается вывод о том, что до получения пострадавшим процессуально оформленного статуса потерпевшего реализация им своих прав затруднительна ввиду отсутствия ясного и доступного механизма реализации и отсутствия корреспондирующих этим правам обязанностей соответствующих должностных лиц. Особое значение отсутствие гарантированности прав пострадавшего проявляется тогда, когда отказ в предоставлении сведений в стадии возбуждения уголовного дела мотивируется применением публичной конструкции «сведения, составляющие государственную тайну».

Ключевые слова: назначение уголовного процесса, права пострадавшего (заявителя) от преступления, стадия возбуждения уголовного дела, материалы проверки сообщения о преступлении

Источник финансирования: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

Для цитирования: Рукавишникова А.А., Плашевский А.А. Обеспечение права пострадавшего (заявителя) и его представителя на доступ к материалам проверки сообщения о преступлении (на основе анализа решений Конституционного Суда РФ) // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 76–83. doi: 10.17223/23088451/24/13

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/13

**ENSURING THE RIGHT OF THE VICTIM (INFORMER) AND THEIR REPRESENTATIVE
TO ACCESS CRIME REPORT VERIFICATION MATERIALS
(BASED ON THE ANALYSIS OF DECISIONS OF THE RF CONSTITUTIONAL COURT)****Anastasia A. Rukavishnikova¹, Andrey A. Plashevskiy²**¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation¹ *satsana@yandex.ru*² *crim.just@mail.ru*

Abstract. The purpose of the criminal procedure is to protect the rights and legitimate interests of persons who have suffered from crimes. At the same time, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not regulate the rights of the victim at the stage of initiating a criminal case. The procedural status of the victim at the stage of initiating a criminal case is formed largely due to the system of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which confirmed the existence of such rights of the victim as the right to have a representative and the right to receive the necessary information and procedural documents, including for the subsequent implementation of the right to appeal the refusal to initiate a criminal case. Based on the analysis of the norms of the procedural law, decisions of the RF Constitutional Court, the theory and practice of law enforcement, it is concluded that until the victim receives the procedurally formalized status of a victim, the implementation of their rights is difficult due to the lack of a clear and accessible mechanism for implementation and the absence of corresponding duties of the relevant officials. The lack of guarantees of the rights of the victim is especially significant when the refusal to provide information at the stage of initiating a criminal case is justified and motivated by officials using the public construct "information constituting a state secret". In order to ensure the purpose of the criminal procedure and its social focus, it is necessary to enshrine in the procedural law a guaranteed mechanism for implementing the rights of the victim at the stage of initiating a criminal case.

Keywords: purpose of criminal procedure, rights of victim (informer) of crime, initiation of criminal case, crime report verification materials

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

For citation: Rukavishnikova, A.A. & Plashevskiy, A.A. (2024) Ensuring the right of the victim (informer) and their representative to access crime report verification materials (based on the analysis of decisions of the RF Constitutional Court). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 24. pp. 76–83. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/13

В Конституции РФ в ст. 52 закреплено, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. В соответствии с ч. 1 ст. 6 УПК РФ защита прав и законных интересов лиц от организаций, потерпевших от преступлений, является одним из назначений уголовного судопроизводства, определяющим сущность и направление уголовно-процессуальной деятельности. УПК РФ (ст. 42) ориентирует на незамедлительное признание лица статуса потерпевшего, с тем, чтобы он мог в полной мере использовать весь объем процессуальных прав, реализуя свой частный интерес в уголовном процессе, и смог восстановить права, нарушенные совершенным преступлением, средствами уголовного процесса.

Конституционный Суд РФ неоднократно в своих решениях отмечал, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им, поскольку обеспечение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав [1].

Вместе с тем, как показывает анализ изученной практики (в том числе решений, принятых судом в порядке ст. 125 УПК РФ, предметом которых стали действия (бездействия) и решения должностных лиц, ведущих уголовный процесс, направленные на отказ в предоставлении пострадавшему тех или иных прав), часто добиться пострадавшему предоставления возможности и условий для реализации своих процессуальных прав на первой стадии уголовного процесса до признания ему статуса потерпевшего затруднительно. Это связано как с отсутствием формально-определенного в УПК РФ процессуального статуса пострадавшего, так и понятного механизма реализации этих прав, которым корреспондировала бы обязанность должностных лиц, ведущих уголовный процесс.

При проведении исследования мы исходили из того, что необходимо понимать соотношение понятий и статусов заявитель о преступлении в порядке ст. 141 УПК РФ (лицо, подавшее заявление) и пострадавший (как будущий потерпевший, статус которого будет окончательно определен постановлением о признании потерпевшим

или не будет – тогда это станет возможным поводом для обращения лица, которое считает себя пострадавшим от преступления, в суд в порядке ст. 125 УПК РФ).

Заявитель впоследствии может быть признан потерпевшим (в случае, если он обладает всеми необходимыми для этого признаками, предусмотренными ст. 42 УПК РФ), а может быть абсолютно на законных основаниях не признан таковым, если заявление о совершении преступления подает лицо, которое непосредственно не является пострадавшим от преступления (например, родственник, очевидец). В силу ч. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №17 от 20.06.2010 г. «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» исходя из того что потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), все иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу процессуальными возможностями по их защите не наделяются. Защита прав и законных интересов таких лиц осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступления [2]. В этом случае впоследствии статус заявителя о преступлении не трансформируется в статус потерпевшего, но может трансформироваться, например, в статус свидетеля.

При анализе заявленной проблемы мы исходили из ситуации, когда заявитель и есть действительный пострадавший от преступления. Кроме того, необходимо учитывать, что потерпевшими в случае возбуждения уголовного дела могут быть признаны близкие родственники или близкие лица в силу ч. 8 ст. 42 УПК РФ, которые в решениях Конституционного Суда РФ на этапе проверки сообщения о преступлении рассматриваются как «лицо, которое имеет законный интерес в участии в производстве по уголовному делу вследствие смерти близкого родственника».

Из системного анализа норм УПК РФ (ст. 125, 141, 144, 145) пострадавший от преступления в стадии возбуждения уголовного дела обладает следующим объемом прав: подать заявление о совершенном преступлении в устной или письменной форме; получить документ, подтверждающий принятие заявление, обжаловать отказ в принятии заявления; получить разъяснение о своих правах и обязанностях; давать объяснения; пользоваться ст. 51 Конституции РФ; пользоваться услугами адвоката; получать информацию о решении, принятом по итогам проверки сообщения о преступлении; обжаловать решения, принятые в порядке ст. 145 УПК РФ.

Эти права определены в УПК РФ и для заявителя, и для лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщений о преступлении. Так как в статье анализируется статус пострадавшего в случае, когда он является и заявителем, то в равной мере этими правами обладает и пострадавший. Вместе с тем вопрос о том, существует ли разграничение системы процессуальных прав, принадлежащих пострадавшему как заявителю и пострадавшему как потенциальному потерпевшему в стадии возбуждения уголовного дела или они сливаются под общей конструкцией прав лиц, которые пострадали от совершения преступления, остается открытым.

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно указывал, что интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда, – они в значительной степени связаны с разрешением вопросов о доказанности и объеме обвинения, применении уголовного закона и назначении наказания, тем более что во многих случаях от решения этих вопросов зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда, что предполагает предоставление потерпевшему адекватных процессуальных возможностей для их отстаивания [3]. При реализации права на обжалование действий и решений, принятых в стадии возбуждения уголовного дела, в порядке ст. 125 УПК РФ должно быть обеспечено право заявителей довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела не только путем его личного участия в судебном заседании, но и иными способами – путем допуска к участию в судебном заседании его представителя, принятия письменных обращений, предоставления права обжалования принятого судебного решения [4]; такому лицу или его представителю – адвокату – должны быть обеспечены процессуальные гарантii для надлежащей подготовки и изложения своей позиции, а также предоставлены другие правомочия, необходимые для их участия в уголовном судопроизводстве на равноправной основе с органами и должностными лицами, осуществляющими на стадии возбуждения уголовного дела проверку сообщения о предположительно совершенных посягательствах на жизнь, включая возможность ознакомления с процессуальными документами и материалами, содержащими сведения о фактических обстоятельствах (данные о фактах), свидетельствующих о наличии или отсутствии в деянии признаков преступления [5].

Таким образом, процессуальный статус пострадавшего в стадии возбуждения уголовного дела, его права, способы их реализации, формируется и уточняется во многом благодаря решениям Конституционного Суда РФ. Однако вопросы о возможности пострадавшего (заявителя) представлять свои интересы в стадии возбуждения уголовного дела посредством участия представителя; о том, кто может быть допущен в качестве представителя пострадавшего и о его процессуальном статусе; о наличии у пострадавшего права на получение сведений и копии материалов проверки сообщения о преступлении и об объеме этих сведений, в том числе

для последующей реализации права на обжалование решений, принятых по итогам проверки сообщений о преступлении, в порядке ст. 125 УПК РФ; об обеспеченности реализации этих прав для пострадавшего – заявителя до придания ему статуса потерпевшего и готовности правоохранительных органов реализовывать в своей повседневной деятельности по проверке сообщения о преступлении такой обозначенный Конституционным Судом РФ подход, когда статус потерпевшего должен определяться исходя из фактического положения пострадавшего от преступления и не связываться исключительно с вынесением процессуального акта о признании потерпевшим, – остаются актуальными для уголовно-процессуальной деятельности.

При исследовании разрешения данных вопросов на практике и выявлении сложившихся подходов и тенденций правоприменения было выявлено следующее: органы и должностные лица часто отказывают в допуске представителю пострадавшего на этапе проверки сообщения, ссылаясь на отсутствие такого права – иметь представителю у пострадавшего и данной процессуальной фигуры в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ; органы и должностные лица допускают только адвоката в качестве представителя пострадавшего, так как ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ содержит указание лишь на возможность пользоваться участниками проверки сообщения о преступлении исключительно услугами адвоката; органы и должностные лица отказывают пострадавшему и его представителю в ознакомлении с материалами проверки и снятии копий с них со ссылкой на отсутствие такого права по УПК РФ; органы и должностные лица отказывают только в получении копий материалов проверки, за исключением выдачи решений, принятых в порядке ст. 145 УПК РФ; если в материалах проверки сообщений о преступлении содержится информация, которой присвоен статус «государственная тайна», органы и должностные лица отказывают и в возможности ознакомления с материалами проверки и в получении их копий.

Вопрос о том, вправе ли пострадавший при проверке сообщения о преступлении участвовать и реализовывать свои права посредством участия представителя и кто может выступать в качестве представителя на данном этапе, был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который отметил, что поскольку обеспечение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав, право потерпевшего иметь избранного им самим представителя для оказания помощи в отстаивании своих прав и законных интересов (п. 8 ч. 2 ст. 42 и ст. 45 УПК РФ) не ограничивается никакими условиями и может быть реализовано потерпевшим на любом этапе производства по уголовному делу [6].

Пострадавший и потерпевший, официально признанные постановлением должностных лиц, не могут

находиться в состоянии процессуального неравенства в объеме процессуальных прав только в зависимости от наличия или отсутствия официального признания лица потерпевшим. Наличие же права на судебное обжалование не может быть обусловлено исключительно формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а должно определяться наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права.

Таким образом, Конституционный Суд РФ подтвердил, что пострадавший вправе при проверке сообщения о преступлении воспользоваться правом иметь представителя, в качестве которого может выступать как адвокат, так и иное лицо, о допуске в качестве представителя которого заявлено ходатайство пострадавшим в силу ст. 42 и 45 УПК РФ. Однако остаются сложности с тем, чтобы пострадавшего (до признания его потерпевшим) признали субъектом реализации данного права, особенно в тех случаях, когда он не является заявителем. В равной мере это распространяется на те случаи, когда вопрос о том, кого признавать потерпевшим по уголовному делу, не является однозначным.

Так, например, Конституционный Суд отдельно отметил, что лицо, которое, имея законный интерес в участии в производстве по уголовному делу вследствие смерти близкого родственника, не может быть лишено возможности защитить свои права и законные интересы, затрагиваемые действиями (бездействием) дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в ходе проводимой ими в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ проверки сообщения о преступлении, в том числе путем обжалования в суд постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, на том лишь основании, что на стадии возбуждения уголовного дела не принято процессуальное решение о наделении его статусом потерпевшего [7].

Системный анализ решений Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о том, что все пострадавшие от преступления, а также лица, которые имеют законный интерес в участии в производстве по делу, уже в стадии проверки сообщения о преступлении имеют право на представителя, в качестве которого может выступать и адвокат, и иное лицо, о допуске которого ходатайствуют вышеуперечисленные участники. Органы и должностные лица, ведущие уголовный процесс, на этапе проверки сообщения о преступлении обязаны гарантировать защиту прав как собственно участников уголовного процесса, так и тех, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются при производстве по уголовному делу, в том числе обеспечивать им надлежащие возможности по их отстаиванию на всех стадиях уголовного судопроизводства любыми не запрещенными законом способами.

Как уже отмечалось, УПК РФ не содержит прямое указание на возможность пострадавшего и лиц, имеющих законный интерес в участии в производстве по делу и их представителей знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении, снимать копии с этих

материалов, за исключением указания на право получать информацию о решении, принятом в порядке ст. 145 УПК РФ. УПК РФ не регламентирует и порядок реализации данного права.

Особое значение право на ознакомление с материалами проверки приобретает в случае вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела, так как именно объем и содержание проведенных проверочных мероприятий позволяет оценить законность, обоснованность и мотивированность принятого решения, его не-произвольный характер, а значит, создает процессуальные предпосылки для реализации права на обжалование пострадавшим такого решения в порядке ст. 125 УПК РФ. Требования справедливого правосудия и эффективного восстановления в правах обуславливают обязательность обоснования органами предварительного расследования принимаемых ими решений, включая отказ в возбуждении уголовного дела, который должен быть законным, обоснованным и мотивированным.

Конституционный Суд РФ, оценивая возможность пострадавшего и иных лиц, имеющих законный интерес в производстве по уголовному делу, знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении, сформулировал следующее: во-первых, Конституция РФ предусматривает возможность обжалования в судебном порядке решений и действий (или бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц, гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи и одновременно обязывает органы государственной власти и их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом, что позволяет гражданам, отстаивать свои интересы в споре с любыми органами и должностными лицами, в том числе осуществляющими соответствующие полномочия на досудебной стадии уголовного судопроизводства; во-вторых, любая информация должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы затрагивают его права и свободы, а федеральный законодатель не предусматривает в качестве исключения из общего дозволения специальный правовой статус такой информации, не подлежащей распространению в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость ограничений прав и свобод в сфере получения информации и их соизмерность целям защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства; в-третьих, Конституция РФ не предполагает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы, как и обязанность органов государственной власти и их должностных лиц предоставлять гражданину соответствующие сведения, может быть полностью ограничено; в-четвертых, в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может использовать способы регулирования, которые посягали бы на само существо тогого или иного права, ставили бы

его реализацию в зависимость от решения правопримениеля, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц, и исключали бы его судебную защиту; в-пятых, стадия возбуждения уголовного дела по УПК РФ имеет главной своей целью установление наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, в связи с чем на этой стадии, как правило, не принимаются, ввиду их преждевременности, процессуальные решения о признании тех или иных лиц конкретными участниками производства по уголовному делу (в частности потерпевшими), – такие решения выносятся на следующей за ней стадии предварительного расследования, в ходе которой соответствующее криминальное событие подлежит проверке и всесторонней оценке; в-шестых, в период досудебного производства лица, которые, имеют законный интерес для участия в производстве по уголовному делу, не могут быть лишены гарантированного Конституцией РФ права на доступ к информации, непосредственно затрагивающей его права и законные интересы, в целях устранения нарушений прав личности, в том числе путем обжалования в суд действий (бездействия) и решений должностных лиц, нарушающих эти права [8].

Таким образом, Конституционный Суд РФ признал за пострадавшими и лицами, имеющими законный интерес для участия в производстве по уголовному делу, и их представителями при проверке сообщения о преступлении право на ознакомление с материалами такой проверки. При этом он не исключил возможность существования ограничения объема такого ознакомления при условии, что это не нивелирует само существование этого права и не искажает его правовую природу.

Конституция РФ не предполагает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы, как и обязанность органов государственной власти и их должностных лиц представлять гражданину соответствующие сведения, могут быть полностью исключены – напротив, при всех условиях должны соблюдаться установленные пределы ограничения данного права, обусловленные содержанием информации [9]. Так, согласно ст. 7 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами не подлежат отнесению к государственной тайне и засекречиванию.

Одним из таких оснований ограничения объема ознакомления с материалами проверки сообщения о преступлении выступает достаточно часто используемая на практике такая мотивировка отказа в ознакомлении с материалами проверки, как «сведения, составляющие государственную тайну». Очевидно, что проведение оперативно-розыскных мероприятий действительно может составлять определенную часть мероприятий, проводимых при проверке сообщения о преступлении. Но является ли это определяющим и обосновывающим законность принятия решения об отказе пострадавшим и их представителям в представлении права на ознаком-

ление с материалами проверки. В своих решениях Конституционный Суд РФ, рассматривая, насколько применение конструкции «информация, составляющая государственную тайну», может исключить доступ пострадавшего и лица, имеющего законный интерес для участия в производстве по уголовному делу, и их представителей к материалам проверки, определил следующие базовые положения:

– вынесение решения об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть основано на результатах проверки сообщения о преступлении, которая должна проводиться процессуальными способами в соответствии с УПК РФ. Результаты оперативно-розыскной деятельности являются лишь вспомогательными средствами для поиска источника доказательств или обоснования проведения следственных действий в ходе использования процессуальных способов проверки сообщения о преступлении. В этом случае они не обосновывают принятого решения об отказе в возбуждении уголовного дела и не могут стать предметом проверки по требованию пострадавшего или его представителя. Должностные лица, проводящие проверку, обладают достаточным арсеналом процессуальных инструментов, позволяющих избежать приобщения к материалам проверки, на основании которых принимается постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, сведений, составляющих государственную тайну (в частности, для процессуальной фиксации данных он может провести мероприятия, предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в том числе получить объяснения, потребовать представления документов о результатах оперативно-розыскных мероприятий с минимизацией данных, затрагивающих содержание оперативно-розыскной деятельности, относящееся к государственной тайне);

– ограничение права пострадавшего и лица, имеющего законный интерес для участия в производстве по уголовному делу, и их представителей на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении, полученными в порядке УПК РФ, не допускается;

– требуется принятие всех мер, относящихся к компетенции должностных лиц, проводящих проверку, с тем, чтобы в материалах проверки сообщения о преступлении содержались лишь те сведения, которые необходимы для принятия соответствующего процессуального решения, и тем самым исключались бы коллизии между требованиями защиты государственной тайны и гарантиями права лица на ознакомление с непосредственно затрагивающими его права и свободы документами и материалами, дающими основание для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела;

– при обосновании решения по результатам проверки сообщения о преступлении, на основании материалов, содержащих сведения в области оперативно-розыскной деятельности, имеющие гриф секретности, сохранность государственной тайны при ознакомлении лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, с материалами такой проверки и решением, принятым по ее результатам, может быть обеспечена пу-

тем использования предусмотренных законом механизмов (например, предупреждение о неразглашении государственной тайны, ставшей известной лицу в связи с ознакомлением с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела иложенными в его основу материалами; предупреждение о привлечении к уголовной ответственности в случае разглашения государственной тайны, а также хранение копий и выписок из процессуальных документов вместе с материалами указанной проверки; проведение закрытого судебного заседания и др.);

– раскрытие сведений об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий не допускается. Такие сведения сами по себе не могут обосновывать принятие процессуального решения по итогам проверки сообщения о преступлении. Предоставление же потерпевшему и (или) его представителю доступа к таким сведениям, не имеющим отношения к основаниям отказа в возбуждении уголовного дела, а значит, не являющимся необходимыми с точки зрения интересов эффективного обжалования данного процессуального решения, не отвечает требованию соблюдения баланса публичных и частных интересов в сфере охраны государственной тайны [9].

Несмотря на достаточно подробный анализ условий, при которых право пострадавшего и его представителя на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении может быть ограничено на основании формулировки «сведения, относящиеся к государственной тайне», неразрешенными остались вопросы о том, распространяется ли это право на представителя пострадавшего, который не является адвокатом по своему процессуальному статусу, предопределяется ли в этом случае выбор представителя для пострадавшего только лицом, обладающим статусом адвоката (в решениях Конституционного Суда РФ речь идет исключительно об адвокате как о представителе пострадавшего), как должен решаться вопрос о предоставлении возможности получения копий материалов проверки сообщения о преступлении (в случае если все же действительно информация в материалах проверки обосновывает принятное решение и относится к сведениям, составляющим государственную тайну), можно ли обжаловать решение об отказе в предоставлении доступа к материалам проверки на основании того, что информация относится к государственной тайне и в каком порядке.

Следует отметить, что эти вопросы нуждаются в самостоятельном исследовании и анализе, однако, конечно, многие из них снимаются, когда проверка сообщения о преступлении проводится процессуальными

средствами, тем более что УПК РФ расширил и закрепил достаточно большой объем этих процессуальных способов. Правильное понимание значения оперативно-розыскной деятельности и ее результатов как вспомогательной деятельности для решения задач уголовного судопроизводства позволит разрешить многие вопросы, связанные с обоснованием решений, принимаемых при проверке сообщения о преступлении и объемом ознакомления с такими материалами. Полагаем, что и существование ситуаций, когда доступ для пострадавшего и его представителя к материалам проверки сообщения о преступлении будет сопряжен с возможным доступом к информации, являющейся государственной тайной, должно стать исключением. В этих особых ситуациях право на ознакомление с такими материалами будет гарантировано за счет соблюдения тех условий, которые предусмотрел Конституционный Суд РФ в своих решениях.

Полагаем, что при решении вопроса о том, предопределяет ли режим государственной тайны участие в качестве представителя пострадавшего или иных лиц, которые имеют законный интерес для участия в производстве по уголовному делу, в производстве по проверке сообщения о преступлении, исключительно адвоката, следует исходить из того, что Конституционный Суд РФ разъяснил возможность участия в качестве представителя этих лиц на этапе такой проверки не только адвокатов, но и иных лиц, о допуске которых ходатайствует пострадавший, а также из положения о том, что зависимость выбора обвиняемым адвоката от наличия у последнего допуска к государственной тайне несоразмерно ограничивает конституционное право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника, гарантированные ст. 48 Конституции РФ, а также противоречит принципу состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, закрепленному в ст. 123 Конституции РФ. Это положение в равной мере распространяется и на участие адвоката в качестве представителя потерпевшего [10, 11].

Существование на практике правой неопределенности в решении вопроса о системе процессуальных прав пострадавшего и лиц, которые, имеют законный интерес для участия в производстве по уголовному делу, при проверке сообщения о преступлении, при одновременном отсутствии ясно прописанных корреспондирующих обязанностей органов и должностных лиц, предопределяет произвольность решений, выносимых последними на этом этапе уголовно-процессуальной деятельности, в связи с чем вопрос о необходимости закрепления (в виде самостоятельной нормы или бланкетной нормы, но четко определяющей объем прав) процессуального статуса пострадавшего, изменение именно законодательной (на уровне УПК РФ) парадигмы соотношения понимания пострадавшего и потерпевшего, остается актуальным в теории и практике уголовного процесса.

Список источников

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
2. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 20.06.2010 года // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кехмана Бориса Абрамовича и Кехман Аллы Иосифовны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 18.04.2006 N 114-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
4. По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 576-О-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
5. По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 32-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
7. По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева : Постановление Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 № 27-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
9. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана : Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
10. По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 32-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).
11. По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина : Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 № 8-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.11.2024).

References

1. Consultant Plus. (2024) *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valentina Mikhailovna Smirnova regarding the violation of her constitutional rights by the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 17, 2011, No. 1555-О-О.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
2. Consultant Plus. (2024) *On the practice of applying the rules regulating the participation of the victim in criminal proceedings by the courts: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 of June 20, 2010.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
3. Consultant Plus. (2006) *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Boris Abramovich Kekhman and Alla Iosifovna Kekhman regarding the violation of their constitutional rights by the provisions of Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 18.04.2006 N 114-О.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
4. Consultant Plus. (2024) *On complaints from citizens Vadim Vladimirovich Velikanov, Aleksandr Sergeevich Vinogradov and others regarding violation of their constitutional rights by Article 77.1 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and Articles 125 and 376 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19.05.2009 No. 576-О-Р.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
5. Consultant Plus. (2024) *On the case of verifying the constitutionality of Articles 21 and 21.1 of the Law of the Russian Federation "On State Secrets" in connection with the complaint of citizen E.Yu. Gorovenko: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 23.11.2017 No. 32-Р.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
6. Consultant Plus. (2024) *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valentina Mikhailovna Smirnova regarding the violation of her constitutional rights by the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 17, 2011 No. 1555-О-О.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024).
7. Consultant Plus. (2014) *On the case of verifying the constitutionality of Article 21 and Article 21.1 of the Law of the Russian Federation "On State Secrets" in connection with the complaint of citizen O.A. Laptev: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 6, 2014 No. 27-Р.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
8. Consultant Plus. (2024) *On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valentina Mikhailovna Smirnova regarding the violation of her constitutional rights by the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 17, 2011, No. 1555-О-О.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
9. Consultant Plus. (2024) *On the case of verifying the constitutionality of paragraph 2 of Article 5 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen B.A. Kekhman: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 18, 2000, No. 3-Р.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024).
10. Consultant Plus. (2024) *On the case of verifying the constitutionality of Articles 21 and 21.1 of the Law of the Russian Federation "On State Secrets" in connection with the complaint of citizen E.Yu. Gorovenko: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.11.2017 No. 32-Р.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).
11. Consultant Plus. (2024) *On the case of verifying the constitutionality of Articles 1 and 21 of the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 "On State Secrets" in connection with the complaints of citizens V.M. Gurdzhians, V.N. Sintsov, V.N. Bugrov and A.K. Nikitin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.03.1996 N 8-Р.* SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 11.11.2024). (In Russian).

Информация об авторах:

Рукавишникова А.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: satsana@yandex.ru

Плашевский А.А. – студент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Rukavishnikova, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities, of the Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: satsana@yandex.ru

A.A. Plashevskiy, student of the Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

Научная статья
УДК 343.14

doi: 10.17223/23088451/24/14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СРЕДСТВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ И МОДЕЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВНОПРАВИЯ СТОРОН

Владимир Евгеньевич Смирнов¹

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, watashinomeru@mail.ru

Аннотация. В статье выявлены и рассмотрены актуальные способы применения 3D и видеотехнологий для целей визуализации доказательственной информации при производстве по уголовному делу. На основе анализа доктринальных подходов и правоприменительной практики автором обосновано позитивное влияние использования средств визуализации на обеспечение состязательности в уголовном судопроизводстве, а также сформулированы конкретные критерии допустимости результатов их работы для целей доказывания.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, видеотехнологии, 3D-моделирование, представление доказательств, присяжные заседатели

Для цитирования: Смирнов В.Е. Использование в уголовном судопроизводстве средств визуализации и моделирования в контексте обеспечения равноправия сторон // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 84–88. doi: 10.17223/23088451/24/14

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/14

USE OF VISUALIZATION AND MODELING TOOLS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE CONTEXT OF ENSURING EQUALITY OF THE PARTIES

Vladimir E. Smirnov¹

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, watashinomeru@mail.ru

Abstract. The subject of the research in this article is the procedural features of the use of electronic digital visualization tools (3-D and video modeling) of evidentiary information in criminal proceedings of the Russian Federation. Taking into account the lack of legislative regulation of the use of the technical tools in question, the author sets the following objectives of justification of the need and areas of their wider use and of formulation of its procedural conditions. The article is based on the criminal procedural legislation and its doctrine, as well as the judicial and law enforcement practice of the Russian Federation and foreign jurisdictions. In the study, the following research methods were used: the analysis of judicial practice, which made it possible to identify the areas of application and forms of procedural existence of visualization tools; the comparative-legal method, which made it possible to consider domestic criteria for the admissibility of the technologies in question in criminal proceedings in the context of their foreign analogues; and synthesis, which made it possible to formulate specific procedural conditions for their admissibility for the purposes of proof in criminal proceedings. The study demonstrates that in cases of consideration of the case by jurors, as well as in the presence of a complexly implemented objective side of a criminal act, the possibility of providing a visual image of the version of events is an additional mechanism for ensuring equality of the parties. The article proposes the author's classification of the areas of use of visualization technologies based on the degree of transformation of the initial data: reproduction of complex evidence and its interrelations, reconstruction of places and events of crimes, modeling of the results of expert studies. The article formulates general procedural conditions for the use of the technologies in question, namely: formation of visual images exclusively on the basis of the materials of the criminal case examined in the court session; the need to record the progress of creating a visual model in the report attached to the results generated by the program and the obligation to provide procedural opponents with the opportunity to present their own model based on similar initial data. Among the specific conditions is the possibility of interrogating the creator of the video model by the parties if it was created as part of the expert study.

Keywords: criminal proceedings, video technologies, 3-D modeling, presentation of evidence, jurors

For citation: Smirnov, V.E. (2024) Use of visualization and modeling tools in criminal proceedings in the context of ensuring equality of the parties. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 84–88. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/14

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве, как известно, характеризуется познавательной деятельностью его субъектов, направленной на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. При этом, как следует из взаимосвязанных положений ст. 8 и 442 УПК РФ, основным познающим субъектом является суд, ведь именно ему надлежит разрешить главный вопрос уголовного процесса о виновности лица, представившего перед ним. На момент открытия судебного заседания как позиция обвинения, изложенная в обвинительном заключении, так и «линия защиты», по справедливому замечанию Ю.К. Орлова, являются лишь вероятностным знанием, превращение которого в достоверное, происходит путём оценки судом объёма доказательств, достаточного для формирования в его сознании убедительной картины произошедшего [1].

Таким образом, судебное заседание по уголовному делу, рассматриваемому в ординарном порядке, представляет собой противоборство двух вероятностных версий произошедшего: обвинения и защиты, которые должны к моменту вынесения приговора превратиться в достоверную «судебную». Следовательно, суду надлежит мысленно воспринять позиции сторон, оценить их состоятельность и составить на их основе собственную.

Чтобы снискать благосклонность суда к собственной версии, стороны используют приёмы, логически вытекающие из принципов непосредственности и устности судебного разбирательства, а именно участвуют в представлении и исследовании доказательств и подводят их итоги в прениях посредством судоговорения, стараясь вербальными средствами смоделировать для суда картину произошедшего.

Впрочем, вследствие детерминированного развитием человечества усложнения преступной деятельности объём доказательств и корреляционных связей между ними может быть крайне значительным для понимания судом на основе заслушивания речей сторон. Вопрос должного восприятия познающим субъектом представляемых сторонами версий приобретает особую актуальность также, когда он не обладает специальными знаниями, как это бывает при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, чем обусловлены встречающиеся в специализированной литературе особые требования к наглядности предоставляемой им доказательственной информации [2. С. 287].

Как справедливо указывали в своих работах С.В. Зуев и М.А. Юркевич, человек намного лучше воспринимает информацию, представленную в визуальной форме, нежели посредством судоговорения [3. С. 191; 4. С. 104], в связи с чем для качественного представления своих версий сторонам целесообразно прибегать к техническим средствам визуализации и моделирования.

Более того, ещё с начала XXI в. отдельные авторы отмечали преимущества созданных посредством технологий визуальных моделей доказательств (в частности, показаний свидетелей по уголовному делу) над мысленными образами, которые неизбежно возникают у субъекта доказывания в уголовном судопроизводстве при их восприятии. Из преимуществ технологически воссозданных моделей автор выделяет их объективность, т.е.

существование вне зависимости от сознания человека, воспроизводимость в любой момент производства по уголовному делу, а также наглядность для субъекта оценки доказательств [5. С. 89].

Из сказанного очевидно, что средства визуализации, безусловно, предоставляют использующей их стороне определённые преимущества в процессе убеждения суда (будь то профессионального или коллегии присяжных), в связи с чем целью настоящей работы мы ставим рассмотрение сферы и процессуальных условий их применения в контексте обеспечения равноправия сторон уголовного судопроизводства.

Анализ доктринальных источников и актуальной судебной практики свидетельствует о том, что технические средства в судебном заседании могут использоваться для целей: а) визуализации взаимной связи и внутреннего содержания одного или нескольких доказательств; б) реконструкции мест и событий преступлений; в) визуального изложения результатов сложных технических экспертиз. Указанной дифференциацией применения рассматриваемых технологий считаем необходимым обусловить и структуру настоящего исследования.

В случаях, когда содержание доказательств в силу своей технической специфики или объёма трудно для восприятия познающим субъектом, возникает потребность в их видеопрезентации. Так, например, получаемая от операторов связи в порядке ст. 186.1 УПК РФ информация о местоположении сотового телефона относительно базовых станций содержит множество адресов таковых с указанием времени подсоединения к ним отдельного мобильного устройства. При зачитывании протоколов осмотра полученных от оператора связи данных представляется затруднительным для слушателя умозрительно «привязать» маршрут описываемого перемещения к реально существующей местности, что может оказаться негативное влияние на права подсудимого, линия защиты которого (например, алиби) строится на необходимости комплексного исследования его передвижений.

В своём диссертационном исследовании М.А. Юркевич приводит пример из уголовного дела № 2-3/2019, бывшего предметом рассмотрения коллегии присяжных Тамбовского областного суда, когда адвокату было отказано в удовлетворении ходатайства о демонстрации интерактивной видеопрезентации, составленной на основе информации, полученной в порядке ст. 186.1 УПК РФ, а также данных глобального позиционирования, воспроизводящей движение подсудимого путём наложения на карту соответствующих маршрутных линий. При этом автор указывает, что такие отказы носят повсеместный характер, что подтверждают и опросы судей [4. С. 112–113]. Анализ судебной практики свидетельствует о состоятельности данных выводов.

Так, максимальная наглядность презентации сведений о перемещениях подсудимого на основе данных о его соединениях относительно базовых станций обнаружена в апелляционном постановлении Ленинградского областного суда от 28 января 2021 г. по делу № 22-16/2021 и приговоре Советского районного суда города

Брянска от 18 декабря 2023 г. по делу № 1-149/2023. В указанных делах на оценку суду предоставлялась «аналитическая справка» – подготовленное следователем приложение к протоколу осмотра документов, полученных в порядке ст. 186.1 УПК РФ, в виде статичной схемы перемещения подсудимых относительно базовых станций, аутентичность которой устанавливалась посредством судебного допроса представителя соответствующего оператора связи. Защите же всё так же отказывается в удовлетворении ходатайств о предоставлении собственных средств визуализации движения подсудимых¹.

В расследовании преступлений, в которых события носили скоротечный характер, локализованный на определённой местности, а показания участвующих лиц являются противоречивыми, а также преступных деяний, где необходимо максимально детально запечатлеть обстановку места преступления перед его очисткой (например, при убийствах, криминальных дорожно-транспортных происшествиях и пожарах), целесообразно использовать технологии 3D-визуализации события преступления [6. С. 148].

Следует отметить, что использование 3D-моделей для демонстрации в судебном заседании взаимного расположения и динамики перемещения объектов на месте преступление встречается в практике отечественных судов².

Кроме того, использование средств 3D-моделирования позволяет обойти установленный ч. 8 ст. 325 УПК РФ запрет исследования в присутствии присяжных «шокирующих доказательств», предоставив им более полную картину произошедшего без демонстрации натуралистичных подробностей преступления.

Впрочем, как применение технических средств видеопрезентации, так и 3D-моделей в уголовном судопроизводстве вызывает, по нашему мнению, вполне обоснованную озабоченность.

По справедливому замечанию Л.А. Шестаковой и Р.А. Коныгина, учитывая тот эффект, которые средства визуализации могут оказать на судебное присутствие, при их применении необходимо полностью исключить из них субъективизм составителя [7. С. 104]. В связи с этим ключевым критерием допустимости использования в производстве по уголовному делу средств визуализации будет их безусловное соответствие материалам уголовного дела. При этом стороне, которой они процессуально противопоставляются, по нашему убеждению, должно быть предоставлено безусловное право проверки такого тождества, в том числе путём «контртестирования» – самостоятельного построения визуальной модели с помощью программы-аналога.

В указанном контексте считаем должным поддержать позицию А.В. Холопова о нецелесообразности предъявления требований об обязательной сертификации к программному обеспечению, используемому для самостоятельного создания сторонами «в противовес» представленным процессуальным оппонентом простых

моделей места происшествия и видеопрезентаций [8. С. 88].

Кроме того, в таких случаях, на наш взгляд, отсутствует необходимость устанавливать наличие профильного образования у лица, изготавливающего модель. Указанные требования, по нашему убеждению, актуальны только для программ, создающих модели в рамках экспертного заключения. В противном случае мы существенно ограничим сторону защиты в возможности противопоставления обвинению собственных визуальных моделей, что отмечается некоторыми исследователями в качестве одной из серьёзнейших опасностей использования в уголовном судопроизводстве данных технологий [4. С. 111].

В контексте требования аутентичности визуальных моделей материалам уголовного дела, считаем необходимым отметить определённую диспропорцию возможностей сторон при подготовке «исходных данных» для 3D-моделирования. Так, как отмечают профильные исследования, создание сколько бы то ни было репрезентативной трёхмерной модели места преступления с помощью подавляющего большинства фототаблиц к осмотрам мест происшествия попросту невозможно ввиду недостаточного для программного моделирования «охвата территории» фотографией [6. С. 153–154]. Таким образом, трёхмерная модель места преступления может быть создана исключительно, если её составление изначально (*подчёркнуто автором*) входило в замысел лица, проводящего следственные действия.

Потенциальным решением этой проблемы может являться привлечение защитником при осмотре места происшествия специалиста в порядке ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, знакомого с методами и приёмами судебной фотографии, для разъяснения вопросов достаточности отобранных фотоснимков для построения трёхмерной модели. Впрочем, со всей очевидностью степень его участия все равно остаётся в дисcreции лица, ведущего производство по делу.

Отступление от повышенных требований к детализации воспроизведения места преступления при помощи программ 3D-графики, на наш взгляд, возможно, когда рассматриваются дела о преступлениях против мира и безопасности человечества на территориях, контролируемых недружественными формированиями, что приобретает особую актуальность в период проведения Российской Федерацией Специальной военной операции. Опыт воссоздания посредством трёхмерной графики мест преступления на основе спутниковых снимков и открытых источников уже апробирован в уголовном судопроизводстве США при расследовании применения химического оружия в Сирии [9. С. 90].

Следующим важнейшим критерием допустимости использования средств видеопрезентации и 3D-программ является обязательная фиксация хода и результа-

¹ См., например, апелляционное определение Московского городского суда от 20 декабря 2021 г. по делу № 10-19005/2021.

² См., например, приговор Юргинского городского суда Кемеровской области от 20 декабря 2012 года по делу № 1-444/2012.

тов построения визуальной модели, а именно используемой программы, исходных материалов, предоставленных для компьютерного моделирования, последовательности действий оператора. В этом контексте считаем желательным использовать электронные инструменты, которые позволяют формировать отчёты об обработке исходных изображений, такие как Agisoft Metashape [6. С. 155].

Переходя к процессуальному механизму применения вышеуказанных технологий, следует заострить внимание на положительном опыте прокуратуры Ленинградской области. Так, в ходе прений сторон при рассмотрении дела о массовом убийстве в результате перестрелки при помощи программы 3D-моделирования государственный обвинитель подготовил покадровую трёхмерную реконструкцию версии обвинения с учётом взаимного расположения участников вооружённого столкновения и предметов окружающей обстановки, что позволило наглядно продемонстрировать последовательность и логичность версии обвинения и несостоятельность позиции защиты [8. С. 85–86].

Данный случай интересен действиями, которые были предприняты для обеспечения права стороны защиты на проверку соответствия подготовленной реконструкции собранным по делу доказательствам, которые мы считаем рекомендованными для включения в практику. В частности, суд по ходатайству прокурора до начала прений совместно со сторонами произвёл осмотр подготовленной 3D-модели на предмет соответствия протоколу осмотра места происшествия, и допустил её для демонстрации присяжным только после установления их полного тождества [10. С. 97–98]. Практика проверки судом тождества видеомодели материалам дела перед её презентацией в судебном заседании существует и в США [4. С. 184].

В контексте написанного считаем излишним предложение М.А. Юркович о целесообразности использования средств визуализации путём внесения изменений в УПК РФ. Будучи таким же механизмом презентации суду версии сторон, как судебная речь, они, на наш взгляд, подчинаются общему запрету ссылаться на неисследованные доказательства, и именно это должно быть основным критерием допуска или недопуска результата средства визуализации. Так, в рассмотренном нами случае возможность применения 3D-моделирования только в отношении исследованных в судебном заседании доказательств прямо предусмотрена ч. 4 ст. 292 УПК РФ.

Кроме того, считаем, что сторона, претендующая на демонстрацию средства визуализации, обязана представить другой стороне письменный отчёт, фиксирующий основные этапы его создания и сведения об использованном программном обеспечении, чтобы гарантировать равенство прав в возможности создания аналога на основе тех же материалов уголовного дела. Если в подготовке визуальной модели участвовал специалист, то указанный отчёт по вопросам её создания необходимо

формировать и приобщать к материалам уголовного дела в качестве заключения специалиста.

Полагаем, что судебной практике следует пойти по пути допуска средств визуализации для представления позиций сторон хотя бы на этапе судебных прений. Это несомненно увеличит спрос на них, в связи с чем возникнет потребность в новом программном обеспечении и в специалистах, что повысит гарантии равенства сторон на судебном этапе уголовного судопроизводства, предоставив стороне защиты больше возможностей создавать собственные модели.

Примером, иллюстрирующим обусловленность допуска в уголовное судопроизводство результатов работы программных продуктов, является успешное применение средств визуализации в уголовном судопроизводстве РФ в качестве составной части (приложения) к заключению эксперта: в частности, компьютерная модель ДТП в соответствующей категории преступлений.

Справедливо будет отметить, что отличием компьютерной модели ДТП от вышеописанных исключительно иллюстративных средств визуализации является то, что программное обеспечение не просто преобразует исходные материалы уголовного дела в удобную для восприятия форму, но и по сути самостоятельно воссоздаёт картину происшествия, используя логико-математические средства [4. С. 106]. В связи с этим применение такого программного обеспечения, как «Carat-3» и «Virtual CRASH 3.0», осуществляется в рамках экспертного заключения, а «исходными данными» для программного анализа служат материалы экспертизы, вводимые в программу лицом, её проводящим [11. С. 11–15].

Соответственно, в судебном заседании оно исследуется как часть экспертного заключения, а её составитель подлежит допросу в порядке ст. 205 УПК РФ, о чём свидетельствует многочисленная судебная практика¹. Кроме того, демонстрация данной модели осуществляется при допросе свидетелей для визуализации экспертной реконструкции события ДТП².

В США к таким моделям также применяются повышенные стандарты допустимости (включая сертифицированность программы и научную обоснованность технологии моделирования с обязательным перекрёстным допросом лица, создавшего её), как и для любого экспертного заключения [4. С. 186].

В заключение следует отметить, что допуск судами средств визуализации в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, необходим для формирования их «рынка», что в конечном итоге положительно скажется на обеспечении равноправия стороны защиты в уголовном судопроизводстве.

При этом сами визуальные модели должны быть:

- а) основаны на материалах уголовного дела;
- б) снабжены отчётом о программных средствах и действиях, использовавшихся при их создании;

¹ Приговор Сузdalского районного суда Владимирской области от 25 декабря 2023 г. по делу № 1-78/2023; апелляционное определение Кемеровского областного суда от 21 июня 2022 года № 22-2484/2022.

² Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 21 июня 2022 года № 22-2484/2022.

в) воспроизводимыми с помощью программ-аналогов, что позволит их использование для представления версии сторон без ущерба для состязательности уголовного судопроизводства, при этом в случае, если они создаются сторонами

исключительно в целях визуализации своей позиции или реконструкции места происшествия, требования о сертификации программного обеспечения и наличии профильного образования у составителя модели не должны предъявляться.

Список источников

1. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2000. 144 с.
2. Криминалистика для государственных обвинителей / под ред. А.Ф. Козусева, В.Н. Исаенко, А.М. Кустова. М., 2012. 480 с.
3. Высокотехнологичный уголовный процесс / под ред. С.В. Зуева, Л.Н. Масленниковой. М., 2023. 216 с.
4. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 259 с.
5. Алабужев И.Г. Визуализация показаний допрашиваемого посредством компьютерного моделирования : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 230 с.
6. Полякова А.В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2023. 244 с.
7. Коныгин Р.А., Шестакова Л.А. Использование компьютерного трёхмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 3. С. 99–107.
8. Холопов А.В. 3D-моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // Криминалистика. 2023. № 3. С. 84–90.
9. Оракбаев А.Б. О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 88–92.
10. Крысин В.В. Цифровые технологии как средство обеспечения наглядности речи государственного обвинителя в прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей // Следственная практика. 2020. С. 95–99.
11. Беляев М.В., Четвергов М.А. К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 11–15.

References

1. Orlov, Yu.K. (2000) *Osnovy teorii dokazatel'stv v ugolovnom protsesse: nauch.-prakt. posobie* [Fundamentals of the Theory of Evidence in Criminal Procedure: scientific and practical manual]. Moscow: Prospekt.
2. Kozusev, A.F., Isaenko, V.N. & Kustov, A.M. (eds) (2012) *Kriminalistika dlya gosudarstvennykh obvinitelye* [Forensic Science for Public Prosecutors]. Moscow.
3. Zuev, S.V. & Maslennikova, L.N. (eds) (2023) *Vysokotekhnologichnyy ugolovnyy protsess* [High-Tech Criminal Procedure]. Moscow.
4. Yurkevich, M.A. (2021) *Primenie sudom videotekhnologiy v ugolovnom sudoproizvodstve* [Use of Video Technologies by the Court in Criminal Proceedings]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Alabuzhev, I.G. (2004) *Vizualizatsiya pokazaniy doprashivaemogo posredstvom kompyuternogo modelirovaniya* [Visualization of the Testimony of the Interrogated Person Through Computer Modeling]. Law Cand. Diss. Izhevsk.
6. Polyakova, A.V. (2023) *Formirovanie i razvitiye 3D tekhnologiy v sudebno-ekspertoy deyatel'nosti: metodologicheskie i organizatsionnye aspekty* [Formation and development of 3D technologies in forensic activities: methodological and organizational aspects]. Law Cand. Diss. Ufa.
7. Konygin, R.A. & Shestakova, L.A. (2017) *Ispol'zovanie kompyuternogo trekhmernogo modelirovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Use of computer three-dimensional modeling in criminal proceedings of the Russian Federation]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*. 3 (3). pp. 99–107.
8. Kholopov, A.V. (2023) 3D-modelirovaniye sobytiya prestupleniya v stadii sudebnogo razbiratel'stva s uchastiem prisyazhnykh zasedateley: problemy i puti resheniya [3D modeling of a crime event at the stage of trial with the participation of jurors: problems and solutions]. *Kriminalist'*. 3. pp. 84–90.
9. Orakbaev, A.B. (2022) O nekotorykh voprosakh rassledovaniya prestupleniy s ispol'zovaniem sredstv virtualizatsii [On some issues of investigating crimes using virtualization tools]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1. pp. 88–92.
10. Krysin, V.V. (2020) Tsifrovye tekhnologii kak sredstvo obespecheniya naglyadnosti rechi gosudarstvennogo obvinitelya v preniyah storon s uchastiem kollegii prisyazhnykh zasedateley [Digital technologies as a means of ensuring the clarity of the public prosecutor's speech in the debate of the parties with the participation of a jury]. *Sledstvennaya praktika*. 2020. pp. 95–99.
11. Belyaev, M.V. & Chetvergov, M.A. (2018) K voprosu o sovremennykh sposobakh modelirovaniya dorozhno-transportnykh proisshestviy [On modern methods of modeling road accidents]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 11–15.

Информация об авторе:

Смирнов В.Е. – аспирант Центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: watashinomeru@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.E. Smirnov, postgraduate student of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: watashinomeru@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/24/15

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНТРОВ ПРОБАЦИИ В РОССИИ

Александра Викторовна Васеловская¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vaselovskaya.a@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются отдельные проблемные аспекты нормативного правового регулирования порядка создания и организации деятельности центров probation в контексте применения Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации». Автором рассмотрены вопросы об организационно-правовой форме центров probation, их месте в системе органов и организаций, участвующих в probation. На основе проведенного исследования делается вывод о перспективах организации центров probation в России.

Ключевые слова: probation, постпенитенциарная probation, центры probation, социальная адаптация, ресоциализация осужденных

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

Для цитирования: Васеловская А.В. Особенности правового статуса и перспективы организации центров probation в России // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 89–96. doi: 10.17223/23088451/24/15

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/15

FEATURES OF THE LEGAL STATUS AND PROSPECTS FOR ORGANIZING PROBATION CENTERS IN RUSSIA

Aleksandra V. Vaselovskaya¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vaselovskaya.a@mail.ru

Abstract. The article considers the features of the legal status of probation centers, as well as the legal regulation of their activities and the prospects for organizing such centers in Russia in the context of implementing the provisions of Federal Law No. 10-FZ On Probation in the Russian Federation of 06 February 2023. The author aimed to analyze the regulatory legal acts governing the organization of probation centers in Russia and to study the practical experience of public organizations in providing assistance to former convicts. Working on the article, the author used both general (analysis, synthesis, systems and structural-functional) and special (formal-legal and comparative-legal) research methods. The study showed that the current legal regulation of the procedure for the establishment and operation of probation centers reveals a number of legal and organizational problems that jeopardize the implementation of legal norms on probation centers in practice. In particular, the issues of the possibility of setting probation centers as structural divisions of other legal entities (without creating an independent one), the permissible organizational and legal forms in which probation centers can be set, the range of entities that can act as founders of probation centers, the extension of the legislation on social services to probation centers, etc. remain unresolved. At the same time, a study of the activities of public organizations in providing assistance to former convicts showed that the content of the activities of probation centers is not fundamentally new, and individual functions characteristic of probation centers are currently performed by other public organizations. For many years, various forms of assistance to former convicts have existed in a number of regions of the country, usually including aspects of housing, employment, social and domestic support, and cultural development. The many years of experience of such institutions working with former convicts is valuable and could be taken into account when opening probation centers. Based on the conducted research, the author proposes to consider the possibility of organizing probation centers on the basis of existing public organizations providing assistance to former convicts. For this purpose, a number of amendments are proposed to the current law, including providing for the possibility of opening probation centers both as independent legal entities and as structural divisions of non-profit organizations (without forming a legal entity); determining possible organizational and legal forms of probation centers; expanding the list of persons and organizations that can act as founders of probation centers (compared to that enshrined in Article 27 of the Federal Law on Probation in the Russian Federation). Consistent implementation of these proposals can have a positive effect and give a significant positive impetus to the implementation of probation in Russia.

Keywords: probation, post-penitentiary probation, probation centers, social adaptation, resocialization of convicts

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

For citation: Vaselovskaya, A.V. (2024) Features of the legal status and prospects for organizing probation centers in Russia. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law.* 24. pp. 89–96. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/15

С 1 января 2024 г. вступил в силу Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» [1], положивший начало новому этапу в работе с осужденными с целью повышения качества их жизни посредством реосоциализации и социальной адаптации в обществе и в конечном итоге – снижения рецидивной преступности.

Указанный Федеральный закон предусматривает три вида probation: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Для реализации последнего вида probation, положения о котором должны начать действовать с 1 января 2025 г., предусмотрено создание специализированных организаций для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, – центров probation.

Для российской правовой системы данный вид организаций, как и сама probation, является новым институтом, а потому особый интерес и практическую значимость приобретают вопросы правовой регламентации организации деятельности центров probation и анализ возможных перспектив создания таких центров с учетом того, что подобные центры должны в скором будущем появиться и начать функционировать на всей территории нашего государства.

В связи с большим массивом вопросов, входящих в сферу определения правового статуса центров probation и требующих каждый в отдельности детального изучения, а также принимая во внимание то, что данные центры начнут свою деятельность только в 2025 г., а потому на данном этапе возможен лишь перспективный анализ и прогноз на будущее, в настоящей статье рассмотрим лишь некоторые аспекты правового регулирования деятельности центров probation, которые на сегодняшний день остаются нерешенными, а потому могут стать препятствием на пути создания и развития центров probation как элемента системы постпенитенциарной probation в целом.

В настоящее время правовая регламентация порядка создания и деятельности центров probation осуществляется на основании следующих нормативных правовых актов:

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» [1]:

– содержит определение понятия центра probation (п. 12 ч. 1 ст. 5);

– закрепляет положение о том, что данные центры могут создаваться некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями (ч. 1 ст. 27);

– содержит положение о том, что правила организации деятельности центров probation должны быть

утверждены федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний (ч. 2 ст. 27);

2. Приказ Минюста России от 16.09.2024 № 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров probation» (далее – Правила) [2]:

– указывает на то, что деятельность центров probation по оказанию помощи гражданам осуществляется в соответствии с законодательством в сфере probation и законодательством о социальном обслуживании. Системное толкование Правил организации деятельности центров probation позволяет сделать вывод о том, что положения названного нормативного правового акта по сути относят центры probation к организациям, предоставляющим социальные услуги в соответствии с законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании (п. 2, 4, 6 Правил);

– содержит перечень документов, необходимых для предоставления гражданину социальных услуг и (или) оказания помощи, а также перечень оснований для прекращения предоставления гражданину социальных услуг и (или) оказания иной помощи (п. 7, 10, 15 Правил).

3. Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О реосоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» [3]. Названный приказ непосредственно деятельность центров probation не регламентирует, однако содержит упоминания о таких центрах:

– п. 63 Порядка исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере probation (приложение № 1 к приказу) содержит указание на возможность направления уголовно-исполнительными инспекциями лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, в центры probation;

– п. 39 Порядка оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве (приложение № 3 к приказу) устанавливает правило, согласно которому в случае, если осужденный, освобождаемый из учреждения, является лицом, не имеющим постоянного места жительства и утратившим социальные связи, администрация учреждения обращается с запросом в организации социального обслуживания, предоставляющие временное место проживания, и центры probation, предоставляющие временное

место пребывания по избранному осужденным месту пребывания.

Анализ указанных нормативных правовых актов, а также законодательства Российской Федерации о социальном обслуживании, к которому имеется прямая ссылка в п. 2 Правил организации деятельности центров probation, позволяет вынести на обсуждение ряд проблем правового и организационного характера, которые, на наш взгляд, требуют своего скорейшего теоретического осмысливания и практического разрешения для того, чтобы центры probation в нашей стране стали настоящему полноценным и эффективным звеном в механизме реализации probation.

1. Суть первой проблемы видится в определении правового статуса центров probation. Данная проблема может быть рассмотрена с разных сторон.

Прежде всего, важно внести ясность в определение правового статуса центра probation с точки зрения организационно-правовой формы в контексте гражданско-правовых норм о юридических лицах. В этом аспекте требуют своего разрешения как минимум следующие вопросы: 1) должен ли центр probation создаваться исключительно в качестве самостоятельного юридического лица либо он может быть структурным подразделением другой организации? 2) кто может выступать учредителем центра probation? 3) в случае, если центр probation – самостоятельное юридическое лицо, в какой организационно-правовой форме он может и должен быть создан? 4) может ли центр probation быть государственным или муниципальным?

Согласно п. 12 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» [1] центр probation – это специализированная организация, создаваемая в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, в том числе в предоставлении временного места пребывания.

Исходя из буквального толкования вышеуказанного законодательного определения понятия «центр probation», последний может быть организован только в качестве самостоятельного юридического лица («специализированной организации»). При этом без ответа остается вопрос о том, почему такая организация именуется в законе именно как специализированная. Предположим, что это обусловлено узконаправленной целью оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, и соответственно особенностями субъектного состава лиц, которым оказывается помощь.

Правила организации деятельности центров probation, утвержденные приказом Минюста России от 16.09.2024 № 278, также опосредованно указывают на самостоятельность центров probation как юридических лиц: согласно п. 3 Правил, учредителем центра probation утверждаются его структура, штатная численность и правила внутреннего распорядка; в п. 5 содержится указание на самостоятельное взаимодействие центров probation с субъектами probation; п. 4, 6 содержат указание на самостоятельное заключение центром probation договоров с гражданами о предоставлении социальных услуг.

При этом ни Федеральный закон «О probation в Российской Федерации», ни приказ Минюста России от 16.09.2024 № 278 не содержат положений, допускающих создание центров probation на базе некоммерческих организаций без образования самостоятельного юридического лица.

Итак, исходя из буквального толкования действующих нормативных правовых актов в сфере probation в Российской Федерации, следует, что законодателем центры probation видятся только в качестве самостоятельных юридических лиц (организаций).

Такой безальтернативный подход вызывает обоснованные опасения относительно того, что некоммерческие организации будут охотно выступать учредителями других юридических лиц (центров probation), поскольку создание и ведение деятельности ещё одного юридического лица весьма затратно с точки зрения материальных и кадровых ресурсов, особенно для некоммерческих организаций, чья деятельность не связана с целью извлечения прибыли.

Представляется, что в целях развития института probation в России в целом и развития системы центров probation в частности было бы целесообразным рассмотреть вопрос об альтернативных вариантах создания центров probation – и как самостоятельных юридических лиц, и как структурных подразделений (без образования юридического лица) других организаций.

Рассмотрение законодательного подхода к центрам probation как самостоятельным организациям порождает, в свою очередь, дополнительные вопросы, часть из которых была обозначена нами ранее. В частности, кто может выступать учредителем центра probation и может ли центр probation быть государственным или муниципальным?

Согласно ч. 1 ст. 27 Федерального закона «О probation в Российской Федерации», в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями могут создаваться центры probation. Аналогичная норма содержится в п. 1 Правил организации деятельности центров probation, утвержденных приказом Минюста от 16.09.2024 № 278.

Буквальное толкование указанных правовых норм позволяет сделать вывод о том, что учредителем центра probation могут выступать только некоммерческие, в том числе религиозные, организации и общественные объединения, а также социально ориентированные некоммерческие организации.

Таким образом, учредителями центров probation не могут выступать физические лица, любые виды коммерческих организаций, а также публично-территориальные образования в виде Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Так же, как и при ответе на предыдущий вопрос, заметим, что, на наш взгляд, ограничение круга субъектов, которые могут выступить учредителем центра probation, на данном этапе видится не совсем целесообразным, поскольку на первоначальном этапе внедрения системы центров probation установление дополнительных

бюрократических и организационных барьеров может выступить механизмом, тормозящим процесс создания центров probation (например, при желании физического лица или нескольких лиц создать центр probation, им сначала необходимо будет учредить некоммерческую организацию, которая, в свою очередь, сможет выступить учредителем центра probation).

Ещё один вопрос, напрямую связанный с ранее представленными рассуждениями: если центр probation – самостоятельное юридическое лицо, то в какой организационно-правовой форме он может и должен быть создан?

Ни в Федеральном законе «О probation в Российской Федерации», ни в приказе Минюста России, регламентирующем правила организации деятельности центров probation, не закреплено каких-либо положений, устанавливающих организационно-правовую форму центров probation. Вероятнее всего, данные центры должны быть некоммерческими, поскольку не могут преследовать цель извлечения прибыли в качестве своей основной уставной цели. Однако Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривают более десяти различных форм некоммерческих организаций, в связи с чем вопрос о возможных организационно-правовых формах центров probation также требует своего разрешения и соответствующей регламентации в законе.

Итак, в рамках первой из обозначенных проблем представляется необходимым внести ясность в действующее законодательство в части регламентации возможных способов создания центров probation и их организационно-правовой формы.

2. Второй проблемный вопрос заключается в определении места центров probation в общей системе органов и организаций, участвующих в реализации probation в России.

Статья 6 Федерального закона «О probation в Российской Федерации» устанавливает круг органов государственной власти и организаций, являющихся субъектами probation (ч. 1 ст. 6). Среди субъектов probation в ч. 1 ст. 6 центры probation не поименованы. Не названы центры probation и в ч. 2–3 указанной статьи, в которых закрепляется положение о возможности участия в probation органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций, общественных наблюдательных комиссий и граждан.

Как справедливо отмечает И.В. Дворянков, центры probation не обладают четко определенной субъектностью, в частности, они не отнесены Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ к субъектам probation и даже не упомянуты в числе тех, кто может привлекаться субъектами probation в целях осуществления мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами probation. Из этого ученый делается вывод о том, что центры probation не являются ее самостоятельным субъектом, а выступают лишь одним из инструментов ее реализации [4. С. 76].

Представляется, что если законодатель пошел по пути рассмотрения центров probation как самостоятельных юридических лиц, то они должны быть поименованы в ч. 3 ст. 6 Федерального закона «О probation в Российской Федерации» в качестве организаций, которые могут привлекаться для реализации мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation.

Если же предусмотреть в законе возможность создания центров probation на базе некоммерческих организаций (без образования юридического лица), то в этом случае выделение центров probation в качестве отдельных субъектов в ч. 3 ст. 6 Федерального закона не требуется.

3. Суть третьей проблемы видится в определении содержательного аспекта деятельности центров probation.

Статья 27 Федерального закона «О probation в Российской Федерации» содержит в себе положение о том, что центры probation создаются в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, в том числе в предоставлении временного места пребывания.

Более детально возможные виды деятельности, которые может осуществлять центр probation, изложены в Правилах организации деятельности центров probation, утвержденных приказом Минюста России от 16.09.2024 № 278.

Исходя из анализа положений данного нормативного правового акта, следует, что центры probation могут осуществлять следующие виды деятельности:

1) предоставление социальных услуг, в том числе предоставление временного места пребывания;

2) деятельность по оказанию помощи, не относящейся к социальным услугам, в соответствии с мероприятиями, включенными в индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации;

3) осуществление регистрации граждан по месту пребывания (при предоставлении гражданину временного места пребывания).

Можно отметить, что основная деятельность центров probation делится на два вида: 1) предоставление социальных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании; 2) деятельность по оказанию помощи, не относящейся к социальным услугам.

И если применительно ко второму виду деятельности (оказание помощи) центры probation свободны в выборе видов, способов и механизмов оказания такой помощи, то деятельность по предоставлению социальных услуг подробным образом регламентирована как на федеральном, так и на региональном уровнях законодательством в сфере социального обслуживания населения.

Согласно п. 13 Правил, граждане при предоставлении социальных услуг и оказании помощи центром probation пользуются правами и исполняют обязанности, установленные как законодательством Российской Федерации в сфере probation, так и законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании.

В свою очередь, центры пробации в соответствии с п. 14 указанных Правил также исполняют обязанности и осуществляют права как в соответствии с законодательством Российской Федерации о пробации, так и в соответствии с законодательством Российской Федерации о социальном обслуживании.

Устанавливая некоторые особенности в части предоставления социальных услуг центрами пробации, Правила организации деятельности центров пробации всё же закрепляют общее правило о том, что на деятельность таких центров распространяется законодательство о социальном обслуживании, где базовым нормативным правовым актом выступает Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 442-ФЗ) [5].

В соответствии со ст. 3 указанного Федерального закона под социальным обслуживанием граждан понимается деятельность по предоставлению социальных услуг. Социальная услуга – это действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности.

Юридические лица независимо от их организационно-правовой формы и (или) индивидуальные предприниматели, осуществляющие социальное обслуживание граждан, именуются в названном законе поставщиками социальных услуг.

Таким образом, через призму положений Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» открывается еще одна грань правового статуса центров пробации как поставщиков социальных услуг.

Однако анализ положений указанного Федерального закона в контексте деятельности центров пробации вызывает множество вопросов относительно того, в каком объеме положения Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» должны распространяться на центры пробации.

Отметим некоторые, на наш взгляд, наиболее явные и сложные моменты, с которыми могут столкнуться центры пробации при предоставлении социальных услуг гражданам и которые вызваны неразрешенностью вопроса об объеме и условиях применения к центрам пробации законодательства о социальном обслуживании.

1. Согласно ст. 14 Федерального закона № 442-ФЗ основанием для рассмотрения вопроса о предоставлении социального обслуживания является поданное заявление гражданина или его законного представителя о предоставлении социального обслуживания в уполномоченный орган субъекта Российской Федерации. Решение о признании гражданина нуждающимся в социальном обслуживании либо об отказе в социальном обслуживании принимает уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (ч. 2 ст. 15).

Для лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, согласно п. 7 Правил организации деятельности центров пробации, одним из документов, необходимых для предоставления социальных услуг, является направление уголовно-исполнительной инспекции либо учреждения, исполняющего наказания в виде принудительных работ или лишения свободы (далее – учреждение, исполняющее наказание) в центр пробации. Именно уголовно-исполнительная инспекция либо учреждение, исполняющее наказание, определяет необходимость в направлении лица в центр пробации.

В связи с этим остается нерешенным вопрос, необходимо ли уголовно-исполнительной инспекции либо учреждению, исполняющему наказание, в рамках межведомственного взаимодействия перед направлением лица в центр пробации решать вопрос о признании гражданина нуждающимся в социальном обслуживании в порядке, предусмотренном ст. 14–15 Федерального закона № 442-ФЗ.

2. Законодательством о пробации предусмотрены разработка и утверждение для лица, в отношении которого применяется пробация, индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Согласно п. 4, 7 Правил, предоставление лицу, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, социальных услуг осуществляется в соответствии с мероприятиями, включенными в его индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Однако Федеральным законом № 442-ФЗ также предусмотрен такой документ, как индивидуальная программа, в которой должны быть указаны форма социального обслуживания, виды, объем, периодичность, условия, сроки предоставления социальных услуг.

При этом п. 2 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 442-ФЗ предусмотрено, что поставщики социальных услуг обязаны предоставлять социальные услуги именно в соответствии с индивидуальными программами, которые предусмотрены данным Федеральным законом.

В этой связи также требует своего разрешения вопрос о том, что необходимо для лица, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, утверждение не только индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, предусмотренной законодательством о пробации, но и индивидуальной программы, предусмотренной законодательством о социальном обслуживании.

3. Согласно ч. 5 ст. 19 Федерального закона № 442-ФЗ, граждане из числа лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, за которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации установлен административный надзор и которые частично или полностью утратили способность к самообслуживанию, при отсутствии медицинских противопоказаний и по их личному заявлению принимаются на социальное обслуживание в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

В данном случае категория лиц, указанных в ч. 5 ст. 19 Федерального закона № 442-ФЗ, может подпадать и под категорию лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, а потому представляется необходимым решить вопрос о соотношении между собой правового статуса указанных стационарных организаций социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием и центров пробации.

4. Статьей 21 Федерального закона № 442-ФЗ предусмотрены виды срочных социальных услуг (обеспечение бесплатным горячим питанием, обеспечение одеждой, обувью и другими предметами первой необходимости, содействие в получении временного жилого помещения и др.) и возможность их предоставления без заключения договора о предоставлении социальных услуг.

Однако в п. 4 Правил организации деятельности центров пробации закреплено правило, согласно которому при предоставлении социальных услуг помочь гражданину оказывается на основе договора о предоставлении социальных услуг. Упоминание о срочных социальных услугах Правила не содержит, в связи с чем нуждается в правовой конкретизации вопрос о возможности предоставления центрами пробации срочных социальных услуг без заключения договора.

5. Требует своего разрешения и вопрос финансового обеспечения социального обслуживания граждан центрами пробации.

Согласно ч. 4 ст. 30 Федерального закона № 442-ФЗ, финансовое обеспечение предоставления социальных услуг негосударственными организациями, осуществляющими деятельность по социальному обслуживанию, и предоставляющими социальные услуги социально ориентированными некоммерческими организациями осуществляется путем предоставления субсидий из соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации, проведения закупок социальных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также за счет средств получателей социальных услуг при предоставлении социальных услуг за плату или частичную плату.

С учетом категории лиц, которые будут направляться в центры пробации, последний из указанных источников финансового обеспечения (за счет получателей социальных услуг) вряд ли будет иметь большой удельный вес в общем объеме финансирования, а потому вопросы финансового обеспечения деятельности центров пробации, вероятнее всего, будут требовать государственного участия. Вопрос о формах, видах и объемах такого участия в настоящее время остается открытым.

Обозначенные аспекты не исчерпывают всех вопросов, касающихся распространения законодательства о социальном обслуживании на центры пробации. Данный вопрос требует отдельного, более детального изучения, в данной же статье обозначены лишь некоторые проблемные аспекты, остающиеся на сегодняшний день неразрешенными.

Несмотря на то, что центры пробации – это новый вид организаций, которые должны начать функционировать в нашей стране с 1 января 2025 г., следует отметить, что содержательно деятельность центров пробации не является принципиально новой и отдельные функции, характерные для центров пробации, выполняются в настоящее время иными общественными организациями. На протяжении многих лет в ряде регионов страны существуют различные формы организации помощи бывшим заключенным, как правило, включающие в комплексе аспекты проживания, трудоустройства, социально-бытового обеспечения, культурного развития и пр. [4. С. 77; 6. С. 115–116].

Так, например, в Республике Алтай такой организацией является автономная некоммерческая организация адаптации бывших осужденных «Старт», занимающаяся оказанием помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в том числе в части предоставления им мест для временного проживания, предоставления одежды, консультирования по социальным и другим вопросам. Согласно общедоступным сведениям с официального интернет-сайта Фонда президентских грантов, в марте 2024 г. указанная организация обращалась с заявкой на получение гранта в целях открытия центра пробации на территории Республики Алтай, однако проект не получил грантовую поддержку [7].

В Алтайском крае действует Алтайская региональная общественная организация «Рубикон», созданная еще в 2013 г. и занимающаяся вопросами социальной адаптации осужденных, оказания им помощи в восстановлении документов, трудоустройстве и т.д. Указанной организацией реализуется также проект «Вместе мы справимся!», направленный на реабилитацию и социальную адаптацию женщин, освобождающихся из мест лишения свободы, в том числе имеющих несовершеннолетних детей [4. С. 77; 8].

А.А. Гречаная приводит в пример некоммерческую организацию «Переправа», осуществляющую взаимодействие с УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю в части социальной помощи путем предоставления лицам, освободившимся из мест лишения свободы, мест временного проживания, трудоустройства, оказания юридических консультаций [6. С. 115–116].

Подобные организации есть и эффективно функционируют и во многих других субъектах Российской Федерации. Представляется, что многие из этих организаций, имея большой опыт работы с бывшими осужденными, были бы готовы рассмотреть вопрос об открытии на своей базе центров пробации при наличии четкого и простого алгоритма по открытию таких центров и определенной поддержки, в том числе финансовой, со стороны государства.

Подводя итог изложенному в настоящей статье, отметим, что фактически работа по созданию и деятельности центров помощи бывшим осужденным ведется уже давно, наработан весьма большой и разнообразный опыт функционирования таких учреждений. В этой связи следует согласиться с мнением И.В. Дворянкова о том, что «в данном вопросе не нужно “изобретать велосипед”, а необходимо последовательно

придавать указанным учреждениям статус центров пробыации, заключая с ними соответствующие соглашения» [4. С. 77].

Однако для реализации такого подхода по организации центров пробыации на базе уже имеющихся организаций помощи бывшим осужденным необходимо решить ряд проблем правового характера, ранее обозначенных в настоящей статье, а именно:

1) предусмотреть возможность создания центров пробыации как в качестве самостоятельных юридических лиц, так и в качестве структурных подразделений некоммерческих организаций (без образования юридического лица);

2) в случае создания центра пробыации в качестве самостоятельного юридического лица определить возможные организационно-правовые формы такой организации;

3) рассмотреть вопрос о расширении перечня лиц и организаций, которые могут выступать в качестве

учредителей центров пробыации (по сравнению с закрепленным в статье 27 Федерального закона о пробыации в Российской Федерации), в том числе рассмотреть возможность учреждения центров пробыации физическими лицами и публично-территориальными образованиями;

4) определить, в каком объеме положения законодательства Российской Федерации о социальном обслуживании должны распространяться на центры пробыации.

Последовательное развитие идеи создания центров пробыации, в том числе реализация подхода по организации таких центров на базе уже имеющихся организаций помощи бывшим осужденным, при условии лаконичного и корректного законодательного оформления такого подхода, безусловно, может иметь положительный эффект и придать весомый позитивный импульс осуществлению пробыации в России.

Список источников

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробыации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2024).
2. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 16.09.2024 № 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров пробыации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2024).
3. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробыация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробыации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2024).
4. Дворянков И.В. О создании центров пробыации // Петербургские пенитенциарные конференции : сб. материалов комплекса международных научно-практических конференций : в 2 т. Санкт-Петербург, Пушкин, 16–17 мая 2024 года. СПб. : Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 75–78.
5. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.10.2024).
6. Гречаная А.А. Институты гражданского общества в обеспечении пробыации в России // Современное право. 2024. № 2. С. 113–117.
7. Центр пробыации «Старт в будущее» // Фонд президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=403fb599-f4dd-4745-be51-32d385cada7b&ysclid=m2hlrefw9w419702472> (дата обращения: 19.10.2024).
8. Алтайская региональная общественная организация «Рубикон». URL: <https://aroorubikon.ru/> (дата обращения: 19.10.2024).

References

1. Consultant Plus. (2024) *Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 21.10.2024). (In Russian).
2. Consultant Plus. (2024) *Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 16.09.2024 No. 278 "On Approval of the Rules for Organizing the Activities of Probation Centers"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 21.10.2024). (In Russian).
3. Consultant Plus. (2024) *Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of November 29, 2023 No. 350 "On the Resocialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation in Accordance With the Federal Law of February 6, 2023, No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 22.10.2024). (In Russian).
4. Dvoryanskov, I.V. (2024) O sozdaniï tsentrov probatsii [On the Establishment of Probation Centers]. *Peterburgskie penitentiarnye konferentsii: sb. materialov kompleksa mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii: v 2 t.* [St. Petersburg Penitentiary Conferences: Proceedings of Conferences: In 2 Volumes]. St. Petersburg, Pushkin. 16–17 May 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 75–78. (In Russian).
5. Consultant Plus. (2024) *Federal Law of 28.12.2013 No. 442-FZ "On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation"*. SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 24.10.2024). (In Russian).
6. Grechanaya, A.A. (2024) Institut grazhdanskogo obshchestva v obespechenii probatsii v Rossii [Civil Society Institutions in Ensuring Probation in Russia]. *Sovremennoe pravo*. 2. pp. 113–117.
7. Fond prezidentskikh grantov [Presidential Grants Foundation]. (2024) *Tsentr probatsii "Start v budushchee"* [Probation Center "Start to the Future"]. [Online] Available from: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=403fb599-f4dd-4745-be51-32d385cada7b&ysclid=m2hlrefw9w419702472> (Accessed: 19.10.2024).
8. Altayskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya "Rubikon" [Altai Regional Public Organization "Rubicon"]. [Online] Available from: <https://aroorubikon.ru/> (Accessed: 19.10.2024).

Информация об авторе:

Васеловская А.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Vaselovskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Law, senior researcher of the Laboratory of Social and Legal Research of the Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vaselovskaya.a@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИНСПЕКЦИИ: ПРЕДЕЛЫ ПРОЧНОСТИ

Федор Владимирович Грушин¹¹ НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия, fedor062@yandex.ru

Аннотация. В статье с применением метода историко-правового анализа рассматривается деятельность уголовно-исполнительных инспекций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Анализируется расширение функционала уголовно-исполнительных инспекций с момента их создания (бюро принудительных работ) до последних изменений уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства. Также обозначаются направления по улучшению работы уголовно-исполнительных инспекций.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, уголовно-исполнительная система

Для цитирования: Грушин Ф.В. Уголовно-исполнительные инспекции: пределы прочности // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 97–101. doi: 10.17223/23088451/24/16

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/16

PENAL INSPECTORATES: LIMITS OF STRENGTH

Fyodor V. Grushin¹¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, fedor062@yandex.ru

Abstract. The article, using the method of historical and legal analysis, taking into account the current legislation, examines the activities of penal inspectorates of the penitentiary system of the Russian Federation. The expansion of the functionality of penal inspectorates from the moment of their establishment (as bureaus of forced labor) to the latest changes in criminal, penal, and criminal-procedural legislation is analyzed. Based on the analysis, some statistical data provided, difficulties associated with the implementation of their powers by employees of penal inspectorates are identified. Possible directions for improving the work of penal inspectorates are also determined. The article can be used in further scientific and practical discussions, as well as in preparing amendments to the current legislation in terms of increasing the efficiency of penal inspectorates.

Keywords: penal inspectorates, penal system

For citation: Grushin, F.V. (2024) Penal inspectorates: Limits of strength. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 97–101. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/16

Деятельность уголовно-исполнительных инспекций (далее – инспекций) неоднократно становилась предметом исследования ведущих ученых в сфере уголовно-исполнительного права [1–8].

Инспекции, в соответствии с первоначальной редакцией Положения об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729, являлись учреждениями, исполняющими уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества. В последней редакции данного нормативного правового акта (от 23 апреля 2012 г.) полномочия инспекций были расширены за счет исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

В настоящее время рассматриваемые учреждения выполняют множество функций в отношении самых разных категорий подучетных лиц. Таким образом, Постановление Правительства РФ № 729 не соответствует

современным реалиям, так как функционал инспекций существенно расширился за последние годы.

Прообразом современных инспекций являлись специальные учреждения – бюро принудительных работ без содержания под стражей, которые состояли при губернской (областной) инспекции мест заключения на правах отдельной части, действовали под общим руководством губернского (областного) инспектора и исполняли по ИТК РСФСР 1924 г. уголовное наказание в виде принудительных работ без содержания под стражей (аналог исправительных работ в настоящее время).

В советский период времени рассматриваемые учреждения были наделены дополнительными функциями по исполнению наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также по контролю за условно осужденными.

В настоящее время на территории Российской Федерации функционируют 85 федеральных казенных учреждений «Уголовно-исполнительная инспекция», в состав которых входят 1 460 филиалов. В 2023 г. по учетам инспекций прошли 933 338 человек, из них 9 697 несовершеннолетних. По состоянию на 1 января 2024 г. на учете инспекций состояли 429 889 человек¹.

Возможно проследить за процессом расширения функционала инспекций за последние двадцать лет.

2004 г. В результате принятия Федерального закона от 28 декабря 2004 г. № 177-ФЗ «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ» инспекции были наделены полномочиями по исполнению указанного в законе наказания.

2009 г. На инспекции возложена функция по исполнению нового уголовного наказания в виде ограничения свободы в связи с принятием Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы».

2011 г. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» на инспекцию возложена функция по контролю за осужденными больными наркоманией, которым судом предоставлена отсрочка от отбывания наказания (ст. 82.1 УК РФ).

Этим же законом обусловливается новая веха в работе инспекций, так как появляется новая категория подучетных лиц – подозреваемые и обвиняемые, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста.

2012 г. На основании изменений, внесенных Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», на учетах в инспекциях появились лица, к которым применены принудительные меры медицинского характера.

2013 г. В соответствии с Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», на инспекции возложена функция по контролю за исполнением осужденными (к штрафу, лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным работам, исправительным работам или ограничению свободы) обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. В результате принятия данного закона сложилась достаточно парадоксальная ситуация – осужденные к штрафу, которым

судом была назначена обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию, одновременно состоят на учете и у судебных приставов, и в инспекциях, что в отдельных случаях, в связи с разной ведомственной принадлежностью данных учреждений, приводит к проблемам при осуществлении контроля за этими осужденными.

2018 г. Помимо контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста, на учете в инспекциях появляются подозреваемые и обвиняемые, к которым применены такие меры пресечения, как залог и запрет определенных действий. Новая функция возложена на инспекции на основании Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста».

2021 г. Указом Президента РФ от 2 марта 2021 г. № 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» к основным задачам ФСИН России был отнесен контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания (возложено на инспекции).

2024 г. С 1 января вступили в силу нормы об исполнительной пробации (возложено на инспекции) Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

2025 г. С 1 января вступят в силу нормы о постпенитенциарной пробации (возложено на инспекции) Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Таким образом, мы видим, что инспекции являются учреждениями уголовно-исполнительной системы, список полномочий которых постоянно и неуклонно расширяется. При этом выдвигаются идеи о возложении дополнительных функций на инспекции, например, по осуществлению контроля за лицами, которые были освобождены от отбывания наказания по болезни [9. С. 82].

Ежедневно сотрудники инспекций осуществляют мероприятия, требующие значительного количества времени: постановку лиц на учет, проведение первоначальной беседы, участие сотрудника инспекции в судебных заседаниях, приводы осужденных в инспекцию, доставку подозреваемых (обвиняемых), находящихся под домашним арестом, в органы следствия, дознания или суд, проводить проверки по месту жительства, работы и учебы подучетных лиц, заниматься трудоустройством и проведением первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденных, уклоняющихся от контроля, своевременно реагировать на сигналы электронных средств контроля, регулярно вносить сведения в автоматизированную базу учета подконтрольных лиц, контролировать прохождение осужденными курса лечения от наркомании, медицинской и социальной реабилитации,

¹ Итоги деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации за 2023 год. URL: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2024).

оказывать помощь осужденным в социальной адаптации, составлять протоколы об административных правонарушениях в отношении лиц, не исполняющих законные требования сотрудников инспекции или препятствующих исполнению ими их служебных обязанностей, следить за состоянием автотранспорта и многое другое.

Помимо повседневных обязанностей инспекции выполняют и иные работы. Например, как следует из Итогов деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации за 2023 г., при содействии инспекций социальная помощь оказана 204 958 осужденным к наказаниям без изоляции от общества, из них 5 893 несовершеннолетним. В течение 2023 г. регулярно проводились совместные с органами внутренних дел Российской Федерации мероприятия по контролю за исполнением осужденными установленных судом обязанностей и ограничений в виде рейдов, проверок по месту жительства, работы или учебы. Всего осуществлено 186 686 таких мероприятий, которыми охвачено 807 018 осужденных, выявлено 26 537 нарушителей порядка отбывания наказания. В целях своевременного обмена сведениями о привлечении подучетных инспекции лиц к уголовной и административной ответственности организована и проведена работа по предоставлению инспекциям санкционированного удаленного доступа к информационным ресурсам МВД России, в том числе к модулю «Административная практика» Сервиса обеспечения охраны общественного порядка единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. Продолжена работа по организации взаимодействия с институтами гражданского общества.

В настоящее время на учетах инспекций состоят самые различные категории лиц, каждая из которых обладает специальным уникальным правовым статусом:

- несовершеннолетние осужденные (подозреваемые, обвиняемые);
- осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- осужденные к обязательным работам;
- осужденные к исправительным работам;
- осужденные к ограничению свободы;
- условно осужденные;
- осужденные с отсрочкой отбывания наказания до достижения ребенком 14-летнего возраста;
- осужденные, страдающие наркоманией, с отсрочкой отбывания наказания;
- осужденные, к которым применены принудительные меры медицинского характера;
- осужденные к штрафу, имеющие обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию;
- осужденные, в отношении которых осуществляется исполнительная пробация;
- сужденные, в отношении которых осуществляется постпенитенциарная пробация (с 1 января 2025 г.);

– условно-досрочно освобожденные;

– подозреваемые или обвиняемые, в отношении которых судом избраны меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий, залога.

Все эти категории наделены самостоятельными субъективными правами, юридическими обязанностями и законными интересами, реализация которых требует от сотрудника инспекции значительного времени и высокой квалификации. Естественно, что с каждой категорией подучетных лиц должна проводиться индивидуальная независимая работа, что является дополнительной нагрузкой на сотрудников.

В этой связи возникает резонный вопрос – выдержат ли инспекции, в сегодняшнем состоянии, существующий объем нагрузки?

Одним из факторов, негативно влияющих на качество профилактической работы, является растущий некомплект личного состава – 11,27% (в некоторых субъектах некомплект достигает 20–30%). В зависимости от региона, с учетом территориальной удаленности, в отдельных инспекциях средняя нагрузка на одного инспектора достигает от 70 до 200 человек, что не может считаться приемлемым с точки зрения эффективного исполнения возложенных на сотрудников инспекций функций. Высокая нагрузка и отсутствие в ряде случаев эффективного ведомственного контроля со стороны аппаратов территориальных органов ФСИН России и руководства учреждений, исполняющих наказания без изоляции от общества, приводят к фактам нарушений законности и совершения сотрудниками преступлений¹.

Вместе с тем следует отметить, что работа по решению проблемы некомплекта ведется. Так, в целях реализации Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сформирована соответствующая штатная структура, организовано обучение личного состава. В организационно-штатные расписания территориальных органов ФСИН России введены отделы (отделения, группы) исполнительной и постпенитенциарной пробации; в инспекциях – отделы (отделения, группы) пробации. Для решения задач исполнительной и постпенитенциарной пробации ФСИН России выделено 1 032 должности, из них: 156 – для аппаратов управлений, 876 – для инспекций.

Однако по-прежнему остаются нерешенными ряд проблем в деятельности инспекций. Среди них можно выделить следующие:

- некомплект (недостаточная штатная численность) сотрудников инспекций;
- в отдельных случаях обслуживание филиалом инспекции одновременно нескольких районов (удаленность, проблемы с посещением подучетных лиц, дополнительные расходы и пр.);
- доставка подозреваемых и обвиняемых, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста, в органы следствия и суд на транспорте инспекции (осу-

¹ Обзор об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2023 году (опубликован не был).

ществляется зачастую офицерским составом (в отдельных случаях на личном транспорте), занимает много времени, отвлекает от основной работы);

– проблемы с применением технических средств надзора и контроля [10];

– недостаточная материальная обеспеченность инспекций (проблемы с канцтоварами, бензином, запасными частями к служебным автомобилям, многие из которых находятся (в силу возраста) в ненадлежащем техническом состоянии);

– отсутствие в штатах инспекции кадровых работников, специалистов в тыловом обеспечении. В результате данные функции возлагаются на рядовых инспекторов, не обладающих необходимой квалификацией;

– крайне большой объем делопроизводства в инспекции, препятствующий непосредственному исполнению основных обязанностей, в том числе и по контролю за подучетными лицами;

– отсутствие у инспекции реальных (существенных) «рычагов» воздействия к лицам, допускающим нарушения порядка и условий отбывания наказания (меры пресечения);

– отсутствие необходимых подзаконных нормативных правовых актов (например, на нормативно-правовом уровне отсутствует порядок осуществления контроля за лицами, освобожденными условно-досрочно).

Сложившаяся ситуация является серьезным вызовом для уголовно-исполнительной системы в частности и всего государства в целом и может привести к негативным последствиям в сфере исполнения наказаний. Требуется существенная работа по совершенствованию проводимой государством политики в деятельности инспекций по следующим возможным направлениям:

– решение кадровой проблемы инспекций;

– повышение квалификации сотрудников с учетом новых функций инспекций;

– улучшение материально-технического обеспечения инспекций;

– сокращение (оптимизация) документооборота;

– реорганизация с учетом разнонаправленной работы инспекций (исполнение наказаний, контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, осуществление социальной, психологической и воспитательной работы).

Список источников

1. Маликов Б.З. Уголовно-исполнительным инспекциям – 100 лет // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 3. С. 233–239.
2. Смирнова И.Н. Некоторые аспекты реализации концептуальных положений развития уголовно-исполнительской системы в сфере функционирования уголовно-исполнительных инспекций // Закон и право. 2022. № 3. С. 198–201.
3. Уткин В.А. Европейские правила о probation и проблемы их реализации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 1 (3). С. 45–50.
4. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М. : Penal Reform International, 2013. 66 с.
5. Шамсунов С.Х., Лакина И.А. Современные меры пресечения в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Человек: преступление и наказание. 2019. № 1. С. 71–75.
6. Южанин В.Е., Григорян И.Г. О понятии содействия государственных органов и общественности в работе уголовно-исполнительных инспекций // Человек: преступление и наказание. 2019. № 1. С. 27–32.
7. Бякина С.И. Воспитательная работа с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, как основное средство их исправления // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 64–67.
8. Ольховик Н.В. Организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 70–74.
9. Елисеева Т.Н. Проблемные вопросы контроля за лицами, освобождаемыми от отбывания наказания по болезни // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, Самара, 01–02 июня 2023 года. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. С. 80–82.
10. Грушин Ф.В., Белова Е.Ю. Некоторые проблемные аспекты применения электронных средств контроля в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Уголовно-исполнительская система: реалии и перспективы развития : материалы междунар. заочной научно-практической конференции. Псков, 31 мая 2019 года. Псков : Псковский филиал Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 52–55.

References

1. Malikov, B.Z. (2019) Ugolovno-ispolnitel'nym inspeksiyam – 100 let [Penal Inspectorates Are 100 Years]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 3. pp. 233–239.
2. Smirnova, I.N. (2022) Nekotorye aspekty realizatsii kontseptual'nykh polozheniy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v sfere funktsionirovaniya ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksiy [Some Aspects of the Implementation of Conceptual Provisions for the Development of the Penal System in the Sphere of Functioning of Penal Inspectorates]. *Zakon i pravo*. 3. pp. 198–201.
3. Utkin, V.A. (2012) Evropeyskie pravila o probatsii i problemy ikh realizatsii [European Rules on Probation and Problems of Their Implementation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 1 (3). pp. 45–50.
4. Utkin, V.A. (2013) Al'ternativnye sanktsii v Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy [Alternative Sanctions in Russia: State, Problems and Prospects]. Moscow: Penal Reform International.
5. Shamsunov, S.Kh. & Lakina, I.A. (2019) Sovremennye mery presecheniya v deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksiy [Modern Measures of Restraint in the Activities of Penal Inspectorates]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 1. pp. 71–75.
6. Yuzhanin, V.E. & Grigoryan, I.G. (2019) O poniatii sodeystviya gosudarstvennykh organov i obshchestvennosti v rabote ugolovno-ispolnitel'nykh inspeksiy [On the Concept of Assistance of State Bodies and the Public in the Work of Penal Inspectorates]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 1. pp. 27–32.
7. Byakina, S.I. (2020) Educational Work With Convicts Registered in Penal Inspectorates as the Main Means of Their Correction. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 15. pp. 64–67. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/15/12
8. Ol'khovik, N.V. (2013) Organization of the activities of penal inspectorates. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (1). pp. 70–74. (In Russian).
9. Eliseeva, T.N. (2023) [Problematic Issues of Control Over Persons Released From Serving a Sentence Due to Illness]. Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyy opyt [Penitentiary Security: National Traditions and Foreign Experience]. Conference Proceedings. Samara. 01–02 June 2023. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 80–82. (In Russian).
10. Grushin, F.V. & Belova, E.Yu. (2019) [Some Problematic Aspects of the Use of Electronic Means of Control in the Activities of Penal Inspectorates]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: realii i perspektivi razvitiya* [Penal System: Realities and Development Prospects]. Proceedings of the International

Conference. Pskov. 31 May 2019. Pskov: Pskov branch of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 52–55. (In Russian).

Информация об авторе:

Грушин Ф.В. – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России (Москва, Россия). E-mail: fedor062@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

F.V. Grushin, Dr. Sci. (Law), docent, chief research fellow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: fedor062@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

*The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОБАЦИИ, ПРИМЕНЯЕМОЙ
В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ И ИНЫЕ МЕРЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА**

Артур Анатольевич Дорожинский¹

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю, Барнаул, Россия, dorozhinskii-1995@mail.ru

Аннотация. Создание и развитие отечественной системы пробации обусловлено проводимой уголовно-исполнительной политикой, направленной на гуманизацию отбывания осужденными уголовных наказаний. Актуальность данного исследования обусловливается тем, что на сегодняшний день в научной литературе отсутствует описание изучаемых в настоящем исследовании особенностей теоретических основ исполнительной пробации. Контент-анализ исполнительной пробации, применяемой в отношении осужденных, отывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции от общества, позволил установить ряд существенных недочетов, содержащихся в основных признаках самого понятия «исполнительная пробация». В связи с чем автором данной статьи было разработано и предложено собственное определение с индивидуальными признаками, раскрывающими понятие «исполнительная пробация».

Ключевые слова: исполнительная пробация, осужденный, наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции от общества, уголовно-исполнительная инспекция

Для цитирования: Дорожинский А.А. Теоретические основы исполнительной пробации, применяемой в отношении осужденных, отывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции от общества // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 102–106. doi: 10.17223/23088451/24/17

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/17

THEORETICAL FOUNDATIONS OF EXECUTIVE PROBATION APPLIED TO CONVICTS SERVING SENTENCES AND OTHER CRIMINAL-LAW MEASURES WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

Artur A. Dorozhinskiy¹

¹ Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Altai Krai, Barnaul, Russian Federation, dorozhinskii-1995@mail.ru

Abstract. Executive probation is a set of necessary and legal measures, methods and instruments of a social and legal nature applied by penal inspectorates in relation to persons in a difficult life situation that objectively disrupts the life of the convict (disability, inability to self-care due to old age, illness, orphanhood, neglect, poverty, unemployment, lack of a fixed place of residence, conflicts and cruel treatment in the family, loneliness, etc.), which one cannot overcome independently while serving a sentence and other criminal-law measures not related to the convict's isolation from society (with the exception of those sentenced to a fine imposed as the main punishment and to forced labor).

Keywords: executive probation, convict, punishments and other criminal-law measures without isolation from society, penal inspectorate

For citation: Dorozhinskiy, A.A. (2024) Theoretical foundations of executive probation applied to convicts serving sentences and other criminal-law measures without isolation from society. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 102–106. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/17

Уголовно-исполнительная система (далее – УИС) на всех этапах своего исторического развития постоянно трансформировалась, и современный ее этап, который начался в начале XXI в., не стал исключением для этих трансформаций. На сегодняшний день УИС России меняет свой привычный и устоявшийся организационно-правовой облик посредством внедрения в нее правовых новелл, появление которых было продиктовано социально-правовыми веяниями в современном российском обществе, затрагивающими различные сферы его жизнедеятельности, а также активной гуманизации уголовно-исполнительной

политики в части исполнения (отбывания) уголовных наказаний, в том числе и не связанных с изоляцией от общества. Кроме того, основные векторы активного изменения УИС определены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. [1].

В.А. Уткин отмечает: «В содержании Концепции усматриваются две группы разных, хотя и тесно взаимосвязанных целей: цели функционирования уголовно-исполнительной системы и цели её устойчивого развития. Первые отражают роль УИС в государстве и обществе в

обеспечении его безопасности от преступных посягательств (желаемые результаты “для общества”), а вторые – планируемые результаты преобразований в самой системе и для системы (результаты “для себя”) [2. С. 114].

Так, одним из таких абсолютно новых преобразований уголовно-исполнительного законодательства является внедрение в современную УИС отечественной пробыации, принятой Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ [3] (далее – Закон о пробации).

А.П. Скиба считает: «С одной стороны, положения Закона о пробации логически вписываются в положения ч. 1 ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [4] о том, что уголовно-исполнительное законодательство РФ состоит из самого УИК и других федеральных законов. С другой же стороны, данный закон расширяет, в сравнении с текущим законодательством, организационно-правовые основы взаимодействия учреждений и органов, исполняющих наказания, других государственных органов, осужденных, субъектов общественного воздействия и иных участников уголовно-исполнительных правоотношений, а также создает предпосылки дальнейшего развития уголовно-исполнительного права» [5].

Н.С. Малолеткина выражает следующее мнение: «Она обуславливает актуальность принятия данного Закона о пробации не столько необходимости введения как такого института пробации, сколько с его помощью повышением эффективности исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как целей применения наказаний и целей уголовно-исполнительского законодательства» [6]. С мнением указанных авторов со-лидарны и ряд других исследователей, занимающихся данной проблематикой [7].

Разделяем позицию авторов относительно возможной практической значимости применения в уголовно-исполнительном законодательстве пробации в целом и ее отдельных видов в частности при условии, что все субъекты пробации будут способны функционировать как единый и взаимосвязанный механизм всей уголовно-исполнительной системы.

Между тем мы считаем, что интерпретация и содержание некоторых отдельных положений анализируемого Закона о пробации не в полной мере соответствуют настоящей уголовно-исполнительной действительности и не способны в существующем виде эффективно удовлетворить потребности общества и государства в части предупреждения рецидивной преступности среди осужденных без изоляции от общества. Так, в ходе исследования в определенную зону критики попало закрепленное в Законе о пробации содержание понятия «исполнительная пробация».

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 5 Закона о пробации, под исполнительной пробацией необходимо понимать тот ее вид, представляющий собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного

наказания, и принудительным работам) и иных мер уголовно-правового характера.

На наш взгляд, рассмотрение основных признаков исполнительной пробыации должно производиться под призмой тщательного правового и этимологического анализа, так как от точной юридической и лингвистической оценки в будущем будет зависеть эффективность применения рассматриваемого вида пробыации в уголовной и уголовно-исполнительной практике.

Согласно толковому словарю русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, слово «исполнительный» означает существование какого-то субъекта, чьей основной задачей является исполнение чего-либо [8. С. 401]. Также имеются и иные значения данного слова, например: приводящий в исполнение решение, постановление; практически осуществляющий управление чем-нибудь [9. С. 201].

Соответственно, можно сделать вывод о том, что значение термина «исполнительная», содержащееся в понятии «исполнительная пробыация», фактически означает исполнение или управление субъектами пробыации всех тех мер, которые могут входить в их инструментарий. Также такое наименование данного вида пробыации можно объяснить тем, что основным субъектом применения исполнительной пробыации выступает уголовно-исполнительная инспекция.

Контент-анализ отдельных законодательных положений позволяет сделать несколько выводов.

1. Исполнительная пробыация включает в себя совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. В этой связи возникает ряд вопросов:

во-первых, из содержания понятия не совсем ясно, что именно законодатель включает в совокупность мер, применяемых УИИ. Также неясно, носят ли данные меры исчерпывающий характер или же их вариация и функционал ничем не ограничены и уголовно-исполнительная инспекция (далее – УИИ) вправе применять собственные меры?

В положениях Закона о пробыации не закреплен перечень каких-либо конкретных мер. Однако в ст. 32 Федерального закона закреплен перечень мероприятий, подлежащих включению в индивидуальную программу по работе с осужденными.

К таким мероприятиям законодатель отнес: восстановление и формирование социальных связей; консультирование по социальным и правовым вопросам; оказание психологической помощи; содействие в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации; в получении пособия по безработице; государственной социальной помощи на основании социального контракта в соответствии с законодательством Российской Федерации; обеспечении медицинской помощи; в получении пенсионного обеспечения и иной помощи.

Исходя из вышесказанного, логично возникает следующий вопрос: можно ли утверждать о том, что законодатель, используя в понятии «исполнительная пробыация» формулировку «применение совокупности мер»,

учитывая тот факт, что нет конкретизации данных мер, подразумевал под ними именно те мероприятия, которые закреплены в статье Закона о пробации? Дело в том, что если обращаться к юридической этимологии, то такие понятия, как «мера» и «мероприятие», несмотря на их общий корень, не совсем тождественны.

На наш взгляд, под мероприятием следует понимать совокупность действий, нацеленных на выполнение, как правило, одной и нескольких задач, а меры – это некое средство, инструмент или прием для достижения какой-либо поставленной цели. То есть с помощью имеющихся мер можно провести то или иное мероприятие.

Анализ иных нормативных актов, регулирующих сферу пробации, также не позволил обнаружить конкретных закрепленных мер, которые бы могли применять УИИ в своей деятельности. В связи с этим делаем вывод о том, что законодатель решил осознанно предоставить УИИ право выбирать меры по своему усмотрению, что, с одной стороны, не ограничивает ее в своей организационно-правовой деятельности, а с другой стороны, лишает вектора, который бы позволял находиться в заданном правовом поле при выборе таких мер, что исключало бы возможность ограничения прав лиц, в отношении которых будет применяться исполнительная пробация.

Далее рассмотрим такой признак, как «трудная жизненная ситуация», в которой может находиться лицо в период применения в отношении него исполнительной пробации.

Согласно Закону о пробации, под трудной жизненной ситуацией следует понимать «обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно». В данном определении законодатель вновь не дает никакой конкретики относительно обстоятельств, совсем не ясно, какие именно обстоятельства могут спровоцировать создание у осужденного трудной жизненной ситуации.

Например, в утратившем свою силу Федеральном законе от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» [10] законодатель давал иное более конкретное определение понятия «трудная жизненная ситуация», а именно под этим он понимал ситуацию, объективно нарушающую жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и т.п.), которую он не может преодолеть самостоятельно. В конкретном случае перечисленные обстоятельства могут являться некоторыми критериями оценки или индикаторами, позволяющими назвать складывающуюся ситуацию, в которой находится лицо, имея одно из закрепленных обстоятельств, трудной жизненной ситуацией.

В Федеральном законе от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [11], принятом после отмены Феде-

рального закона № 195-ФЗ, также закреплен ряд обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности лица: самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности; наличие в семье инвалида или инвалидов, в том числе ребенка-инвалида или детей-инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе; наличие ребенка или детей (в том числе находящихся под опекой, попечительством), испытывающих трудности в социальной адаптации; наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами, наличие насилия в семье; отсутствие определенного места жительства, отсутствие работы и средств к существованию и иные обстоятельства.

Однако ничего подобного не имеется в определении понятия «трудная жизненная ситуация» в Законе о пробации, что не исключает констатацию того факта, что законодатель вновь наделил УИИ правом самостоятельно определять обстоятельства, подпадающие под понятие трудной жизненной ситуации.

Более того, на наш взгляд, имеются логические недочеты в построении юридической конструкции самого понятия «трудная жизненная ситуация», которые могут исказить его толкование для субъектов правоприменения.

Так, в самом определении понятия «трудная жизненная ситуация» говорится о том, что существуют некие обстоятельства, ухудшающие условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, т.е. по факту, исходя из данной дословной формулировки, эти обстоятельства появляются в тот момент, когда уже применяется пробация, которая, в свою очередь, обладая комплексом профилактических мер, не должна допустить создание такой ситуации. Более того, по логике вещей существование самой трудной жизненной ситуации, в которой может находиться лицо, должно быть одним из оснований применения в отношении него исполнительной пробации, но никак не одним из возможных последствий ее применения.

2. Анализ признаков понятия «исполнительная пробация» позволяет сделать вывод о том, что она может применяться исключительно в отношении конкретной категории лиц, а именно осужденных, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции от общества. Согласно ст. 16 УИК РФ, к уголовным наказаниям без изоляции общества, которые исполняют непосредственно УИИ, являются: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы.

Также УИИ осуществляет контроль за условно осужденными лицами и осужденными, которым назначена отсрочка отбывания наказания в соответствии со ст. 82, 82.1 УК РФ. В этой части понятия не возникает особых проблем, на наш взгляд, вполне логично и оправдано, что УИИ имеет право применять исполнительную пробацию в отношении вышеуказанных категорий осужденных.

Таким образом, исходя из анализа основных признаков понятия «исполнительная пребадия», считаем необходимым внести в него корректировки уточняющего характера. В связи с этим предлагаем авторское определение понятия: «Исполнительная пребадия – это комплекс необходимых и законных мер, способов и инструментов социально-правового характера, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, объективно нарушающей жизнедеятельность осужденного (инвалид-

ность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и т.п.), которую он не может преодолеть самостоятельно, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера».

Список источников

1. О Концепции развития уголовно-исполнительской системы Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-Р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2024).
2. Уткин В.А. «Концепция 2030» и Закон об уголовно-исполнительной системе // Уголовное право как средство управления обществом. Liber amicorum: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 17 марта 2022 года. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 114–121.
3. О пребадии в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2024).
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. с 11.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2024).
5. Скиба А.П. Направления развития уголовно-исполнительного права с учетом принятия Федерального закона «О пребадии в Российской Федерации» // Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск, 16–17 марта 2023 года. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2023. С. 200–206.
6. Малолеткина Н.С., Скиба А.П. Федеральный закон «О пребадии в Российской Федерации» сквозь призму новых подходов в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Преступление, наказание, исправление : материалы VI Международного пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Рязань, 15–17 ноября 2023 года. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. С. 80–83.
7. Скиба А.П., Петрянин А.В., Коробова И.Н. Международный круглый стол «Система пребадии в Российской Федерации: уголовно-исполнительные и иные аспекты» (18 ноября 2022 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1–4), № 4. С. 543–552.
8. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 785 с.
9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2013. 809 с.
10. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ (последняя редакция) (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.06.2024).
11. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.06.2024).

References

1. Consultant Plus. (2024) *On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation Until 2030. Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021, No. 1138-R. SPS "Konsul'tantPlyus"*. (Accessed: 01.06.2024). (In Russian).
2. Utkin, V.A. (2022) ["Concept 2030" and the Law on the Penal System]. *Ugolovnoe pravo, kak sredstvo upravleniya obshchestvom. Liber amicorum* [Criminal Law as a Means of Governing Society. Liber Amicorum]. Conference Proceedings. Moscow. 17 March 2022. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. pp. 114–121. (In Russian).
3. Consultant Plus. (2024) *On Probation in the Russian Federation: Federal Law of 06.02.2023 No. 10-FZ. SPS "Konsul'tantPlyus"*. (Accessed: 01.06.2024). (In Russian).
4. Consultant Plus. (2024) *Penal Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-Fz (As Amended on 24.06.2023 and 11.12.2023)*. SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 01.06.2024). (In Russian).
5. Skiba, A.P. (2023) [Directions for the Development of Penal Law Taking Into Account the Adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation"]. *Tseli nakazaniya: ugolovnye, ugolovno-ispolnitel'nye, kriminologicheskie i inye aspekty (otechestvennyy i zarubezhnyy opyt)* [Purposes of Punishment: Criminal, Penal, Criminological and Other Aspects (Domestic and Foreign Experience)]. Proceedings of the International Conference. Blagoveschensk. 16–17 March 2023. Blagoveschensk: Amur State University. pp. 200–206. (In Russian).
6. Maloletkina, N.S. & Skiba, A.P. (2023) [Federal Law "On Probation in the Russian Federation" Through the Prism of New Approaches in Penal Law]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Proceedings of the VI International Penitentiary Forum. Ryazan. 15–17 November 2023. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 80–83. (In Russian).
7. Skiba, A.P., Petryanin, A.V. & Korobova, I.N. (2022) Mezdunarodnyy kruglyy stol "Sistema probatsii v Rossiyskoy Federatsii: ugolovno-ispolnitel'nye i inye aspekty" (18 noyabrya 2022 g.) [International Round Table "Probation System in the Russian Federation: Penal and Other Aspects" (November 18, 2022)]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 17 (1–4):4. pp. 543–552.
8. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
9. Ushakov, D.N. (2013) *Tolkovyy slovar' sovremenennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Adelant.
10. Consultant Plus. (2024) *On the Fundamentals of Social Services to the Population in the Russian Federation: Federal Law of 10.12.1995 No. 195-FZ (Latest Revision) (No Longer in Effect)*. SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 02.06.2024). (In Russian).
11. Consultant Plus. (2024) *On the Fundamentals of Social Services to Citizens in the Russian Federation Federal Law of 28.12.2013 No. 442-FZ (Latest Revision)*. SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 02.06.2024). (In Russian).

Информация об авторе:

Дорожинский А.А. – соискатель, старший инспектор штаба главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю (Барнаул, Россия). E-mail: dorozhinskii-1995@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Dorozhinskiy, non-degree applicant, senior inspector of the Headquarters of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Altai Krai (Barnaul, Russian Federation). E-mail: dorozhinskii-1995@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

К ВОПРОСУ О ВИДАХ РЕЖИМА УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ**Олег Николаевич Уваров¹**¹ Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, o-uvarov@mail.ru

Аннотация. Содержание в местах лишения свободы различных по своим социально-демографическим и криминологическим характеристикам осужденных (должностных и экономических преступников, террористов и сбытчиков наркотиков, осужденных за убийства и педофилов) обуславливает также и проблему дифференциации условий отбывания лишения свободы. Осужденных с «социализированной» личностью вполне обоснованно рассматривать как лиц с наименьшей криминальной опасностью, а следовательно, и с наиболее выраженной возможностью применения к ним более мягких видов наказания или по крайней мере характеризующихся отсутствием повторной преступной деятельности.

Ключевые слова: исправительные учреждения, режим отбывания наказания, условия отбывания наказания, тюремный режим, осужденные к лишению свободы

Для цитирования: Уваров О.Н. К вопросу о видах режима учреждений, исполняющих лишение свободы // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 107–110. doi: 10.17223/23088451/24/18

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/18

ON THE TYPES OF REGIME IN INSTITUTIONS EXECUTING PRISON SENTENCES**Oleg N. Uvarov¹**¹ Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, o-uvarov@mail.ru

Abstract. Signs of a person's social danger can be divided into three groups: a "socialized" individual; an individual with "basic social" signs, and an "anti-socialized" individual. At the same time, the forms of satisfaction of any needs are directly dependent on a person's conditions of existence and psychological attitudes. A criminal might choose socially dangerous forms of their satisfaction in any case; however, a person's level of "socialization" or "anti-socialization" in this context may determine the convict's criminal danger in the aspect considered. In world penitentiary practice, three main types of penitentiary institutions have traditionally developed: "open", closed (guarded along the perimeter) and prison-type (prisons in the full sense of the word) institutions. Classifying a penitentiary institution into one of the above types is essentially determined by two criteria: a qualitatively different degree of isolation of convicts from society and the method of their internal organizational and spatial placement. Here it is quite appropriate to talk about deprivation of liberty both in "hybrid" correctional institutions for convicts with "basic social" characteristics and in "security institutions", that is, institutions for holding "anti-socialized" convicts. The latter institutions now are, for example, special regime corrective colonies for holding those sentenced to life imprisonment, prisons, as well as corrective institutions for those who occupy the highest position in the criminal hierarchy. It is quite reasonable to consider "socialized" convicts as individuals with the least criminal danger and, consequently, with the most pronounced possibility of applying more lenient types of punishment to them, or, at least, as those without repeated criminal activities.

Keywords: corrective institutions, regime of serving sentence, conditions of serving sentence, prison regime, sentenced to imprisonment

For citation: Uvarov, O.N. (2024) On the types of regime in institutions executing prison sentences. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 107–110. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/17

Общеизвестно, что исправительные колонии подразделяются на колонии-поселения, исправительные колонии общего режима, исправительные колонии строгого режима, исправительные колонии особого режима, где могут создаваться изолированные участки с различными видами режима, а также изолированные участки, функционирующие как тюрьма [1]. Тюрьмы, как и исправительные колонии, отнесены к исправительным учреждениям.

Далее в рассматриваемом нами аспекте, именно об этих исправительных учреждениях и пойдет речь.

Говоря о видах режима исправительных учреждений, следует подчеркнуть, что в системе наказаний наиболее значимым недостатком отмечается «избыточность» лишения свободы, отсутствие необходимой «ступенчатости» («прогрессивной» системы), учитывающей необходимость наказания, «промежуточного»

между «свободой» и «несвободой» [2. С. 9]. Содержание в местах лишения свободы различных по своим социально-демографическим и криминологическим характеристикам осужденных (должностных и экономических преступников, террористов и сбыгчиков наркотиков, осужденных за убийства и педофилов) обуславливает также и проблему дифференциации условий отбывания лишения свободы [3].

Разумеется, необходимы и дополнения в порядок организации отбывания наказания, касающиеся, в первую очередь, структуры мест лишения свободы. Здесь, на наш взгляд, важным является, во-первых, переход к исправительным учреждениям «гибридного» типа, соединяющим в себе колонийские (с проживанием осужденных в общежитиях) и тюремные условия содержания (с содержанием в камерах в строгой изоляции), а во-вторых, при сохранении принципа раздельного содержания различных категорий осужденных отказ от многочисленной градации режимов и условий содержания, делающей действующую систему отбывания лишения свободы громоздкой, неуправляемой и неэффективной [4].

По общему правилу средства исправления к осужденным применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, личности осужденных и их поведения [1]. Прежде всего, набор таких средств зависит от конкретного вида наказания, примененного к осужденному. То есть этот набор бесспорно будет значительно отличаться, например, при исполнении наказания в виде лишения свободы и наказания, с ним не связанного. Однако и при исполнении лишения свободы такие характеристики средств исправления должны также различаться. Различия обусловлены как минимум видами режима исправительных учреждений и условиями отбывания наказания внутри каждого из них. В данном случае реализуются принципы уголовно-исполнительского законодательства о дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения.

Рассматривая условия отбывания лишения свободы (обычные, строгие, облегченные) в одном исправительном учреждении, следует обратить внимание на то, что эти условия определяются количеством свиданий, посылок, передач, телефонных переговоров, наличием денег на счетах и возможностью их тратить, при этом, как правило, строгие условия отличаются, кроме того, отбыванием наказания в запираемом помещении (общежитии). Если рассматривать условие как обстановку, в которой происходит или осуществляется что-либо [5], то приведенные отличия вполне приемлемы и отвечают предназначению. Однако если условие рассматривать как правила, установленные в какой-либо области жизни или деятельности [5], то достаточность приведенных отличий вызывает сомнение хотя бы потому, что в данном случае условие приобретает признаки режима (порядка), а в этом случае «количество посылок» режим не обуславливает. Режим отбывания лишения свободы должен определяться, помимо обстановки, строгостью порядка отбывания лишения свободы.

Ведь режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания [1].

Иными словами, более строгий режим от более мягкого должен отличаться как минимум наличием охраны, степенью изоляции осужденных, надзором за ними, возложенными на них обязанностями, раздельным содержанием разных категорий осужденных.

Если говорить о тюрьме, то тут более строгий режим определяется камерным содержанием. Колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, также отличаются режимом содержания осужденных, ведь ни для кого не секрет, что это специальные условия режима – достаточно жесткие и не исключающие также и камерного содержания. Здесь присутствуют и особенности надзора, особый набор обязанностей осужденных и порядок их раздельного содержания.

Колонии же строгого и общего режимов в настоящее время имеют отличия, как и условия отбывания наказания, в количестве свиданий, посылок, передач, телефонных переговоров и в возможности тратить деньги. Однако эти обстоятельства прямо отнести к режиму представляется затруднительным.

Действующим законодательством различие видов режима исправительных учреждений основывается на тяжести совершенного преступления и наличии рецидива преступлений. Эти обстоятельства, как правило, напрямую связываются с общественной опасностью личности осужденного. В этом случае вполне обоснованно полагать, что наиболее «криминально зараженные» осужденные – это те, которые совершили большее количество преступлений по сравнению с остальными. Однако это не так. Ведь «занятие высшего положения в преступной иерархии» никоим образом не связывается с количеством совершенных преступлений, иначе бы все «чемпионы» по количеству совершенных преступлений и занимали бы такое положение.

Очевидно, что личность осужденного, безусловно, определяет его преступное поведение, но это ее внутреннее содержание, а не внешние проявления преступного поведения, в том числе и характеризующиеся рецидивом. Понятие личности тесно связано с учением о мотивациях и потребностях. Ведь общеизвестно, что человека побуждают к действию именно потребность и мотивация. Мотив – это материальный или идеальный «предмет», который побуждает и направляет на себя деятельность или поступок, смысл которых состоит в том, что с помощью мотива удовлетворяются определенные потребности субъекта [6]. Потребность – надобность, нужда в чем-нибудь, требующая удовлетворения [5].

Итак, мотив обуславливается потребностью и как следствие порождает умысел. Врожденные качества и способности человека, его воспитание, образование, культура создают вполне определенные психологические установки, руководящие любым человеком на протяжении всей его жизни. Потребности, имея вполне определенную иерархию, непосредственно связаны с социальной средой. Поскольку потребности требуют реализации, то выбор средств продиктован условиями существования, которые способствуют выбору возможных форм удовлетворения потребностей наряду с установками и уровнем реализации потребностей человеком [7].

Низшие потребности (физиологические) при доминировании потребности в безопасности определяют общий «базовый» уровень развития личности на основе потребностей. Сюда также можно отнести и саму потребность в безопасности и потребность в идентификации (т.е. в любви и дружбе).

Высшие потребности, в свою очередь, определяются стремлением к самоактуализации. Это потребности в уважении и престиже и, наконец, в самореализации и самоактуализации. А они, в зависимости от условий существования и психологических установок, могут быть реализованы как социальным ростом личности – образование, социальное положение, духовное и эстетическое развитие и т.д., так и антисоциальным – посредством асимиляции в преступном сообществе, росте в этой среде, самовыражении, реализации целей и т.п.

Исходя из сказанного, следует обратить внимание на наличие признаков общественной опасности личности в зависимости от уровня реализации ее потребностей. Эти признаки условно можно разделить на три группы: «социализированная» личность; личность с «базовыми социальными» признаками и «антисоциализированная» личность.

Здесь следует иметь в виду, что формы удовлетворения любых потребностей находятся в прямой зависимости от условий существования и психологических

установок личности. Нельзя исключать приискание преступником общественно опасных форм их удовлетворения в любом случае, однако при этом представляется, что уровень «социализации» либо «антисоциализации» личности в этом смысле определяет криминальную опасность личности осужденного в рассматриваемом нами аспекте.

В мировой пенитенциарной практике традиционно сложилось три основных вида пенитенциарных учреждений: «открытые» учреждения, закрытые (охраняемые по периметру) и учреждения тюремного типа (тюрьмы в полном смысле этого слова). Отнесение пенитенциарного учреждения к одному из указанных выше видов, по сути, определяется двумя критериями: качественно отличной степенью изоляции осужденных от общества и способом их внутреннего организационно-пространственного размещения [8. С. 105].

Здесь вполне уместно говорить и о лишении свободы как в исправительных учреждениях «гибридного» типа [4] для осужденных, имеющих личность с «базовыми социальными» признаками, так и в «учреждениях безопасности» [9], т.е. учреждениях для содержания осужденных, имеющих «антисоциализированную» личность.

Уже сейчас это, например, исправительные колонии особого режима для содержания осужденных к пожизненному лишению свободы, тюрьмы, а также исправительные учреждения для тех лиц, кто занимает высшее положение в преступной иерархии.

Осужденных с «социализированной» личностью, на наш взгляд, вполне обоснованно рассматривать как лиц с наименьшей криминальной опасностью, а следовательно, и с наиболее выраженной возможностью применения к ним более мягких видов наказания или по крайней мере характеризующихся отсутствием повторной преступной деятельности.

Список источников

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2024).
2. Уткин В.А. Некоторые проблемы системы уголовных наказаний и их применения // Вестник Кузбасского института. 2014. № 2(19). С. 9–11.
3. Селиверстов В.И. О направлениях изменения концептуальных положений уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. Самара, 2019. С. 200–203.
4. Уткин В.А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 128–130.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. 798 с.
6. Большой психологический словарь / под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК ; М. : ОЛМА-Пресс, 2003. 517 с.
7. Назиров А.Э. Человек и его потребности : учебник. СПб. : Интермедиа, 2012. 439 с.
8. Уткин В.А., Киселев М.В., Савушкин С.М. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 103–113.
9. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 1999. 180 с.

References

1. Consultant Plus. (2024) *Penal Code of the Russian Federation of 08.01.1997 N 1-FZ (As Amended on 23.03.2024)*. SPS "Konsul'tantPlyus". (Accessed: 15.10.2024). (In Russian).
2. Utkin, V.A. (2014) Nekotorye problemy sistemy ugolovnykh nakazanij i ikh primeneniya [Some Problems of the System of Criminal Penalties and Their Application]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2 (19). pp. 9–11.
3. Seliverstov, V.I. (2019) [On the Directions of Changing the Conceptual Provisions of the Penal Policy of the Russian Federation]. *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyy opty* [Penitentiary Security: National Traditions and Foreign Experience]. Conference Proceedings. Samara. pp. 200–203. (In Russian).

4. Utkin, V.A. (2011) Foundations and Ways of Modernizing the Punishment System. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 349. pp. 128–130. (In Russian).
5. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
6. Meshcheryakov, B. & Znichenko, V. (eds) (2003) *Bol'shoy psichologicheskiy slovar'* [Large Psychological Dictionary]. St. Petersburg: Praym-EVROZNAK; Moscow: OLMA-Press.
7. Nazirov, A.E. (2012) *Chelovek i ego potrebnosti: uchebnik* [Man and His Needs: Textbook]. St. Petersburg: Intermediya.
8. Utkin, V.A., Kiselev, M.V. & Savushkin, S.M. (2018) "Hybrid" and "Multiregime" Penal Institutions: Advantages and Risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 103–113. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/29/9
9. Shchedrin, N.V. (1999) *Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti* [Introduction to the Legal Theory of Security Measures]. Krasnoyark: Krasnoyark State University.

Информация об авторе:

Уваров О.Н. – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации исполнения наказаний Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: o-uvarov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Uvarov, docent, Cand. Sci. (Law), professor, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o-uvarov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.241:343.575

doi: 10.17223/23088451/24/19

ПОНЯТИЕ И ПРИНЦИПЫ ПЕНАЛИЗАЦИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ

Камилла Магировна Алыева¹

¹ Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Россия,
kamilla-alyeva.1999@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена пенализации наркопреступлений. Обоснован вывод о самостоятельности пенализации как одной из форм уголовно-правовой политики государства. Проведен анализ имеющихся в юридической литературе понятий пенализации общественно опасных деяний. Автором сформулировано понятие пенализации наркопреступлений, а также раскрыты принципы пенализации, на которых строится процесс определения наказуемости наркопреступлений.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, пенализация, уголовное наказание, понятие пенализации, принципы пенализации

Для цитирования: Алыева К.М. Понятие и принципы пенализации наркопреступлений // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 111–115. doi: 10.17223/23088451/24/19

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/19

THE CONCEPT AND PRINCIPLES OF DRUG CRIMES PENALIZATION

Kamilla M. Alyeva¹

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation,
kamilla-alyeva.1999@mail.ru

Abstract. The article examines theoretical issues of one of the criminal law policy areas, namely, the penalization of socially dangerous acts in the field of illegal drug trafficking. At the beginning of the article, the author notes that the problem of illegal drug trafficking in the territory of Russia is one of the main threats to national security. Progressive drug trafficking over a long period of time has a destabilizing effect on both individual citizens and society as a whole. One of the ways to counter the dynamically developing drug trafficking is timely novelization and reform of criminal legislation. The author notes that it is in the process of penalization of drug crimes that the balance in the system of criminal-legal influence on persons committing socially dangerous acts in the sphere of illegal drug trafficking is maintained. As the author further states, in the existing scientific literature on criminal law, due attention has not been paid to the penalization of socially dangerous acts, and a single and unambiguous interpretation of this legal phenomenon has not been formed in the criminal-legal doctrine. In the article, the author presents various opinions of domestic legal scholars who consider the penalization of socially dangerous acts in its three different manifestations: as a process dependent on and occurring from criminalization, as a relatively independent process of reforming criminal legislation, and as a completely independent form of criminal-legal policy. Based on the analyzed research on this topic, the author formed the concept of penalization of drug crimes, which should be understood as an independent form of implementing the criminal law policy of the state and is expressed in determining the nature and degree of punishability of acts in the field of illegal drug trafficking and its toughening in certain cases at the legislative level, as well as in the direct imposition of criminal punishment in the course of law enforcement practice for drug crimes. In the continuation of the article, the author considers the issue of establishing the principles of penalization of drug crimes, among which she proposes to pay special attention to the principle of differentiation of responsibility, the principle of compliance of the sanction with the nature and degree of the crime's public danger, and the principle of compliance of the sanction with the purposes of punishment.

Keywords: criminal law policy, penalization, criminal punishment, concept of penalization, principles of penalization

For citation: Alyeva, K.M. (2024) The concept and principles of drug crimes penalization. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 111–115. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/19

Современная уголовно-правовая политика Российской Федерации находится в состоянии новеллизации уголовного законодательства, что непосредственно связано с повышением стабильности государственной

оценки общественно опасных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков и совершенствованием подходов к определению мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших наркоПреступления.

Предпосылками подобной необходимости в изменении уголовного законодательства выступают выраженные трансформации состояния, структуры и динамики наркоПреступности. Утвержденная Президентом Российской Федерации Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. в качестве одной из главных угроз, подрывающих стабильность государственной безопасности, отмечает увеличение предложения на рынке сбыта (в целях незаконного потребления) синтетических наркотиков, произведенных на территории Российской Федерации с применением веществ, часто используемых при производстве, изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ и находящихся в законном обороте, а также рост спроса на такие наркотики.

Перед государством стоит важная задача по защите личности, общества и государства от прогрессирующей наркоПреступности. Высокий рост количества фактов незаконного оборота наркотиков на территории нашего государства является не только проявлением общественной опасности с точки зрения причинения вреда здоровью населения, но и дестабилизирующим фактором, ведущим к прямым человеческим потерям.

Являясь важным орудием уголовно-правовой политики, уголовное законодательство должно быть «в тонах», что означает его соответствие и своевременное реформирование, отвечающее криминогенным вызовам и угрозам, исходящим от динамически прогрессирующего наркооборота. В связи с этим необходимо начать уделять максимально пристальное внимание такой форме реализации уголовно-правовой политики, как пенализация общественно опасных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков.

Пенализация наркоПреступлений поддерживает баланс в системе уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих подобного рода общественно опасные деяния, модернизирует уголовное законодательство в духе настоящего времени. Посредством пенализации наркоПреступлений законодателем закрепляются, а правоприменителем в последующем реализуются на практике конкретные виды и размеры уголовных наказаний.

Отечественная уголовно-правовая доктрина к настоящему времени не имеет единого и однозначного толкования понятия пенализации, а в существующей юридической литературе не уделяется данному институту уголовного права должного внимания.

Понятие «пенализация» отсылает нас к латинскому термину «*poena*», которое переводится как «наказание» и образовано путем заимствования из английского языка глагола «*to penalize*», переведимого как «наказывать, штрафовать». Значит, исследуемое понятие представляет собой процесс, вид определенной деятельности, который неразрывно связан со значением термина «криминализация», являющегося производным от латинского слова «*scimen*», означающего «преступление».

Некоторые ученые-правоведы представляют пенализацию в качестве завершающего этапа такой формы уголовно-правовой политики, как криминализация [1. С. 43]. Считается, что криминализация является полноценным процессом преобразования уголовного законодательства, на котором осуществляется законодательное признание деяния преступным, его закрепление в уголовном законе, а также последующее установление и закрепление санкции за его совершение. Фактически подобное представление о криминализации позволяет соотносить ее с пенализацией как целое и его часть.

Как утверждает А.В. Наумов, криминализация и во все охватывает законодательное признание определенных деяний не только преступными, но и наказуемыми [2. Т. 1. С. 504]. Подобное видение криминализации и пенализации и вовсе исключает последнюю как форму уголовно-правовой политики государства, с чем сложно согласиться.

Ряд ученых придерживаются позиции, заключающейся в том, что институты криминализации и пенализации являются двумя взаимосвязанными, но при этом самостоятельными формами реализации уголовно-правовой политики [3. С. 32]. Указанный взгляд на институт пенализации не ограничивает ее рамками процесса криминализации деяний, что также опровергает доводы о ее полном поглощении последней.

Интересная гипотеза, подтверждающая взаимообусловленность криминализации и пенализации, была выдвинута И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеевым о том, что «без криминализации пенализация невозможна. Но и без пенализации не создается преступление (отпадает признак наказуемости)» [4. С. 184]. Мысль авторов выражается в разграничении криминализации и пенализации возможностью реализации пенализационного процесса без закрепления в законе новой уголовно-правовой нормы. Подобного рода пенализация трансформирует санкцию статьи Особенной части УК РФ, когда соответствующая диспозиция никак не изменяется. В рамках пенализации законодателем могут быть не только увеличены пределы и размеры действующего наказания, но также может быть введен новый вид уголовного наказания за конкретное уже существующее в уголовном законодательстве преступление. Таким образом, в отличие от процесса криминализации, который завершается на стадии формулирования и принятия новой уголовно-правовой нормы, пенализация общественно опасных деяний позволяет в любой момент при наличии необходимости усиливать наказуемость наиболее опасных для общества и государства преступлений.

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы А.Л. Репецкой, которая трактует пенализацию как определение всей совокупности мер уголовно-правового воздействия на лиц, нарушивших уголовный закон. Данные меры, по её мнению, необходимы и должны быть достаточны для достижения всех целей уголовного наказания [5. С. 88]. В соответствии с представленным мнением, пенализация фактически представляет собой не только процесс модернизации уголовного законодательства, но и его применение в ходе правоприменительной практики. Достаточно

полно с учетом данной характеристики пенализации также отразил ее содержание А.И. Коробеев, который считает, что «пенализация – это процесс определения характера и степени наказуемости криминализируемых деяний, ужесточение в законе их наказуемости, а также их фактическая наказуемость, т.е. процесс назначения уголовного наказания в судебной практике» [6. С. 142].

В свою очередь, В.А. Уткин подтверждает тот факт, что криминализация и пенализация являются категориями одного порядка и одного уровня. Соответственно, являясь одним из направлений уголовно-правового нормотворчества, пенализация предполагает установление в уголовном законе наказуемости общественно опасных деяний, отражая при этом законодательную оценку типовой общественной опасности преступления [7. С. 68].

Изложенные моменты позволяют сформулировать следующее понятие пенализации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Пенализация наркопреступлений – это самостоятельная форма реализации уголовно-правовой политики государства, выражающаяся в определении характера и степени наказуемости деяний в сфере незаконного оборота наркотиков и ее ужесточении в определенных случаях на законодательном уровне, а также непосредственном назначении уголовного наказания в ходе правоприменительной практики за наркопреступления.

В силу того, что пенализация играет непосредственную роль в деятельности государства по противодействию преступности, определение ее принципов также имеет большое значение при реализации уголовно-правовой политики Российской Федерации. Поскольку процесс определения характера и степени наказуемости преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков крайне важен для нормального функционирования общества, он также в обязательном порядке должен основываться на определенных принципах.

Кроме того, процесс определения характера наказуемости наркопреступлений, основанный на данных принципах, окажет надлежащее влияние на полноту нейтрализации негативного эффекта, возникшего в результате совершенных общественно опасных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков.

Как и понятию пенализации, принципам данной формы уголовно-правовой политики в научной литературе уделяется крайне незначительное внимание, что, на наш взгляд, могло быть вызвано отсутствием убеждения в науке уголовного права о самостоятельности пенализации. Выделение основных принципов как руководящих идей реализации пенализации наркопреступлений способствует ее уверенному закреплению как самостоятельной формы уголовно-правовой политики.

В своих специальных исследованиях Э.В. Густова к принципам пенализации относит: экономию репрессии; соответствие санкции характеру и степени общественной опасности совершаемого преступления; альтернативность наказания, его актуальность, гуманизм наказания, дифференциацию и индивидуализацию наказания судом, справедливость наказания [8. С. 56]. Следовательно, отдельные исследования юридической природы пенализации содержат в себе некоторое теоретическое

обоснование подобных принципов, которые, в свою очередь, очень близки к категории принципов назначения уголовного наказания. Как полагает Н.А. Лопашенко, наиболее акцентированное внимание при пенализации тех или иных общественно опасных деяний также следует уделить принципу восстановления социальной справедливости, который непосредственно относится к принципам уголовного наказания [9. С. 91].

На наш взгляд, большая часть из предложенных Э.В. Густовой принципов имеет прямое отношение именно к руководящим началам назначения уголовного наказания, но не все из них следует относить к принципам пенализации общественно опасных деяний. Так, например, принципы гуманизма, справедливости наказаний в целом распространяют свое действие на многие правовые явления, что явно относит их к общеправовым принципам. Безусловно, являясь формой реализации уголовно-правовой политики нашего государства, пенализация, как и любая другая деятельность права, должна быть подчинена и общеправовым принципам, и принципам непосредственно уголовного права. При этом пенализация как самостоятельный процесс создания и изменения санкций норм Особенной части УК РФ должна быть основана на собственных фундаментальных основах.

Поскольку принцип представляет собой одно из руководящих начал в праве, которое выражается в его должном выполнении независимо от чего-либо, его требует отличать от условий реализации той или иной правовой деятельности [10. С. 102]. К подобного рода условиям пенализации общественно опасных деяний следует отнести актуальность уголовного наказания, которая влияет на эффективность реализации данного способа определения наказуемости преступлений, но при этом не имеет отношения ко всему процессу их пенализации, а лишь ограничена правоприменительной стадией пенализации.

Экономия репрессии, в свою очередь, выражающаяся в готовности уголовной системы к адекватному применению наказаний, является лишь сдерживающим фактором реализации пенализации общественно опасного деяния, обеспечивая тем самым баланс между необходимостью наказания и возможностью исправления.

Поскольку цель пенализации заключается в том, чтобы максимизировать эффективность достижения тех результатов, к которым стремится государство при назначении уголовного наказания за общественно опасные деяния, принципы пенализации должны выступать основой для полного и своевременного свершения этой цели.

В этой связи нами предложено к принципам пенализации отнести следующие: дифференциацию ответственности, соответствие санкции характеру и степени общественной опасности преступления, соответствие санкции целям наказания.

Принцип дифференциации ответственности (альтернативности наказаний) явно исходит от существующего общеправового принципа справедливости, заключающегося в необходимости установления различных по характеру и интенсивности реализации уголовных наказаний за различные по степени общественной опасности наркопреступления. Важно учитывать, что наказания

должны быть разнообразными по своей природе и интенсивности, что позволит обеспечить более справедливое распределение наказаний в зависимости от конкретных обстоятельств преступления.

Важным аспектом уголовного права является необходимость учитывать личность преступника при вынесении наказания. Преступления различаются по степени общественной опасности, и это обязательно должно находить отражение в назначении наказания. Принцип индивидуализации ответственности и наказания требует, чтобы каждое решение суда основывалось на уникальных обстоятельствах дела и учитывало различные факторы, включая степень вины и личностные характеристики обвиняемого.

Судебная система обязана обеспечивать справедливое возмездие, которое бы соответствовало не только самому преступлению, но и особенностям личности преступника. Это достигается путем тщательного анализа всех данных, связанных с преступлением и его участником. Например, учитываются такие обстоятельства, как мотивы преступления, предшествующая биография обвиняемого, его поведение после совершения преступления и другие социально значимые аспекты.

Законодатель, формируя нормы уголовного права, должен учитывать принцип соответствия санкций характеру и степени общественной опасности наркоПреступления. Это означает, что наказания должны быть строго пропорциональными преступному деянию. На практике в нормах Особенной части УК РФ должны быть закреплены такие уголовные наказания, которые бы наиболее точно отражали общественную опасность конкретного наркоПреступления. В современной ситуа-

ции, когда происходит ужесточение уголовных наказаний за преступления, наносящие ущерб наиболее ценным общественным отношениям, становится особенно важно соблюдать этот принцип. Таким образом, санкции должны включать только те виды уголовных наказаний, которые способны оказать репрессивное воздействие, строго соразмерное тяжести совершенного деяния в сфере незаконного оборота наркотиков.

Принцип соответствия санкций целям наказания предполагает, что наказание должно не только исправить виновное в совершении общественно опасного деяния лицо, но и обладать важным предупреждающим эффектом для общества в целом. Такой подход способствует формированию общей правовой культуры и укреплению общественного порядка.

Кроме того, предупреждение преступлений путем установления соответствующих наказаний выполняет важную психологическую функцию. Оно создает у остальных членов общества понимание неизбежности наказания за противоправные действия. Этот психологический аспект играет важную роль в формировании правосознания граждан и в снижении уровня преступности. Принцип соответствия санкций целям наказания является многофункциональным инструментом, который не только восстанавливает социальную справедливость, но и обеспечивает профилактический эффект, защищая общество от повторных преступлений.

Пенализация наркоПреступлений в обязательном порядке должна быть подчинена вышеперечисленным принципам. Отсутствие основных руководящих идей существенно затруднит возможность достижения целей пенализации или приведет к результату, противоположному ожидаемому.

Список источников

- Галиакбаров Р. Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний : сборник научных трудов. Омск : Изд-во Ом. ВШМ МВД СССР, 1980. С. 40–51.
- Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций : в 3 т. Т. 1: Общая часть. М., 2011. 742 с.
- Мальков С.М., Шеслер А.В., Тепляшин П.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации. Красноярск : СиБЮИ МВД России, 2018. 127 с.
- Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного. Екатеринбург, 2020. 256 с.
- Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 151 с.
- Коробеев А.И., Бушуева Т.А., Голик Ю.В. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 602 с.
- Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 239 с.
- Густова Э.В. Криминализация и пенализация деяний как форма реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 4. С. 55–58.
- Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. 579 с.
- Каземиров А.М. Принципы пенализации // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 2 (18). С. 101–104.

References

- Galiakbarov, R.R. (1980) Problemy kriminalizatsii mnogosub'ektnykh obshchestvenno opasnykh deyaniy [Problems of Criminalization of Multi-Subject Socially Dangerous Acts]. In: *Aktual'nye problemy kriminalizatsii i dekriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deyaniy: sbornik nauchnykh trudov* [Current Issues of Criminalization and Decriminalization of Socially Dangerous Acts: A Collection of Scientific Papers]. Omsk: Omsk Higher School of Management of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. pp. 40–51.
- Naumov, A.V. (2011) *Rossiyskoe ugovolovnoe pravo: kurs lektsiy: v 3 t.* [Russian Criminal Law: A Course of Lectures: In 3 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Prospekt.
- Mal'kov, S.M., Shesler, A.V. & Teplyashin, P.V. (2018) *Ugolovno-pravovaya i ugolovno-ispolnitel'naya politika Rossiiyskoy Federatsii* [Criminal-Legal and Penal Policy of the Russian Federation]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
- Kozachenko, I.Ya. & Sergeev, D.N. (2020) *Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskij putevoditel' po miru prestupnogo* [New Criminalization: A Philosophical and Legal Guide to the World of Crime]. Yekaterinburg: SAPIENTIA.
- Repetskaya, A.L. (1994) *Vinovnoe povedenie poterpevshego i printsip spravedlivosti v ugolovnoj politike* [Guilty Behavior of the Victim and the Principle of Justice in Criminal Policy]. Irkutsk: Irkutsk State University.

6. Korobeev, A.I., Bushueva, T.A. & Golik, Yu.V. (1999) *Rossiyskoe ugоловное право: курс лекций* [Russian Criminal Law: Lecture Course]. Vol. 1. Vladivostok: Far Eastern State University.
7. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugоловных наказаний: курс лекций* [Problems of the Theory of Criminal Punishments: Lecture Course]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Gustova, E.V. (2012) Kriminalizatsiya i penalizatsiya deyaniy kak forma realizatsii ugоловnoy politiki [Criminalization and Penalization of Acts as a Form of Criminal Policy Implementation]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 4. pp. 55–58.
9. Lopashenko, N.A. (2009) *Ugоловная политика* [Criminal Policy]. Moscow: Volters Kluver.
10. Kazemirov, A.M. (2016) Printsipy penalizatsii [Principles of Penalization]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy*. 2 (18). pp. 101–104.

Информация об авторе:

Альяева К.М. – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Красноярск, Россия). E-mail: kamilla-alyeva.1999@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.M. Alyeva, adjunct at the Department of Criminal Law and Criminology, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kamilla-alyeva.1999@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принятая к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*

**СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНОГО, ВОИНСКОГО ИЛИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ,
КЛАССНОГО ЧИНА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД**

Тимофей Геннадьевич Каракулов¹

¹ Чайнский районный суд Томской области, Томск, Россия, *timofeykarakulov@yandex.ru*

Аннотация. В статье выявляются и анализируются социально-криминологические основания уголовного наказания, предусмотренного ст. 48 УК РФ, обосновывается вывод о необходимости сохранения лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина, государственных наград в уголовном законе в качестве дополнительного наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, государственных наград, социально-криминологические основания уголовного наказания

Для цитирования: Каракулов Т.Г. Социально-криминологические основания наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 116–122. doi: 10.17223/23088451/24/20

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/20

**SOCIO-CRIMINOLOGICAL GROUNDS FOR PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION
OF A SPECIAL, MILITARY OR HONORARY TITLE, A CLASS RANK, AND STATE AWARDS**

Timofey G. Karakulov¹

¹ Chainsky District Court of Tomsk Oblast, Tomsk, Russian Federation, *timofeykarakulov@yandex.ru*

Abstract. The article, based on the results of the analysis of scientific literature and current criminal legislation, identifies and analyzes the socio-criminological grounds for criminal punishment provided for in Article 48 of the Criminal Code of the Russian Federation, such as the danger of causing harm to public relations; the state (structure and dynamics) of crime; the causes and conditions contributing to the commission of crimes; the personality of the offender. The application of the punishment in question is modified by the identification of new types of socially dangerous behavior, the spread of crimes with grave consequences, which confirms the conclusion about the need to deprive a special, military or honorary title, class rank, state awards in the criminal law.

Keywords: criminal punishment; deprivation of special, military or honorary title, class rank, state awards; socio-criminological grounds for criminal punishment

For citation: Karakulov, T.G. (2024) Socio-criminological grounds for punishment in the form of deprivation of a special, military or honorary title, a class rank, and state awards. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 116–122. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/20

В юридической литературе встречается резкая критика уголовного наказания, предусмотренного ст. 48 УК РФ, в результате которой делаются выводы не только о несовершенстве законодательной регламентации лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград [1], но и об исключении его из системы наказаний [2. С. 274].

Аргументы в пользу такого вывода разнообразны. Отметим некоторые из них. Так, О.Г. Пимаковой «не совсем понятно, почему же законодатель позволяет себе иметь в качестве вида уголовного наказания такую санкцию, как лишение человека государственных наград и почетных

званий, пускай и за совершение определенных преступлений», учитывая, что государственные награды являются высшей формой поощрения граждан Российской Федерации за заслуги в различных сферах деятельности, а героические действия, принесшие государству немалую пользу, за которые гражданин удостоился награды, не могут быть нивелированы поворотом на «тропинку» преступной деятельности, характер которой не связан с ранее совершамыми позитивными действиями [1. С. 91]. В качестве примера автор приводит отказ в реабилитации и восстановлении госнаград сержанту РККА И.Е. Добробабину (одному из 28 панфиловцев).

Однако «вопиюще несправедливым» О.Г. Пимаковой кажется именно невозвращение государственных наград, а не их лишение осужденного в 1948 г., который, как признает сам автор, «не достоин уважения за предательство своей Родины». При таких аргументах вопрос о том, «...дает ли это Родине право лишать его награды, которую он заслужил, героически сражаясь?» представляется риторическим.

Предложения об исключении из УК РФ этого наказания аргументируются и редким назначением лишения званий, чинов и наград¹ (в 2007 г. – 0,016%, в 2016 г. – 0,023%, а в 2012 г. – 6 человек, в 2011 г. – 2 человека) [3. С. 379] и обоснованы. Однако, по другим данным, в последние годы применение наказания в соответствии со ст. 48 УК РФ возросло: оно назначалось в 2016 г. 145 лицам, в 2017 г. – 197 лицам, а в 2018 г. – уже 251 лицу [4. С. 154]. При этом данные за 2016 и 2017 гг. авторами академического курса по уголовному праву получены из работ других авторов [5. С. 12–13]. Однако нами получены несколько иные результаты, о них будет сказано ниже.

Исходя из буквального толкования ст. 44 УК РФ, лишение званий, чинов и наград (п. «в» указанной статьи) законодателем мыслится более строгим наказанием, чем лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (п. «б») и штраф (п. «а»), несмотря на то, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть как основным, так и дополнительным наказанием. Безусловно, уголовные наказания, их сущность, отдельные признаки и виды менялись вслед за развивающимися государством и обществом, одни наказания навсегда оставались в прошлом, сменяясь другими, отвечающими духу своего времени. Однако существенное изменение или отказ от одного из наиболее строгих дополнительных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, должны быть основаны на серьезных научных аргументах. Очевидно, что ни единичные правоприменительные ошибки при назначении рассматриваемого наказания [1. С. 93], ни колеблющиеся статистические показатели осужденных к нему лиц сами по себе к таким доводам без учета иных существенных обстоятельств отнести нельзя. Возможно ли говорить при этом о существенных правовых дефектах ст. 48 УК РФ?

Для того чтобы ответить на вопросы о целесообразности лишения званий, чинов и наград в системе уголовных наказаний и об уровне законодательного конструирования ст. 48 УК РФ, нужно определить обстоятельства (факторы), обуславливающие этот вид уголовного наказания, выяснить, изменились ли в настоящее время основания (условия возникновения и применения) этого наказания, послужившие причиной его установления в уголовном законе.

Первым из них является опасность причинения вреда общественным отношениям в результате поведения определенной категории людей, которая детерминирует

как состав преступления, так и меру наказания за совершенное преступление. Опасность нарушения общественных отношений определяется характером и состоянием указанных отношений, а также обстоятельствами, характеризующими источник опасности. Такими, как состояние (структура и динамика) преступности, причины и условия, способствующие совершению преступлений, личность преступника [6. С. 15–19].

Важность объекта преступного посягательства, уровень развития и состояние соответствующих общественных отношений, общественную опасность преступных посягательств и их изменение на определенных этапах развития общества можно представить в качестве основания для установления и последующего изменения соответствующей уголовно-правовой нормы, предусматривающей возможность лишения званий, чинов и наград только за тяжкое или особо тяжкое преступление либо за преступления, посягающие на общественную безопасность (ч. 1 ст. 207³ УК РФ – публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ), безопасность государства, конституционный строй (ч. 1 и 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности); ст. 280¹ УК РФ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России); ч. 1 ст. 280³ УК РФ (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ); ч. 1 ст. 280⁴ УК РФ (публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности России); ч. 1 ст. 282 УК РФ (действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека); ст. 282⁴ УК РФ (неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской, экстремистской и иной запрещенной атрибутики или символики); ч. 1 и 2 ст. 284¹ УК РФ (осуществление деятельности нежелательной иностранной или международной организации); ст. 284³ УК РФ (оказание содействия в уголовном преследовании должностных лиц органов публичной власти России); ч. 1 и 2 ст. 354¹ УК РФ (реабилитация нацизма, в том числе и при квалифицирующих обстоятельствах) ст. 284² УК РФ (призывы к ограничительным мерам в отношении России, ее граждан или юридических лиц).

Таким образом, важность общественных отношений, уголовно-правовая охрана которых обеспечена возможностью лишения званий, чинов и наград определена характером их объекта, его значимостью для государства и общества, а также уровнем безопасности указанных отношений. Например, когда возрастает количество общественно опасных посягательств на них либо существует реальная угроза таких посягательств, увеличивается вред от соответствующих деяний.

В юридической литературе справедливо отмечается, что основания наказания, конкретные их виды и содержание зависят от исходных представлений о преступлениях и причинах преступности и меняются вслед за изменением преступности [7. С. 17].

¹ Используется формулировка «лишение званий, чинов и наград», что не следует рассматривать в качестве предложения по изменению действующего

уголовного законодательства. Такое «герминологическое сокращение» продиктовано исключительно потребностями стилистического удобства.

В этой связи к криминологическим основаниям рассматриваемого наказания относятся состояние преступности, ее структура, динамика, причиненный вред [8. С. 65].

В частности, структура преступности может характеризоваться выявлением новых видов общественно опасного поведения [6. С. 67–71]. Так, ряд общественно опасных деяний посягают на неотъемлемые блага человека, а потому всегда и везде будут в числе преступлений убийство, причинение вреда здоровью, различные виды посягательства на имущество. Эти охраняемые уголовным правом ценности являются основой для любой деятельности человека, без них само существование общества невозможно. Другие блага и ценности производны от определенного уровня развития общества и государства, их основных институтов, политического устройства, состояния экономики. Их охрана уголовно-правовыми средствами обусловлена особой важностью таких благ на определенном этапе развития государства, что приводит в некоторых случаях к появлению особых видов преступлений (например, «взяток и посулов» [9. С. 38–39], «побуждения караулами, рундами, патрулирами непристойными поступками и невежеством ко злу – ссорам и возмущениям» [10]. В них находят отражение определенные особенности личности преступника и условия, способствующие совершению преступлений – наличие у виновного званий, чинов, связанных с государственной служебной деятельностью, возможности которой в вышеназванных примерах вновь появившихся преступлений употребляются в противоправных целях при получении взятки или нарушении общественного порядка, что закономерно ставит вопрос о лишении виновного указанных регалий, которые очевидно были присвоены не для достижения преступных целей.

Отпало ли сегодня подобное основание лишения званий, чинов и наград? Безусловно, нет. Именно к подобного рода посягательствам можно с полным правом отнести и специально указанные в ст. 48 УК РФ преступления, посягающие на общественную безопасность, безопасность государства, конституционный строй, о которых указывалось выше. Возможность назначения лишения званий, чинов и наград за преступления, специально поименованные в ст. 48 УК РФ, законодатель установил совсем недавно – с 25 февраля 2024 г. (Федеральный закон от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»), исходя из необходимости, как указано в пояснительной записке к законопроекту, упреждения и пресечения преступной деятельности, осуществляющейся в целях подрыва основ конституционного строя, обороноспособности страны и безопасности государства. И это само по себе уже свидетельствует об актуальности данного наказания, поскольку на подобные законодательные решения государство сподвигла реальная обстановка в стране: возникновение и значительное распространение деяний, направленных на нарушение основ конституционного строя и безопасности государства в сложных во-

енно-политических условиях. В конечном счете данные обстоятельства предопределили как криминализацию указанных деяний, так и их пенализацию.

К криминологическим основаниям соответствующей нормы о лишении званий чинов и наград относится как распространенность данных общественно опасных деяний в стране, так и увеличение их количества за определенный отрезок времени [6. С. 67–73]. Ранее в связи с изменениями в ч. 3 и 4 ст. 15 УК РФ (внесены Федеральным законом от 17.06.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», усилившим ответственность за преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) с 28.06.2019 назначение такого наказания стало возможным и при совершении неосторожного тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание от десяти до пятнадцати лет лишения свободы. Первоначально лишить званий, чинов и наград можно было лишь за тяжкое или особо тяжкое преступление, которыми могли быть признаны только деяния, совершенные умышленно. Именно изменение преступности, связанное со значительным распространением дорожно-транспортных преступлений со смертельным исходом, повлекло за собой необходимость ужесточения наказания за эти преступления, пересмотр представлений о категориях преступлений, в результате которого тяжкими теперь являются и неосторожные преступления, хотя и с крайне суровой санкцией. Подобные изменения закона неизбежно повлияли и на сферу применения лишения званий, чинов и государственных наград при неизменности содержания ст. 48 УК РФ до 2024 г.

О степени распространенности преступлений, за совершение которых возможно назначить лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, могут свидетельствовать и статистические данные об осужденных к этому наказанию. Их оценивать следует с определенной оговоркой, так как это наказание не является обязательным. Но статистические показатели в любом случае иллюстрируют тенденции его применения.

По результатам нашего исследования, которое основано на изучении данных судебной статистики [11] (результаты других исследователей не использовались), применение указанного наказания не единично (таблица), а в последний год показывает существенный рост, причем максимальный за последние 17 лет. Так, в 2023 г. к лишению специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград было осуждено 528 лиц.

В среднем за анализируемый период с 2007 по 2023 г. рассматриваемое наказание применялось более чем к 270 лицам. При этом минимальное значение осужденных к нему лиц было зафиксировано практически в начале анализируемого периода – в 2008 г. – 132 лица, после чего трижды такое значение существенно увеличивалось примерно один раз в 5–7 лет: в 2010 г. было осуждено 410 лиц, в 2016 г. – 418 лиц и в 2023 г. – 528 лиц.

Год	Число лиц, осужденных к лишению специального воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград
2007	147
2008	132
2009	189
2010	410
2011	247
2012	223
2013	233
2014	159
2015	232
2016	418
2017	257
2018	251
2019	302
2020	228
2021	330
2022	357
2023	528

Следовательно, с уверенностью можно утверждать о стабильном распространении общественно опасных действий, за которые предусмотрена возможность лишения званий, чинов и наград, и даже об увеличении их количества за 2007–2023 гг.

Возмездный характер наказания предполагает связь между преступлением и следующим за ним наказанием, поэтому оправданным будет и воздействие уголовно-правовыми средствами именно на те стороны личности преступника, в которых находит свое отражение его негативное отношение к государственным и общественным ценностям. Следовательно, обстоятельства, характеризующие объект преступного посягательства, опасность причинения ему существенного вреда, хотя и являются исходными для нормы, устанавливающей рассматриваемый вид уголовного наказания, но данные о личности преступника и об условиях, способствующих совершению преступления как основаниях лишения званий, чинов и наград, выходят на первый план. Связано это и с тем, что само по себе совершение преступления, указанного в ст. 48 УК РФ (как непосредственно, так и через упоминание категорий преступлений), не является достаточным для лишения виновного звания, чина или государственной награды без учета сведений о личности виновного.

Разные аспекты личности раскрываются практически всеми социальными науками. В науках криминального цикла, как верно отмечал Н.Т. Ведерников, изучению должны подвергаться лишь свойства и черты личности преступника, связанные с правовой характеристической, указывающие его общественную опасность (степень его общественной опасности), т.е. юридически значимые особенности обвиняемого [12].

Совокупность социальных свойств человека определяет его личность, основные признаки которой отражаются в нравственном отношении лица к явлениям объективной действительности. И.Н. Якимов отмечал, что индивидуальность людей еще более проявляется в области психики и отражается на всей их деятельности настолько, что человек «многое совершает по раз навсегда избранному им способу и приему», что характерно

и для совершения преступлений [13. С 53–54]. Указанное прямо относится к конкретному способу совершения преступления, однако, по нашему мнению, применимо и на более общем уровне детерминации поведения человека, поскольку потребности, формирующиеся в процессе общественной жизни, являющиеся источником активности человека [6. С. 31–34], в зависимости от направленности указанного нравственного (психического) отношения лица к явлениям объективной реальности, могут удовлетворяться в результате как правопослушного (социально полезного), так и противоправного поведения.

В то же время вывод о существовании личности только с асоциальной направленностью будет неполон, так как в структуру личности преступника входят как антиобщественные отношения (или их группа, группы и комплексы), так социально полезные [14. С. 91–94; 6. С. 35–36, 41]. И те и другие демонстрируют разную степень активности и устойчивости в системе личности и соответствуют различным степеням социальной деформации личности [6. С. 35–36; 15. С. 75, 104].

Низший уровень антиобщественного отношения, когда оно значительно не развито, пассивно и неустойчиво (простое отношение), характерен для случайных преступников (лиц, совершивших незлостные преступления в результате временного проявления несвойственной для них сознания противоправной активности ввиду неожиданного изменения обстановки, резкого ухудшения условий жизни, длительного неблагоприятного воздействия или существенного влияния других лиц. Для следующего уровня социальной деформации личности характерно наличие антисоциальной установки, при которой антиобщественное отношение более развито, активно, агрессивно и указывает на готовность к совершению преступления вне зависимости от обстоятельств внешней среды. Совокупность антисоциальных установок рассматривается как антисоциальная ориентация. В самом развитом виде антиобщественное отношение формирует у лица антисоциальную направленность – устойчивую доминирующую систему мотивов преступного поведения в различных условиях. Соединение различных отношений, их взаимозависимость и взаимообусловленность приводят к образованию новых качественных характеристик личности (должностное лицо, военнослужащий), социальных свойств человека, образующих статическую структуру личности. В свою очередь, взаимодействие психологических, социальных и биологических свойств человека порождает динамическую структуру личности, выражющуюся в социальных ролях [6. С. 34–38].

Очевидно, что преступления, указанные в ст. 48 УК РФ, нельзя охарактеризовать ни как совершаемые случайно или под влиянием внешних неблагоприятных условий, ни как незлостные ввиду их категории (в основном тяжкие и особо тяжкие преступления) и объекта посягательства. Следовательно, для лишения званий, чинов и наград как минимум необходимо наличие у виновного антисоциальной установки к совершению преступления вне зависимости от обстоятельств внешней

среды, а нередко и с преодолением препятствий к достижению преступного результата. Применение такого наказания помимо карательной составляющей может способствовать и устраниению условий совершения нового преступления, например, при установлении связи уже содеянного с имеющимися у виновного регалиями. Это важно, поскольку указанное в ст. 48 УК РФ «...преступление, представляющее собой аморальное деяние, свидетельствует о глубокой безнравственности преступника, нестойкости его нравственных убеждений и привычек поведения, недостаточном чувстве ответственности за свои поступки. Такие качества преступника, как правило, свидетельствуют об опасности повторения им преступлений в будущем» [16], указывают на общественную опасность такого лица – возможность (реальную угрозу) совершения нового преступления [6. С. 33–35, 39], направленность лица, которая чревата совершением преступления [17. С. 22] либо нового аналогичного или весьма сходного преступления (по тем же или аналогичным мотивам) [18. С. 155] или, применительно к рассматриваемым нами вопросам, вновь с использованием званий, чинов и государственных наград, которые облегчили совершение предыдущего преступления.

Оставление присвоенных регалий может быть крайне неоправданным ввиду установленных обстоятельств дела, признаков преступления, а также совокупности смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств, свидетельствующих о таком характере общественной опасности личности (содержании антиобщественных отношений личности) и о такой степени общественной опасности личности, которые указывают, что новое преступление может быть не менее опасным, чем предыдущее и может быть совершено с определенной степенью вероятности [6. С. 49–51], достаточно высокой. К числу таких обстоятельств можно отнести отсутствие раскаяния в содеянном; использование имеющихся у виновного высоких государственных регалий для того, чтобы вызвать доверительное отношение потерпевшего при совершении мошенничества; совершение преступления, объектом посягательства которого являются отношения, охраняемые и защищаемые виновным по службе, предусматривающей присвоение воинского или специального звания, классного чина и т.п.

Еще более категоричным будет вывод о необходимости лишения виновного званий, чина и государственных наград при осуждении за совершение нескольких преступлений, указанных в ст. 48 УК РФ, в особенности, если такие преступления аналогичны или сходны друг с другом. Усиление уголовной ответственности повторного преступника здесь будет основано главным образом на проявленной им наклонности к совершению преступлений. Неоднократное их повторение вырабатывает у виновного (должностного лица, военнослужащего) устойчивое положительное отношение к преступным вариантам поведения. Каждое вновь совершающее преступление обычно требует от него все меньше и меньше нервного напряжения, колебаний между намерением совершить преступление или отказаться от него. Все это

способствует совершению новых преступлений и требует повышенных мер наказания для исправления осужденного [19. С. 10–11]. Совершение преступления должностным лицом или военнослужащим само по себе указывает на определенный характер и степень опасности преступления, в связи с чем законом предусмотрена дополнительная возможность усиления единого совокупного наказания при назначении лишения званий, чинов и наград, не указанного в санкциях Особенной части Уголовного кодекса РФ. Если установленного в санкции наказания достаточно для предупреждения новых преступлений со стороны виновного с учетом данных о его личности, то в применении дополнительного необязательного наказания нет необходимости. При более высокой степени общественной опасности совершенного преступления назначение только основного наказания недостаточно. В том числе и ввиду опасности оставления у виновного званий и чинов, которые употребляются им в преступных целях, что повышает вероятность совершения виновным нового аналогичного преступления. Лишение виновного указанных в ст. 48 УК РФ регалий существенно снижает опасность совершения новых преступлений.

Таким образом, рассматриваемый вид наказания свидетельствует о стремлении государства к увеличению строгости уголовно-правового воздействия наказания для наиболее оптимального достижения целей восстановления социальной справедливости, исправления преступника, предупреждения совершения преступлений как им, так и другими лицами.

Лишить специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград обуславливается и определенным уровнем развития государства и общества. На раннем этапе для него было характерно сословное деление, наличие высших сословий, представители которых занимали властные и знатные должности. Наказания для них содержательно отличались от наказаний для лиц других сословий. Позже оказывала значительное влияние и возрастающая социальная значимость таких духовных, нематериальных благ, как честь, достоинство, репутация, наличие государственной (государевой) службы с определенной внутренней иерархией (званиями, чинами, рангами).

Важной исходной предпосылкой является и существование поощрительных правовых норм и государственной наградной системы, выраждающих публичное признание властью заслуг и достижений отдельных лиц и побуждающих к особо полезным для общества и государства действиям, достижению высоких показателей и результатов.

В этом ключе важно отметить и значимость распространения соответствующих регалий и наград. В условиях реальных боевых действий, безусловно, присвоение воинских званий и государственных наград увеличивается в связи с военными заслугами. Однако наблюдается и стабильное распространение награждения государственными наградами Российской Федерации и лиц, которые военную и правоохранительную службу не проходят. Так, по данным портала «Официальное опубликование правовых актов» (<http://publication.pravo.gov.ru>), за

последний год в каждом месяце (с января по июль) Указом Президента России производилось награждение государственными наградами. В апреле было подписано пять таких указов, феврале, мae и июне – по четыре, в марте – два, в январе и июле (по состоянию на 17.07.2024 г.) – по одному указу. За 2023 г. было подписано 32 таких указа, в 2022 г. – 33, в 2021 г. – 39, в 2020 г. – 31.

Представляется, что наличие такого наказания предопределено и необходимостью минимизации причиненного государству «неочевидного» ущерба от преступления – ущерба, который имеет политico-правовое значение и связан с тем, что совершение преступления лицом, обладающим высокими государственными регалиями, подрывает доверие государства к такому лицу, умаляет авторитет соответствующих званий, чинов и наград.

Таким образом, существование уголовного наказания в виде лишения званий, чинов и наград обусловлено потребностью государства в уголовно-правовой защите наиболее важных общественных отношений. Оно слу-

жит определенным средством и способом со специфическим, присущим только этой мере, механизмом достижения целей уголовного наказания. Однако такой специфический механизм уголовно-правового воздействия востребован не в каждом случае. Этим объясняется как отнесение указанного наказания к числу исключительно дополнительных, так и отсутствие анализируемого наказания в санкциях статей Особенной части УК РФ с возможностью его назначения по усмотрению суда.

Выявленные социально-криминологические основания лишения званий, чинов и наград в определенной степени могут служить ориентирами при решении вопроса о назначении (либо неназначении) этого наказания при разрешении конкретных уголовных дел, так как закон связывает возможность применения указанной меры только с категорией содеянного или специально указанными составами преступлений и данными о личности подсудимого, не приводя более четких критериев. Практически отсутствуют они и в актах официального разъяснения уголовного закона.

Список источников

1. Пимакова О.Г. Нелогичность и бесполезность статьи 48 УК РФ Уголовного кодекса Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 91–94.
2. Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России (история и современность) : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. 297 с.
3. Подвойкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 498 с.
4. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс : в 10 т. Т. 2: Виды уголовного наказания: дополнительные, специальные, не применяющиеся / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2020. 736 с.
5. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Как используется потенциал дополнительных наказаний? // Уголовное право. 2018. № 4. С. 11–19.
6. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
7. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 239 с.
8. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учеб. пособие. Томск : Издательский дом Томского гос. ун-та, 2017. 283 с.
9. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. Ч. 1. М., 2014. 750 с.
10. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 09.07.2024).
11. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за соответствующие годы. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.07.2024).
12. Ведерников Н.Т. Вопросы изучения личности преступника // Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма. Л., 1963.
13. Якимов И.Н. Опознавание преступника. М. : Изд-во НКВД, 1928. С. 31.
14. Филимонов В.Д. Учет личности преступника при назначении наказания // Вопросы советского государства и права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 89–97.
15. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника: (предпосылки, содержание, критерии). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. 275 с.
16. Ременсон А.Л. Исправление заключенных – важнейшая задача исправительно-трудовых учреждений // Вопросы экономики, государства и права в решениях XII съезда КПСС. Томск, 1962. С. 93.
17. Ведерников Н.Т. Понятие личности преступника // Вопросы предупреждения преступности : [сб. ст.] / [редкол.: Н.Т. Ведерников, В.Д. Филимонов, А.Л. Ременсон]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. 205 с.
18. Волженкин Б.В. К вопросу о понятии общественной опасности преступника // Вестник ЛГУ. 1963. № 23. Серия экономики, философии и права. Вып. 4. С. 155–157.
19. Филимонов В.Д. Личность преступника и проблема основания уголовной ответственности // Вопросы предупреждения преступности : [сб. ст.] / [редкол.: Н.Т. Ведерников, В.Д. Филимонов, А.Л. Ременсон]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. 205 с.

References

1. Pimakova, O.G. (2017) Nelogichnost' i bespoleznost' stat'i 48 UK RF Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Illogicality and Uselessness of Article 48 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 4 (15). pp. 91–94.
2. Sakaev, A.I. (1999) Sistema nakazaniy po ugolovnomu pravu Rossii (istoriya i sovremennost') [The System of Punishments Under the Criminal Law of Russia (History and Modernity)]. Law Cand. Diss. Kazan.
3. Podroykina, I.A. (2017) Teoreticheskie osnovy postroeniya sistemy nakazaniy v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii [Theoretical Foundations of Constructing the Punishment System in the Criminal Legislation of Russia]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
4. Lopashenko, N.A. (ed.) (2020) Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskiy kurs: v 10 t. [Criminal Law. General Part. Punishment. Academic Course: In 10 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Yurlitinform,
5. Artemenko, N.V. & Shimbareva, N.G. (2018) Kak ispol'zuetsya potentsial dopolnitel'nykh nakazanii? [How Is the Potential of Additional Punishments Used?]. Ugolovnoe pravo. 4. pp. 11–19.
6. Filimonov, V.D. (1981) Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava [Criminological Foundations of Criminal Law]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Utkin, V.A. (2018) Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy: kurs lektsiy [Problems of the Theory of Criminal Punishments: Lecture Course]. Tomsk: Tomsk State University.

8. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')*: ucheb. posobie [Criminology (General Part): Textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Naumov, A.V. (2014) *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii: v 2 ch.* [Crime and Punishment in the History of Russia: In 2 Parts]. Part 1. Moscow: Yurlitinform.
10. Hist.msu.ru. (2024) *Artikul voinskiy ot 26 aprelya 1715 g.* [Military Article of April 26, 1715]. [Online] Available from: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (Accessed: 09.07.2024).
11. Cdep.ru. (2024) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za sootvetstvuyushchie gody* [Consolidated Statistical Information on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for the Relevant Years]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/?id=79> (Accessed: 03.07.2024).
12. Vedernikov, N.T. (1963) [Issues of Studying the Personality of a Criminal]. *Problemy sovetskogo ugolovnogo prava v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma* [Problems of Soviet Criminal Law During the Period of Extensive Construction of Communism], Conference Proceedings. Leningrad: [s.n.]. p. 84. (In Russian).
13. Yakimov, I.N. (1928) *Opoznavanie prestupnika* [Identification of a Criminal]. Moscow: Izd-vo NKVD.
14. Filimonov, V.D. (1974) Uchet lichnosti prestupnika pri naznachenii nakazaniya [Accounting for the Personality of the Criminal When Assigning Punishment]. In: *Voprosy sovetskogo gosudarstva i prava* [Issues of the Soviet State and Law]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 89–97.
15. Filimonov, V.D. (1970) *Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika: (predposylki, soderzhanie, kriterii)* [Social Danger of the Criminal's Personality: (Prerequisites, Content, Criteria)]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Remenson, A.L. (1962) Ispravlenie zaklyuchennykh – vazhneyshaya zadacha ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy [Correction of Prisoners Is the Most Important Task of Correctional Labor Institutions]. In: *Voprosy ekonomiki, gosudarstva i prava v resheniyakh XII s"ezda KPSS* [Issues of Economics, State and Law in the Decisions of the XII Congress of the CPSU]. Tomsk: [s.n.].
17. Vedernikov, N.T. (1967) Poniatushchiy lichnosti prestupnika [The Concept of the Criminal's Personality]. In: Vedernikov, N.T. et al. (eds) *Voprosy preduprezhdeniya prestupnosti* [Issues of Crime Prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Volzhenkin, B.V. (1963) K voprosu o ponyatiyu obshchestvennoy opasnosti prestupnika [On the Concept of Social Danger of a Criminal]. *Vestnik LGU*. № 23. Seriya ekonomiki, filosofii i prava.4. pp. 155–157.
19. Filimonov, V.D. (1967) Lichnost' prestupnika i problema osnovaniya ugolovnoy otvetstvennosti [Personality of a Criminal and the Problem of the Basis of Criminal Liability]. In: Vedernikov, N.T. et al. (eds) *Voprosy preduprezhdeniya prestupnosti* [Issues of Crime Prevention]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Каракулов Т.Г. – председатель Чайнского районного суда Томской области (Томск, Россия). E-mail: timofeykarakulov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.G. Karakulov, chair of the Chainsky District Court of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: timofeykarakulov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Елена Анатольевна Писаревская¹

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Томск, Россия, liorev@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа статистических данных делается вывод о том, что несмотря на общую тенденцию снижения зарегистрированной преступности несовершеннолетних, в их действиях довольно часто имеет место рецидив при том, что возрастные рамки здесь ограничены небольшим по продолжительности возрастным периодом – 14–17 лет. Автором также отмечается, что реальный рецидив лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, может быть гораздо более значительным, но он может не отслеживаться и не отображаться в официальной статистике.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, состояние, тенденции, рецидив

Для цитирования: Писаревская Е.А. Рецидивная преступность несовершеннолетних: состояние и основные тенденции // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 123–127. doi: 10.17223/23088451/24/21

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/21

JUVENILE RECIDIVISM: STATUS AND MAIN TRENDS

Elena A. Pisarevskaya¹

¹ North-West Branch of the Russian State University of Justice, Tomsk, Russian Federation,
liorev@mail.ru

Abstract. The real state of both registered juvenile crime in general and juvenile recidivism differs from that reflected in official statistics not for the better. After all, the majority of "statistical" juvenile crime is "street crime", and its main subjects – teenagers and young people – in recent years "went" to the virtual world of the Internet. This has further increased the always existing latency of juvenile crime. The statistical recidivism rate of minors is three times lower than the general statistical recidivism rate; however, it should be taken into account that the statistical recidivism of minors "fits" into a time period limited by strict age limits – 14–17 years. Due to this, many of them quickly leave the age of "minority", continuing to commit repeated crimes in adulthood. The majority of minors who have committed crimes are currently sentenced to punishments not related to imprisonment and probation, and are registered with penal inspectorates. At the same time, the number of minors registered with penal inspectorates has sharply decreased in recent years, which correlates with the general trend of a steady decrease in registered juvenile crime in our country since the beginning of the current century. An analysis of the data on the number of convicts against whom criminal cases were initiated for committing a repeat offense after being registered with penal inspectorates in the reporting period continues to indicate a high level of recidivism risk under punishments not involving imprisonment and probation. In particular, the author found that the crime rate among these convicts was 33 crimes per 1,000 convicts in 2008, 33.40 crimes per 1,000 in 2020, 28.08 per 1,000 in 2021, 36.54 per 1,000 in 2022, 29.28 crimes per 1,000 convicts in 2023: without undergoing significant positive changes, it, on the contrary, demonstrates wave-like dynamics. An analysis of statistics for the period from 2020 to 2023 also showed that among minors registered with penal inspectorates, there is a significant number of those who violate the procedure and conditions for serving a sentence and criminal-legal measures, the conditions for executing a preventive measure; their share within the analyzed time period fluctuated between 29.8–26.3%. Taking into account the above, the article notes that the problem of counteracting juvenile recidivism remains relevant, despite the seemingly "magic" trend of a steady reduction in registered juvenile crime in our country.

Keywords: minors, crime, state, trends, recidivism

For citation: Pisarevskaya, E.A. (2024) Juvenile recidivism: State and main trends. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 123–127. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/21

Проблема противодействия рецидиву преступлений в современной России стоит довольно остро, впрочем, как и во всем мире. Уровень рецидива значительно раз-

личается по всему миру, но, как указывается, он достигает 50% и в последние годы не демонстрирует тенденций к снижению [1]. Россия в этом смысле не составляет

исключения. Так, например, в 2023 г. в нашем государстве всего было выявлено 439 504 лица, в действиях которых имел место статистический рецидив, и удельный вес этих лиц от общего числа выявленных лиц составил 58,6%. Несовершеннолетних преступников всего было выявлено 22 340, из них ранее совершили преступления 5 156, удельный вес последних от общего количества выявленных несовершеннолетних составил 23,1%. В 2022 г. показатель по всем лицам, ранее совершившим преступления, составлял 483 683 лица, или 59,1% от общего количества выявленных лиц; несовершеннолетних было выявлено 26 305, из них ранее совершивших преступления – 6 380, их удельный вес от всех выявленных несовершеннолетних составил 24,3%. В 2021 г. показатель по всем лицам, ранее совершившим преступления, составлял 493 813 лиц, или 58,2%; несовершеннолетних было выявлено 29 126, из них ранее совершивших преступления – 7 213, их удельный вес от всех выявленных несовершеннолетних составил 24,8%. В 2020 г. показатель по всем лицам, ранее совершившим преступления, составлял 492 107 лиц, или 57,7%, несовершеннолетних было выявлено 33 575, из них ранее совершивших преступления – 8 643, их удельный вес от всех выявленных несовершеннолетних составил 25,7% [2]. Казалось бы, несовершеннолетние демонстрируют более низкий уровень рецидива, чем преступники в целом, и, на первый взгляд, этот показатель кажется благоприятным. Однако при этом следует учитывать тот факт, что статистический рецидив несовершеннолетних «укладывается» во временной период, ограниченный строгими возрастными рамками – 14–17 лет. Соответственно, данный показатель для несовершеннолетних довольно значителен, хотя он и не соизмерим с показателями взрослой преступности.

Следует отметить, что сохранение высокого удельного веса рецидивных преступлений несовершеннолетних происходит на фоне ярко выраженной тенденции к сокращению зарегистрированной преступности несовершеннолетних в целом, в последние годы абсолютные показатели регистрации данного вида преступности неуклонно снижаются. Так, в 2000 г. в России было зарегистрировано 195 426 преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в 2019 г. – уже 41 548 подобных преступлений, в 2020 г. – 37 771, в 2021 г. – 31 865, в 2022 г. – 30 469, в 2023 г. – 27 325 (минимальный показатель периода). Соответственно, темп снижения в 2023 г. по отношению к 2000 г. по зарегистрированным преступлениям несовершеннолетними составил – 86,0% [3. С. 33; 4. С. 89].

Отметим, что подобной тенденции, находящейся также в корреляции с общемировой, криминологами даются далеко не обнадеживающие объяснения. Так, Я. Гилинский обоснованно отмечает, что большую часть преступности, попадающей в уголовную статистику, составляет «уличная преступность», а основные ее субъекты – подростки и молодежь – в последние годы «ушли» в виртуальный мир интернета [5. С. 56]. На наш взгляд, это еще больше повысило всегда имевшую место латентность преступности несовершеннолетних, обусловленную такими факторами, как «невынос сора из

избы», если преступления совершаются несовершеннолетними против несовершеннолетних в закрытых неформальных группах, отсутствием тяжких последствий у значительной части подобных преступлений и целым рядом других обстоятельств.

Из этого следует, что реальное состояние как преступности несовершеннолетних в целом, так и рецидивной преступности в частности отличается от отраженного в официальной статистике.

Говоря об общемировой тенденции, отметим также, что, как верно было отмечено в одном из зарубежных источников, в системе ювенальной юстиции произошли заметные изменения: количество заключенных и арестов несовершеннолетних за насильственные преступления сократилось примерно на 50% в период с 1997 по 2011 г. Хотя эти изменения достойны восхищения, они маскируют проблемы, которые остаются в системах ювенальной юстиции. Во многих юрисдикциях не отслеживается рецидив, а в тех, где это происходит, наблюдается высокий уровень повторных преступлений – иногда до 75% через три года [6]. Из этого вытекает еще один вывод: реальный рецидив лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, может быть гораздо более значительным, однако он может не отслеживаться и не отображаться в официальной статистике, так как, как мы уже отмечали выше, несовершеннолетние очень быстро покидают пределы «несовершеннолетия», становясь взрослыми преступниками.

Обратившись к данным, связанным с исполнением наказаний в отношении несовершеннолетних, отметим, что в настоящее время в воспитательных колониях отбывало наказание незначительное количество лиц анализируемой возрастной группы. По данным ФСИН России, в 2023 г. во всех ВК страны содержалось всего 758 несовершеннолетних осужденных, из них лиц мужского пола – 670, женского пола – 88 при лимите наполнения по приказу 3 115 [7].

Основное число несовершеннолетних, совершивших преступления, в настоящее время осуждается к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и состоит на учете уголовно-исполнительных инспекций. Учитывая тенденцию по смягчению ответственности данной категории лиц, это закономерно. Исправительный потенциал подобных наказаний, на первый взгляд, очевиден. Соответственно, именно на данных о рецидиве этих лиц мы хотели бы более подробно остановиться.

Отметим, что если в 1-м полугодии 2010 г. на учетах УИИ состояло 793 177 осужденных, из них несовершеннолетних – 34 039, то численность лиц, состоявших на учете УИИ, в 2020 г. составила 941 961, несовершеннолетних – 13 415, в 2021 г. – 933 087, несовершеннолетних – 12 217, в 2022 г. – 993 648, несовершеннолетних – 11 029, в 2023 г. – 933 338, несовершеннолетних – 9 697 [3. С. 80; 7–10].

Таким образом, фиксировалось возрастание количества осужденных, состоящих на данном учете в целом, на +17,7% в 2023 г. в сравнении с 1-м полугодием 2010 г., что произошло на фоне уменьшения количества выявленных преступников и осужденных. Это, несомненно, свидетельствует о гуманизации уголовной политики.

При этом количество несовершеннолетних, состоящих на этом учете, резко сократилось, темп снижения в рамках данного периода составил –71,5%. Однако полученный результат является закономерным на фоне общего значительного снижения количества зарегистрированных преступлений несовершеннолетних, самих несовершеннолетних преступников и, соответственно, несовершеннолетних осужденных.

Представляют интерес сведения о количестве осужденных, в отношении которых были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет УИИ. Если в 2001 г. ими было совершено 198 преступлений, то в 2008 г. – 903, в 2010 г. – 787, в 2020 г. – значительно меньше – 448, в 2021 г. – еще меньше – 343, в 2022 г. – 403, в 2023 г. – 284 (минимальный показатель периода) [3. С. 81; 7–10]. Мы видим, что по данному показателю в 2023 г. по отношению к 2001 г. фиксировалось увеличение на +43,3%. В то время как в 2023 г. по отношению к 2020 г. по этому же показателю наблюдалось снижение на –36,6%.

При этом нельзя не отметить, что речь выше шла об абсолютных показателях, которые не всегда способны представить объективную картину преступности. Для более полного понимания происходящего необходимо определить уровень преступности данной категории лиц. Так, если в 2008 г. этот показатель составил 33 преступления на 1 000 осужденных, то в 2023 г. он незначительно снизился, составив 29,28 преступления на 1 000 осужденных. Расчет уровня преступности в три предшествующих года также не демонстрирует значительного прогресса. Так, уровень преступности несовершеннолетних, состоящих на учете УИИ, в 2020 г. составил 33,40 преступления на 1 000, в 2021 г. – 28,08 на 1 000, в 2022 г. – 36,54 на 1 000. Следовательно, говорить о том, что рецидивная преступность несовершеннолетних, состоящих на учете УИИ, снижается, невозможно.

При этом было осуждено за совершение преступлений несовершеннолетними данной категории в 2020 г. 358 (или 79,9%) от числа несовершеннолетних, в отношении которых были возбуждены уголовные дела после постановки на учет, в 2021 г. – 273 (или 79,6%), в 2022 г. – 268 (или 66,5%), в 2023 г. – 189 (или 66,5%) [7–10]. Данные показатели свидетельствуют о достаточно высоком уровне осуждения за совершенные преступления. Очевидно, что у судов не остается другого выхода, кроме как «обеспечить» несовершеннолетнего судимостью. Речь идет о довольно неблагополучном социальному контингенте, который условное осуждение и осуждение к другим видам наказаний, не связанным с лишением свободы, вообще не исправляет в силу различных преступлений, среди которых можно назвать: неосознание себя наказанным, наличие социально вредных связей, которое никак не купируется со стороны сотрудников УИИ.

Для конкретизации условной «криминогенности» наказаний следует рассмотреть данные о том, насколько часто уголовно наказуемые противоправные деяния совершают лица анализируемой возрастной категории, осужденные к различным видам наказаний. Лидером по

абсолютным показателям повторности являются те из них, кто осужден условно. Так, в 2023 г. в отношении 203 лиц данной категории были возбуждены уголовные дела за совершение повторных преступлений после постановки на учет в УИИ, в 2022 г. этот показатель составил – 305, в 2021 г. – 252, в 2020 г. – 307 [7–10]. Удельный вес данной категории лиц от общего числа несовершеннолетних, в отношении которых были возбуждены уголовные дела в период постановки на учет, составил в 2023 г. 71,5%, в 2022 г. – 75,7%, в 2021 г. – 73,5%, в 2020 г. – 68,5%. Таким образом, удельный вес фактически в рамках периода не изменился.

Нередко повторные преступления совершают лица в возрасте 14–17 лет, осужденные судами к обязательным работам, исправительным работам и ограничению свободы.

Так, в 2023 г. повторное преступление совершили 45 несовершеннолетних, осужденных к обязательным работам, их удельный вес составил 15,8%, в 2022 г. – 48, их удельный вес составил 11,9%, в 2021 г. – 64, их удельный вес был равен 18,6%, в 2020 г. – 86, их удельный вес составил 19,2% [7–10]. Следовательно, можно отметить уменьшение удельного веса лиц, осужденных к обязательным работам, по данному показателю в рамках анализируемого периода.

В 2023 г. повторное преступление совершили 4 несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, их удельный вес составил 1,4%, в 2022 г. этот показатель также составил 4, их удельный вес составил 1,0%, в 2021 г. – 5, их удельный вес был равен 1,5%, в 2020 г. – 11, их удельный вес составил 2,5% [7–10]. Анализ данных показывает, что удельный вес данных осужденных также в рамках периода снизился.

В 2023 г. повторное преступление совершили 18 несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы, их удельный вес составил 6,3%, в 2022 г. – 26, их удельный вес составил 6,5%, в 2021 г. – 12, их удельный вес был равен 3,5%, в 2020 г. – 26, их удельный вес составил 5,8% [7–10]. По данному показателю в рамках периода фиксировалось небольшое возрастание удельного веса.

Вышеприведенные данные, на первый взгляд, прямо свидетельствуют о том, что условное осуждение несовершеннолетних к лишению свободы является наиболее рецидивоопасным, оно забирает на себя львиную долю рецидива анализируемой категории лиц. Из этого следует вывод о том, что в настоящее время судам необходимо отдавать приоритет видам наказания, имеющим больший исправительный потенциал. Хотя можно и не согласиться с этим утверждением, указав на тот факт, что чем больше несовершеннолетних осуждается к определенному виду наказания, то тем больше среди них и рецидив. Простая количественная пропорция. На это обстоятельство обращали внимание Л.М. Прозументов и Н.В. Ольховик еще в 2011 г. [3. С. 85–86]. Это приводит нас к выводу о том, что так или иначе рецидивоопасность свойственна многим наказаниям, не связанным с лишением свободы. Очевидно, что, во-первых, при подобном осуждении несовершеннолетние не осознают себя наказанными, они «не переживают» свою

вину в содеянном, а во-вторых, их социально вредные связи при отбывании таких видов наказаний, как правило, не разрываются.

Обратим внимание также на значительное количество среди них лиц, имевших дополнительные обязанности (ограничения), возложенные судом по представлению УИИ либо установленные постановлением УИИ в отчетном периоде. Это свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточном учете личностных особенностей несовершеннолетних судами при постановлении приговора. Так, в 2020 г. этот показатель составил 1 288 (или 9,6% от общего количества лиц данной категории подучетных), в 2021 г. – 1 272 (10,4%), в 2022 г. – 1 056 (9,6%), в 2023 г. – 886 (9,1%) [7–10].

Кроме того, привлекает внимание значительное количество несовершеннолетних, которым судом был прощен испытательный срок по представлению УИИ либо в отношении которых было вынесено постановление УИИ о незачете в срок наказания определенного времени в отчетном периоде. Так, в 2020 г. этот показатель составил 1 272 (или 9,5% от общего количества несовершеннолетних, состоявших на учете УИИ), в 2021 г. – 1 234 (10,1%), в 2022 г. – 1 053 (9,5%), в 2023 г. – 803 (8,3%) [7–10]. Очевидно, что эти несовершеннолетние в период постановки на учет также зарекомендовали себя отнюдь не с положительной стороны.

При этом количество лиц, имевших обязанность прохождения курса лечения (медицинской и (или) социальной реабилитации), хотя и фиксировалось, однако значительным не являлось. В связи с этим возникает закономерный вопрос. Почему большинство несовершеннолетних, состоящих на учете и вроде бы не подлежащих никакой реабилитации, в период испытательного срока совершают преступления и другие антиобщественные деяния? Так, в 2020 г. таких лиц было 71, их удельный вес от общего числа подучетных данной категории составил 0,7%, в 2021 г. их было 134, и их удельный вес составил 0,8%, в 2022 г. – 91, удельный вес в этом году не изменился, составив 0,8%, в 2023 г. таковых было 71, а их удельный вес незначительно понизился, составив 0,7% [7–10]. При этом абсолютное большинство несовершеннолетних, имевших такую обязанность, прошло или проходило курс лечения. Так, в 2020 г. таких лиц было 120, их удельный вес от имевших подобную обязанность составил 89,6%, в 2021 г. – 82, их удельный вес составил 82,0%, в 2022 г. – 81, их удельный вес был равен 89,0%, в 2023 г. – 71 и их удельный вес составил 90,1% [7–10].

Довольно часто несовершеннолетние, состоявшие на учете УИИ, допускали нарушения порядка и условий отбывания наказания и мер уголовно-правового характера, условий исполнения меры пресечения. Так, в 2020 г. число таких несовершеннолетних составило 3 929, и их удельный вес от общей численности несовершеннолетних, состоявших на учете УИИ, в отчетном периоде составил 29,3%, в 2021 г. таких несовершеннолетних было 3 640, их удельный вес составил 29,8%, в 2022 г. количество подобных лиц немного снизилось, составив 3 060, при этом удельный вес изменился незначительно, достигнув 27,7%, в 2023 г. было зафиксировано 2 551 подобное лицо, их

удельный вес составил 26,3% [7–10]. Таким образом, очевидно, что фактически 30% лиц данной категории по-прежнему демонстрирует явное намерение продолжать свою противоправную деятельность.

Обращение к данным о социальной занятости (незанятости) подучетных несовершеннолетних показывает, что в 2023 г. на конец отчетного периода в УИИ состояло 2 804 несовершеннолетних, из них не занятых трудом или учебой было 303, или 10,8%, в 2022 г. таковых было 363, их удельный вес равнялся 10,6%, в 2021 г. их также было 363, но удельный вес составил 9,8%, в 2020 г. таковых было 527, удельный вес был наибольшим в рамках рассматриваемого периода и составил 12,1% [7–10]. Приведенные данные заставляют задуматься о том, почему такое количество несовершеннолетних, состоящих на учете, остается социально не занятыми? Можно ли связать это обстоятельство исключительно с их стойким нежеланием заниматься одобряемыми видами социально значимой деятельности или это можно отнести на недостатки работы УИИ?

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы:

1. Реальное состояние как зарегистрированной преступности несовершеннолетних в целом, так и реcidивной преступности несовершеннолетних отличается от отраженного в официальной статистике.

2. Большую часть «статистической» преступности несовершеннолетних составляет «уличная преступность», а основные ее субъекты – подростки и молодежь – в последние годы «ушли» в виртуальный мир интернета. Это еще больше повысило всегда имевшую место латентность преступности несовершеннолетних.

3. Показатель статистического рецидива несовершеннолетних меньше показателя общего статистического рецидива в три раза, однако следует учитывать, что статистический рецидив несовершеннолетних «укладывается» во временной период, ограниченный строгими возрастными рамками, – 14–17 лет. В силу этого многие из них быстро покидают возраст «несовершеннолетия», продолжая совершать повторные преступления во взрослом возрасте.

4. Основное число несовершеннолетних, совершивших преступления, в настоящее время осуждается к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и стоит на учете УИИ, при этом их количество резко сократилось, что коррелирует с общей тенденцией по неуклонному снижению зарегистрированной преступности несовершеннолетних в нашем государстве с начала текущего столетия.

5. Сведения о количестве осужденных, в отношении которых возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет УИИ в отчетном периоде, демонстрируют высокий уровень рецидивоопасности наказаний, не связанных с лишением свободы и условного осуждения. Если в 2008 г. этот показатель составлял 33 преступления на 1 000 осужденных, то в 2023 г. – 29,28 преступления на 1 000 осужденных. Значительных позитивных изменений мы здесь не зафиксировали, динамику в рамках рассмотренного периода можно охарактеризовать как волнообразную.

6. В период с 2020 по 2023 г. среди несовершеннолетних, состоявших на учете УИИ, наблюдалось значительно количество тех, кто допускает нарушения порядка и условий отбывания наказания и мер уголовно-правового характера, условий исполнения меры пресечения, их удельный вес в рамках проанализированного временного периода колебался в пределах 29,8–26,3%.

Вышесказанное свидетельствует о том, что проблема противодействия рецидивной преступности несовершеннолетних сохраняет свою актуальность, несмотря на кажущуюся «волшебной» тенденцию по неуклонному сокращению зарегистрированной преступности несовершеннолетних в нашем государстве.

Список источников

1. Recidivism Rates by Country 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/recidivism-rates-by-country> (дата обращения: 07.10.2024).
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года, январь–декабрь 2022 года, январь–декабрь 2021 года, январь–декабрь 2020 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762> (дата обращения: 07.10.2024).
3. Прозументов Л.М., Ольховик Н.В. Рецидивная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 154 с.
4. Писаревская Е.А., Рахманова Е.Н. Преступность несовершеннолетних в России: тенденции и детерминанты // Московский юридический журнал. 2024. № 1. С. 88–97.
5. Гилинский Я. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб. : Алетейя, 2021. 136 с.
6. Reducing juvenile recidivism. URL: <https://csgjusticecenter.org/publications/reducing-juvenile-recidivism/> (дата обращения: 07.10.2024).
7. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2023 г. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2024. 693 с.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2020 г. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2021. 418 с.
9. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2021 г. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2022. 436 с.
10. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы, январь–декабрь 2022 г. Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2023. 538 с.

References

1. World Population Review. (2024) *Recidivism Rates by Country 2024*. [Online] Available from: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/recidivism-rates-by-country> (Accessed: 07.10.2024).
2. RF MIA. (2024) *The State of Crime in Russia for January–December 2023, January–December 2022, January–December 2021, January–December 2020*. [Online] Available from: <https://mvd.ru/folder/101762> (Accessed: 07.10.2024). (In Russian).
3. Прозументов, Л.М. & Ольховик, Н.В. (2011) *Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie* [Juvenile Recidivism and Its Prevention]. Томск: Томск State University
4. Pisarevskaya, E.A. & Rakhmanova, E.N. (2024) Prestupnost' nesovershennoletnikh v Rossii: tendentsii i determinantsy [Juvenile Delinquency in Russia: Trends and Determinants]. *Moskovskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 88–97.
5. Gilinskiy, Ya. (2021) *Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya)* [Postmodern Criminology (Neocriminology)]. St. Petersburg: Aleteyya.
6. CSG Justice Center. (2024) *Reducing juvenile recidivism*. [Online] Available from: <https://csgjusticecenter.org/publications/reducing-juvenile-recidivism/> (Accessed: 07.10.2024).
7. Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2024) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy yanvar'-dekabr' 2023 g. Informatsionno-analiticheskij sbornik* [Key Performance Indicators of the Penal System January–December 2023. Information and Analytical Collection]. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia.
8. Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2021) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy yanvar'-dekabr' 2020 g. Informatsionno-analiticheskij sbornik* [Key Performance Indicators of the Penal System January–December 2020. Information and Analytical Collection]. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia.
9. Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2022) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy yanvar'-dekabr' 2021 g. Informatsionno-analiticheskij sbornik* [Key Performance Indicators of the Penal System January–December 2021. Information and Analytical Collection]. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia.
10. Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2022) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy yanvar'-dekabr' 2022 g. Informatsionno-analiticheskij sbornik* [Key Performance Indicators of the Penal System January–December 2022. Information and Analytical Collection]. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Информация об авторе:

Писаревская Е.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российской государственной университета правосудия (Томск, Россия). E-mail: liorev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Pisarevskaya, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of Criminal Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024,
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

КРИМИНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 343.985

doi: 10.17223/23088451/24/22

СИСТЕМНЫЕ И КОМПЛЕКСНЫЕ НАЧАЛА ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

Алексей Андреевич Крынин¹

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, krynin.a.a@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «системность» и «комплексность» как по отдельности, так и применительно к такому следственному действию, как проверка показаний на месте. Исследованы взаимосвязь данных понятий и их влияние в определении сущности проверки показаний на месте. Проведено сравнение проверки показаний на месте с иными следственными действиями. Акцентировано внимание на различия уголовно-процессуальных и криминалистических целей проверки показаний на месте.

Ключевые слова: системность, комплексность, проверка показаний на месте

Для цитирования: Крынин А.А. Системные и комплексные начала проверки показаний на месте // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 128–134. doi: 10.17223/23088451/24/22

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/22

SYSTEMIC AND COMPREHENSIVE PRINCIPLES OF ON-SITE TESTIMONY VERIFICATION

Aleksey A. Krynin¹

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, krynin.a.a@yandex.ru

Abstract. The article examines the concepts "systemicity" and "complexity" both separately and in relation to the investigative action of on-site testimony verification. At the beginning of the article, the author notes that the comprehensive nature of this investigative action has been established for on-site testimony verification. Further, the author provides arguments in favor of this judgment, supporting them with the opinions of various authors, and examines the concept of "systemicity", noting that to a certain extent the fundamental possibility and specific appropriateness of operating with the concept "complex" in the context of the existence of the concept "system" can be assessed from the standpoint of philosophy. The author also describes two approaches to understanding the system in the context of the concept "complex": the supporters of the first approach operate with formulations in which the system is defined without reference to the term "complex", while the second approach includes the term "complex" in the definition. Further, the author points to the operation of the concepts of systemicity and complexity in legal sciences. Attention is focused on the fact that complexity in legal works is a certain external characteristic of systemicity, indicating a set of parts of a single system, that is, its elements. Considering these concepts in relation to on-site testimony verification, the author notes that the relationship between its complex and systemic characteristics is manifested in the fact that complexity does not lead to understanding of on-site testimony verification as a specific tactical and forensic combination, since the elements of such a combination will not be parts of investigative actions (interrogation, etc.), but specific tactical and forensic techniques inherent in on-site testimony verification, and their combinatorics are limited due to the requirement of the sequence of actions "story – show – demonstration". Further, the author compares on-site testimony verification with other investigative actions (in particular, with interrogation, investigative experiment and identification), indicating their differences through the systemic and complex principles of on-site testimony verification. In the article, the author focuses on the differences between the criminal procedural and forensic goals of on-site testimony verification with the identification of the latter. The article concludes that the concept of complexity characterizes the external structure of on-site testimony verification, while the concept of systemicity characterizes its internal side, formed by a unique set of tactical techniques leading to their special search-cognitive relationship.

Keywords: systemicity, complexity, on-site testimony verification

For citation: Krynin, A.A. (2024) Systemic and comprehensive principles of on-site testimony verification. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 128–134. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/22

В криминалистической литературе давно закрепилась поддерживаемая большинством авторов позиция о том, что проверка показаний на месте является комплексным следственным действием. Отмечается, что характеристика комплексности данного следственного действия отображает факт задействования при его производстве положений именно нескольких следственных действий. Аргументом в пользу комплексности проверки показаний на месте является указание на то, что проверяемой доказательственной информации присущ комплексный характер: она отражается как в показаниях различных лиц, так и в исследованиях различных материальных следов [1. С. 44].

Своего рода конкретизацией данного положения является высказанная некоторыми авторами мысль о том, что специфическим в производстве проверки показаний на месте является возможность следователя оперировать двумя информационными системами, а именно: показаниями лица – будущего участника рассматриваемого следственного действия (вербальная система) и материальной обстановкой, предстоящей участниками проверки его показаний на месте [2. С. 6].

Оценивая данное суждение, нельзя не указать на то, что в протоколе допроса лица, чьи показания затем проверяются, информация о материальной обстановке, в которой оно находилось при обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, носит опосредованный характер. Это опосредование осуществляется через речь допрашиваемого, его мыслительно-речевой аппарат, а затем – и мыслительно-речевой аппарат следователя, фиксирующего эту информацию в протоколе следственного действия. Кроме того, вторая информационная система не ограничивается только материальной обстановкой места проверки показаний, она дополняется рассказом проверяемого лица и демонстрацией им некоторых действий как своих, так и иных субъектов. Наконец, оперирование двумя информационными системами осуществляется и при производстве других следственных действий, например, при очной ставке, когда следователю предстоят информационные системы её участников.

Выводом из указания на комплексность проверки показаний на месте как ее существенную характеристику нередко является мнение о том, что именно комплексность проверки показаний на месте позволяет получить новые доказательства.

Стоит вспомнить, что в качестве основного аргумента необходимости принятия нового следственного действия – проверки показаний на месте уже в начале соответствующей научной дискуссии указывалось на то, что в ходе «выхода на место» следователь получает новые доказательства, обнаруживая и фиксируя объективные факты, имеющие значение по уголовному делу [3. С. 145]. Эту черту проверки показаний на месте подчеркивают и другие авторы [4. С. 7; 5. С. 89].

Оценка правильности этого тезиса невозможна без определения того, что считать новыми доказательствами применительно к результатам рассматриваемого следственного действия, но в силу цели настоящей ра-

боты, состоящей в выяснении комплексных и системных начал проверки показаний на месте, вопрос о критериях новых обстоятельств, о которых идет речь в ч. 1 ст. 194 УПК РФ, в ней не рассматривается. Заметим лишь, что любое следственное действие осуществляется с целью получения доказательств: именно этим обеспечивается режим процессуальной экономии, реализация названного в ст. 6¹ УПК РФ принципа разумности срока уголовного судопроизводства. Как нами отмечено ранее, наличие в ст. 194 УПК РФ текстуального оборота «в целях установления новых обстоятельств» является, по сути, научным компромиссом, позволившим придать проверке показаний на месте статус следственного действия [6. С. 83], учитывая, что аргументация противников проверки показаний на месте сводилась к тому, что она представляет собой всего лишь дублирование допроса.

Во многих отраслях научного знания, в том числе в юриспруденции, употребляются как понятие «категория», так и понятие «система». Так, И.Т. Фролов, говоря о совокупности стоящих перед наукой задач, употребляет только понятие «комплекс», говоря, что «глобальные проблемы, составляя комплекс, сложившийся вокруг своего центра – человека, сами в свою очередь носят комплексный характер, и их решение требует взаимодействия всего комплекса наук» [7. С. 10]. В качестве примера оперирования, напротив, лишь понятием «система» при описании значительного множества взаимосвязанных объектов можно привести высказывание Б.М. Гонгало, подчеркивающего, «что существовавшая россыпь правовых норм в разных актах различной отраслевой природы, регулирующих связанные между собой отношения, побуждала к принятию системообразующего документа» [8. С. 79].

В определенной мере принципиальная возможность и конкретная уместность оперирования понятием «комплекс» в контексте существования понятия «система» могут быть оценены с позиции философии. Прежде всего заметим, что сам термин «система» отсылает нас к философскому троизму о том, что все явления находятся между собой в необходимой связи («закон всеобщей взаимосвязи») [9. С. 39]. Можно говорить о двух подходах в понимании системы в контексте понятия комплекса. Сторонники первого подхода оперируют формулировками, в которых система определяется без обращения к термину «комплекс» [10. С. 43], причем такой подход является доминирующим: на это указывает тот факт, что во взятых на выбор тематических словарях [11–14] существует понятие «система», но отсутствует понятие «комплекс».

Вторая группа определений системы строится на включении термина «комплекс» в отмеченное определение. Так, например, В.Е. Толпыкин отмечает, что система есть целостное образование, представляющее собой организованный, упорядоченный **комплекс** (выделено мною. – A.K.) элементов, содержательно и структурно связанных между собой [15. С. 28].

В юридических науках, в том числе в криминалистике, можно увидеть оперирование как понятием «система», так и понятием «комплекс». Так, В.А. Уткин

определяет систему как целостный комплекс взаимодействующих необходимых и достаточных элементов, направленный на достижение и способный достичь определенных целей (цели) при данных внешних условиях (требованиях) [16. С. 240]. Здесь, как можно видеть, термин «система» является определяемым, а термин «комплекс» – определяющим конструктом. Совершенно иное соотношение этих понятий можно увидеть у других авторов, которые, например, пишут, что «российская правовая **система** (выделено мною. – А.К.) представляет собой сложное комплексное образование» [17. С. 26] либо суждение о том, что у обучаемого нужно формировать **комплексное** (но не системное – выделено мною. – А.К.) представление о российской правовой системе [18. С. 98]. При таком понимании комплексность принимает значение довлеющего обстоятельства над системностью, что нельзя признать правильным.

В криминалистике как в прикладной юридической науке можно увидеть факты оперирования, причем одновременного, как понятием комплекса, так и понятием системы. Так, формулируя цель диссертационных исследований, нередко пишут, что таковой является «комплексное исследование актуальных теоретических и практических проблем криминалистической характеристики...» [19. С. 3]. В дальнейшем в содержании этой работы её автор ведет рассуждение о системе криминалистической характеристики названного убийства, системе следственных ситуаций и т.п. [19. С. 7–21]. Другим примером можно назвать работу, в которой цель научного исследования определяется как комплексное исследование использования процессуальных и непроцессуальных форм специальных знаний в контексте применения их в раскрытии, расследовании и предупреждении мошенничества в сфере автострахования, а её содержание широко представлено обращением к положениям системного подхода [20. С. 7–8]. Нетрудно увидеть, что комплексность в таких случаях является некой внешней характеристикой системности, указывая на совокупность частей единой системы, т.е. её элементов.

Одним из авторов, акцентирующих внимание на соотношении понятий комплекса и системы, является В.Г. Афанасьев. Так, приступая к анализу понятия системы, он прежде всего указывает на ее понимание одним из основоположников системного подхода – Л. Берталанфи, данном еще в 1960 г., говорившем о системе как комплексе элементов, находящихся во взаимодействии, уточнивши неоднократно, что применительно к системе мы имеем дело с комплексностью [21. Р. 33]. Анализируя данное определение, В.Г. Афанасьев отмечает, что такое определение «...является слишком широким, поскольку включает в себя различного рода конгломераты...» [22. С. 99]. Следует заметить, что на несоразмерность определения Л. Берталанфи указывают и другие авторы [23. С. 105].

Подчеркнув данную проблемность определения Л. Берталанфи, В.Г. Афанасьев вместо термина «комплекс» в определении системы прибегает к термину «компонент», что является синонимом широко применяемого в настоящий момент термина «элемент системы» [22. С. 99].

Для целей нашего исследования, различия понятий комплекса и системы, возможности оперирования как тем, так и другим применительно к выяснению понятия и сущности проверки показаний на месте в определении В.Г. Афанасьевым системы главным является указание на то, что система есть «совокупность объектов, **взаимодействие** которых вызывает появление новых, интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам» [22. С. 99]. Очевидно, что в ходе производства проверки показаний на месте следственные действия, принимающие вид своеобразного комплекса, не взаимодействуют друг с другом, приводя к появлению особых интегративных качеств. В своем внешнем проявлении объединенные в комплекс следственные действия (допрос, следственный эксперимент, опознание) выступают в виде своеобразных **доноров схемы действий** следователя при производстве проверки показаний на месте (допрос схематизировал рассказ, опознание – показ как результат узнавания, следственный эксперимент – демонстрацию некоторых действий) и не могут отобразить сущность проверки показания на месте. Другими словами, комплексность как характеристика проверки показаний на месте отражает внешнюю структуру этого следственного действия, т.е. его понятие. Сущность же, рассматриваемая как движущая сила, заключенная в самом предмете, проявляющаяся в момент взаимодействия этого предмета с другими предметами (объектами), состоит во взаимодействии совокупности тактико-криминалистических приемов, присущих лишь рассматриваемому следственному действию.

Дополнительной аргументацией в пользу предлагаемого взгляда на комплексность проверки показаний в контексте её системного характера является высказанное отдельными авторами понимание следственного действия как уголовно-процессуального действия, выполнение которого непосредственно, без вспомогательного производства другого следственного действия, позволяет получить доказательства либо проверить имеющиеся в уголовном деле доказательства путем применения специфического комплекса тактических приемов [24. С. 46]. Автор указывает на то, что следственное действие как основа (форма) реализации тактико-криминалистических приемов не может рассматриваться в виде совокупности (комплексности) нескольких следственных действий.

Взаимосвязь между комплексными и системными характеристиками проверки показаний на месте проявляется в том, что комплексность не ведет к пониманию проверки показаний на месте как специфической тактико-криминалистической комбинации, поскольку элементами такой комбинации будут выступать не части следственных действий (допрос и т.д.), а специфические тактико-криминалистические приемы, присущие проверке показаний на месте, причем их комбинаторика носит ограниченный характер в силу требования последовательности действий «рассказ – показ – демонстрация». Комплексность, на которую ссылаются при определении проверки показаний на месте, не может приводить и к появлению такого комплексного тактико-криминалистического средства, как тактическая операция,

в силу того, что будучи включенным в неё, проверка показаний на месте будет наличествовать, например, наравне с допросом, опознанием и т.д.

Характеристика системности проверки показаний на месте отображает факт существования специфической системы тактико-криминалистических приемов и взаимосвязей между ними. Системность проявляется в том, что чередование тактических приемов обусловлено такой повторяемостью действий, а именно: рассказ – показ – демонстрация, которое обеспечивает наибольшую поисково-познавательную, доказательственную ценность этого следственного действия. При этом, отдельные авторы придерживаются мнения, в котором к содержательной стороне проверки показаний на месте относят только воспроизведение обстановки и указание на объекты, обращая внимание на то, что исключение из содержания проверки показаний демонстрации действий позволит предельно четко ограничить данное следственное действие от следственного эксперимента [25. С. 111]. Представляется, что для ограничения следственного эксперимента от проверки показаний на месте достаточно понимания того, что если в следственном эксперименте действия имеют характер опыта, т.е. их повторяемости, в том числе с разными вариациями выполнения, то в проверке показаний на месте демонстрируемое действие, о параметрах которого говорило проверяемое лицо при допросе, должно быть повторено именно в этих же параметрах. В том случае если оно выполняется этим лицом в достаточно отличающихся параметрах либо не может быть в сообщенных параметрах выполнено вовсе, речь должна идти о ложности сообщенных при допросе сведений.

На наш взгляд, чередование рассказа – показа – демонстрации как раз и подчеркивает необходимость и возможность выполнения двух криминалистических задач [24. С. 146], решаемых путем производства данного следственного действия, а именно: проверка показаний, полученных в ходе допроса, и получение новых доказательств. Представляется, что именно учет вербального характера допроса, предшествующего проверке показаний на месте, создавшего исходный тактический потенциал рассматриваемого следственного действия, и определил тактическую схему регулирования поведения проверяемого, её начального элемента, приводящего, как подчеркивается в специальной литературе, к возрастанию тактического потенциала [26. С. 97]. Вместе с тем в ходе проверки показаний на месте, ввиду ее тесной взаимосвязи с содержанием сведений, ранее сообщенных при допросе, при ее организации и осуществлении сохраняют свою эффективность тактико-криминалистические рекомендации, направленные на повышение эффективности получения показаний, использованные при допросе [27. С. 6].

Системность характеризует некую совокупность специфических групп тактических приемов, присущих ряду следственных действий. Правильным будет говорить о строгой совокупности тактических приемов, указывающих на криминалистическую природу соответствующих следственных действий. Так, проверка показаний на месте не допускает, на наш взгляд, проведение

некоторых опытных действий, совершаемых проверяющим лицом. Например, если при допросе по делам о квартирных кражах обвиняемый утверждал, что он свободно достал до верхней полки шкафа, на которой находился похищенный предмет, а в ходе проверки его показаний на месте обнаружилось, что это лицо не может дотянуться до указанной полки, даже привстав на цыпочки, нельзя, исходя из природы данного следственного действия, позволяющей ограничить его от иных следственных действий, проверять возможность изъятия с указанного места отмеченного предмета кражи путем вставания, например, на стул: в этом случае можно вести речь о производстве следственного эксперимента вместо производства проверки показаний на месте. Собственно, на наш взгляд, именно данное обстоятельство в свое время выступило явно или неявно главным аргументом в пользу оформления разработанных криминалистикой приемов в уголовно-процессуальное правило, появления еще одного, как принято говорить, самостоятельного следственного действия, которое по своей тактической природе было не похоже на следственный эксперимент. Говоря о специфической системности тактических приемов производства следственного действия, необходимо исходить из того, что данная система носит открытый характер, что проявляется в возможности включения в нее в качестве элементов новые тактические приемы: об открытости систем как условии всеобщей взаимосвязанности и взаимозависимости объектов в природе писали многие авторы [28. С. 33].

Как во всякой системе, исключение какого-либо её элемента ведет к видоизменению её функционирования вплоть до полного прекращения существования. Если оттолкнуться от этого суждения, можно сделать вывод о том, что «изъятие» из триады проверки показаний на месте рассказа или показа либо демонстрации действий (фактически – «производящей силы», т.е. группы соответствующих тактических приемов) приведет к тому, что мы будем иметь дело с иным следственным действием либо действием, не являющимся, в смысле уголовного процесса, следственным действием.

О системности проверки показаний на месте как отражении её сущности будет свидетельствовать специфический алгоритм достижения криминалистических целей проверки показаний на месте. Как отмечают отдельные авторы, криминалистические цели выражают внутреннюю сторону поисково-познавательной деятельности, принимающую форму рефлексии следователя, основанной на применении аналитических тактико-криминалистических средств, когда он использует в тактических построениях не только сведения, прошедшие проверку процессуальным путем, но и информацию, не получившую статус доказательства по тем или иным причинам [24. С. 42]. В соответствии с этим, целями производства проверки показаний на месте являются следующие:

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между действиями преступника на месте совершения преступления и его особыми профессиональными и преступными навыками;

- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом подготовки и способом совершения преступления;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения и способом сокрытия преступления;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между действиями соучастников преступления;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между способом совершения преступления и его обстановкой;
- криминалистический анализ причинно-следственных и иных связей между следами преступления и его механизмом [29. С. 692].

Выделяя криминалистические цели проверки показаний на месте, следует отметить, что они не совпадают с уголовно-процессуальными целями следственного действия. Данное несовпадение предопределено различиями в предметах названных наук, что влечет различное понимание направленности методов производства того или иного следственного действия. В некоторой мере затушевыванию тактико-криминалистической сущности отдельных следственных действий способствует, как верно отмечают отдельные авторы, их текстуальное изложение в УПК РФ [24. С. 39]. Нередко в криминалистических работах при рассуждении о результатах проверки показаний на месте оперируют процессуальной целью названного следственного действия, указывая, что «органы предварительного следствия и суд вправе опираться на сведения, полученные при проверке показаний на месте, только если это сведения о новых обстоятельствах по сравнению с ранее данными показаниями и имеют качество доказательств» [30. С. 79].

Проверка показаний на месте отличается специфической реализацией криминалистических целей, которая выражается в их особой полноте по сравнению с их реализацией в ходе производства иных следственных действий. Для примера сравним её со следственным экспериментом, в рамках которого по определенным, вполне реальным причинам длительное время реализовывалась совокупность тактических приемов, послуживших своего рода «легализации» проверки показаний на месте: в рамках следственного эксперимента нельзя наглядно проверить действительные пути подхода и отхода преступника, его взаимоотношения с потерпевшим и иное. То же может быть отмечено в сравнительном плане и в отношении иных, кроме следственного эксперимента, следственных действий.

Проверке показаний на месте как результату взаимодействия неповторимой системы тактических приемов

присуща целостная, неразрывная, непосредственная связь между актами: поисково-познавательная ценность рассказа при проверке показаний на месте может быть проверена оценкой такого действия, как показ (указание) на соответствующий объект, а поисково-познавательная ценность этого действия и рассказа может быть сразу же проверена в результате проведения демонстрируемых действий.

Результативность (тактико-криминалистическая ценность) проверки показаний на месте такова, что она сразу же позволяет приступить к производству ряда следственных действий, в основе которых будут лежать некоторые характеристики составляющих проверку показаний на месте действий: допроса (рассказ), следственного эксперимента (демонстрируемые действия), опознания (показ). Представляется возможным сказать о предмете каждого из перечисленных следственных действий. Так, в последующем после проверки показаний на месте допросе вопросы к допрашиваемому будут касаться рассказа демонстрируемых действий, показа. В следственном эксперименте его предметом будут определенные, сравнительно сложные действия, о которых сообщило проверяемое лицо в своем рассказе: их проверка должна строиться на совокупности опытов, составляющих суть следственного эксперимента, а также во многих случаях на реконструкции обстановки. Демонстрируемые же проверяемым лицом действия носят простой характер, они очевидны и воспринимаются однозначно. Предметом опознания будут обнаруженные в ходе проверки показаний на месте ранее не отысканные объекты, имеющие значение для расследования.

Завершая изложение, учитывая своеобразную последовательность познавательных актов, демонстрируемых проверяемым лицом, состоящую в рассказе о наблюдавшихся обстоятельствах, в указании (показе) на определенные материальные объекты, находящиеся на месте проверки показаний, а также в производстве отдельных действий, можно говорить, что тактические приемы, опосредующие каждый из познавательных актов, выступают структурным элементом специфической системы тактико-криминалистических приемов, взаимодействующих между собой. При этом направлением такого взаимодействия, как подчеркивают отдельные авторы, должно быть усиление тактико-криминалистического воздействия каждым из последующих приемов и взаимосвязей между ними.

Таким образом, понятие комплексности характеризует внешнюю структуру проверки показаний на месте, в то время как понятие системности – её внутреннюю сторону, образуемую неповторимой совокупностью тактических приемов, ведущей к их особой поисково-познавательной взаимосвязи.

Список источников

1. Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 60 с.
2. Драпкин Л.Я., Андреев А.А. Теория и практика проверки показаний на месте : науч.-метод. пособие. Екатеринбург, 2003. 76 с.
3. Белкин Р.С. Избранные труды. М. : Норма, 2009. 768 с.
4. Пилявец С.В. Современные проблемы проведения проверки показаний на месте: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. 17 с.
5. Койсин А.А., Курьянова Ю.Ю. Соотношение следственного эксперимента и проверки показаний на месте // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3 (42). С. 88–91.

6. Крынин А.А. Некоторые исторические аспекты и современные особенности тактики проверки показаний на месте // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2024. № 1(46). С. 81–84.
7. Белкина Г.Л., Корсаков С. Идеи комплексного подхода и единой науки о человеке в трудах И.Т. Фролова // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М. : Институт философии РАН, 2008. С. 4–18.
8. Гонгало Б.М. Комплексность в праве // Закон. 2020. № 6. С. 73–83.
9. Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 1(312). С. 24–42.
10. Аверьянов А.М. Системное познание мира: методологические проблемы. М. : Политиздат, 1985. 263 с.
11. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Мин. : Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
12. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. 719 с.
13. Философия науки: Краткий энциклопедический словарь. М. : Омега-Л, 2008. 328 с.
14. Руденко А.М. Философия в схемах и таблицах : учеб. пособие. 2-е изд., испр. Ростов н/Д : Феникс, 2013. 382 с.
15. Толпыхин В.Е. Системность как методологический принцип современной постнеклассической науки // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 27–29.
16. Уткин В.А. О системном подходе в уголовно-исполнительной политике // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 240–247.
17. Соловьев С.Г. К вопросу о комплексности предмета и о методах муниципальной отрасли права // Современное право. 2010. № 10. С. 25–28.
18. Ильясов Р.В. Реализация принципа комплексности в преподавании экологического права // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы Восемнадцатой всеросс. науч.-метод. конф. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. С. 96–98.
19. Александрова О.Е. Криминалистическая характеристика убийств по найму и организационно-тактические особенности их расследования : автореф. дис. ... канд. юрид наук. Нижний Новгород, 2005. 23 с.
20. Усачев С.И. Особенности использования специальных знаний при расследовании мошенничества в сфере автострахования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022. 25 с.
21. Bertalanffy L. General System Theory: Foundations, Development, Applications. New York : George Braziller, 1968. 289 p.
22. Афанасьев В.Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. 1973. № 6. С. 98–111.
23. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
24. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.
25. Ахмедшин Р.Л., Чаднова И.В. Процессуальная и криминалистическая природа проверки показаний на месте // Уголовная юстиция. 2016. № 2(8). С. 109–115.
26. Князьков А.С. Проблемы тактико-криминалистической комбинации в контексте её классификации // Уголовная юстиция. 2015. № 2(6). С. 95–99.
27. Варданян А.В. Процессуально-тактический потенциал проверки показаний на месте и особенности его реализации при расследовании насильственных преступлений, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. С. 3–9.
28. Тарасенок Ф.П. Прикладной системный анализ : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010. 224 с.
29. Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. Н.Т. Веденникова. Томск : Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2008. 1128 с.
30. Прошин В.М. Обусловленность тактики «проверка показаний на месте» процессуальной целью данного следственного действия // Наука. Образование. Современность. 2023. № 1. С. 78–80.

References

1. Golovin, A.Yu. (2003) *Teoreticheskie osnovy i aktual'nye problemy kriminalisticheskoy sistematiki na sovremennom etape razvitiya kriminalistiki* [Theoretical Foundations and Current Problems of Forensic Taxonomy at the Current Stage of Forensic Science Development]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Drapkin, L.Ya. & Andreev, A.A. (2003) *Teoriya i praktika proverki pokazaniy na meste: nauch.-metod. posobie* [Theory and Practice of On-Site Testimony Verification: Scientific and Methodological Manual]. Yekaterinburg.
3. Belkin, R.S. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Norma.
4. Pilyavets, S.V. (2004) *Sovremennye problemy provedeniya proverki pokazaniy na meste: ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty* [Current Problems of On-Site Testimony Verification: Criminal Procedure and Forensic Aspects]. Abstract of Law Cand. Diss. Kaliningrad.
5. Koysin, A.A. & Kur'yanova, Yu.Yu. (2008) *Sootnoshenie sledstvennogo eksperimenta i proverki pokazaniy na meste* [The Correlation between the Investigative Experiment and On-Site Testimony Verification]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 3 (42). pp. 88–91.
6. Krynin, A.A. (2024) Nekotorye istoricheskie aspekty i sovremennye osobennosti taktiki proverki pokazaniy na meste [Some Historical Aspects and Modern Features of the Tactics of On-Site Testimony Verification]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1 (46). pp. 81–84.
7. Belkina, G.L. & Korsakov, S. (2008) Idei kompleksnogo podkhoda i edinyy nauki o cheloveke v trudakh I.T. Frolova [Ideas of an Integrated Approach and a Unified Science of Man in the Works of I.T. Frolov]. In: *Chelovek vchera i segodnya: mezhdisciplinarnye issledovaniya* [Man Yesterday and Today: Interdisciplinary Research]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. pp. 4–18.
8. Gongalo, B.M. (2020) Kompleksnost' v prave [Complexity in Law]. *Zakon*. 6. pp. 73–83.
9. Antonov, M.V. (2014) O sistemnosti prava i "sistemykh" ponyatiyakh v pravovedenii [On the Systematic Nature of Law and "Systemic" Concepts in Jurisprudence]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 1 (312). pp. 24–42.
10. Aver'yanov, A.M. (1985) *Sistemnoe poznanie mira: metodologicheskie problemy* [Systematic Cognition of the World: Methodological Problems]. Moscow: Politizdat.
11. Gritsanov, A.A. (1998) *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk: Izd. V.M. Skakun.
12. Frolov, I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. 7th ed. Moscow: Respublika.
13. Kanke, V.A. (2008) *Filosofiya nauki: Kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy of Science: Concise Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Omega-L.
14. Rudenko, A.M. (2013) *Filosofiya v skhemakh i tablitsakh: ucheb. posobie* [Philosophy in Diagrams and Tables: Textbook]. 2nd ed. Rostov-on-Don: Feniks.
15. Tolpykin, V.E. (2011) Sistemnost' kak metodologicheskiy printsip sovremennoy postneklassicheskoy nauki [Systemicity as a Methodological Principle of Modern Post-non-Classical Science]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 7. pp. 27–29.
16. Utkin, V.A. (2022) O sistemnom podkhode v ugolovno-ispolnitel'noy politike [On the systemic approach in penal policy]. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape s uchetom realizatsii Konseptsiy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda* [The penal system at the present stage, taking into account the implementation of the Concept of Development of the Penal System of the Russian Federation for the period up to 2030]. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 240–247.

17. Solov'ev, S.G. (2010) K voprosu o kompleksnosti predmeta i o metodakh munitsipal'noy otrassli prava [On the Complexity of the Subject and the Methods of the Municipal Branch of Law]. *Sovremennoe pravo*. 10. pp. 25–28.
18. Il'yasov, R.V. (2013) [Implementation of the principle of complexity in teaching environmental law]. *Podgotovka kadrov dlya silovykh struktur: sovremennoye napravleniya i obrazovatel'nye tekhnologii* [Training of personnel for law enforcement agencies: modern trends and educational technologies]. Conference Proceedings. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 96–98. (In Russian).
19. Aleksandrova, O.E. (2005) *Kriminalisticheskaya kharakteristika ubiystv po naymu i organizatsionno-takticheskie osobennosti ikh rassledovaniya* [Forensic Characteristics of Contract Killings and Organizational and Tactical Features of Their Investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
20. Usachev, S.I. (2022) *Osobennosti ispol'zovaniya spetsial'nykh znanii pri rassledovanii moshennichestva v sfere avtostrakhovaniya* [Features of the Use of Special Knowledge in the Investigation of Fraud in the Field of Vehicle Insurance]. Abstract of Law Cand. Diss. Kaliningrad.
21. Bertalanffy, L. (1968) *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York: George Braziller.
22. Afanas'ev, V.G. (1973) O sistemnom podkhode v sotsial'nom poznanii [On the Systems Approach to Social Cognition]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 98–111.
23. Uemov, A.I. (1978) *Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem* [Systemic Approach and General Theory of Systems]. Moscow: Mysl'.
24. Knyaz'kov, A.S. (2013) *Analiticheskie taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Analytical Tactical and Forensic Means of Pre-trial Proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Akhmedshin, R.L. & Chadnova, I.V. (2016) The Procedural and Forensic Nature of Checking Testimony on the Spot. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (8). pp. 109–115. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/8/17
26. Knyaz'kov, A.S. (2015) Problems of Tactical-Forensic Combination in Terms of Its Classification. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2 (6). pp. 95–99. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/6/18
27. Vardanyan, A.V. (2017) Protsessual'no-takticheskiy potentsial proverki pokazaniy na meste i osobennosti ego realizatsii pri rassledovanii nasil'stvennykh prestupleniy, sovershennykh litsami, imeyushchimi psichicheskie rasstroystva, ne isklyuchayushchimi vmenyaemosti [Procedural and Tactical Potential of On-Site Testimony Verification and Features of Its Implementation in the Investigation of Violent Crimes Committed by Persons With Mental Disorders That Do Not Exclude Sanity]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 3-2. pp. 3–9.
28. Tarasenok, F.P. (2010) *Prikladnoy sistemnyy analiz: ucheb. posobie* [Applied Systemic Analysis: Textbook]. Moscow: KNORUS.
29. Knyaz'kov, A.S. (2018) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Forensic Science: Lecture Course]. Tomsk: Izd-vo "TML-Press".
30. Proshin, V.M. (2023) Obuslovленност' taktiki "proverka pokazaniy na meste" protsessual'noy tsel'yu dannogo sledstvennogo deystviya [Conditionality of the On-Site Verification of Testimony Tactics by the Procedural Purpose of This Investigative Action]. *Nauka. Obrazovanie. Sovremennost'*. 1. pp. 78–80.

Информация об авторе:

Крынин А.А. – старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул, Россия). E-mail: krynin.a.a@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Krynin, senior lecturer, Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: krynin.a.a@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 347.97

doi: 10.17223/23088451/24/23

ЗАДЕРЖАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ, АВСТРИИ И ЛИХТЕНШТЕЙНА (ЧАСТЬ 2)

Александр Анатольевич Трефилов¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, trefilova1989@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные сравнительно-правовые подходы к институту задержания в уголовном судопроизводстве. Показаны некоторые недостатки модели, при которой законодатель прямо не устанавливает сроки задержания или его отдельных видов. Исследован правовой статус задержанного лица, а также его связь с подозреваемым и обвиняемым в указанных правопорядках.

Ключевые слова: задержание, сроки задержания, правовой статус задержанного лица, подозреваемый, обвиняемый, защитник первого часа, меры принуждения в уголовном процессе

Для цитирования: Трефилов А.А. Задержание в уголовном процессе Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна (часть 2) // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 135–143. doi: 10.17223/23088451/24/23

Original article
doi: 10.17223/23088451/24/23

DETENTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN GERMANY, SWITZERLAND, AUSTRIA, AND LIECHTENSTEIN (PART 2)

Aleksandr A. Trefilov¹

¹ National Research Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, trefilova1989@gmail.com

Abstract. The first part of this article, published in the previous issue of this journal, comprehensively examined the concept of detention, as well as the grounds for applying this measure of coercion in Germany, Switzerland, Austria, and Liechtenstein. In the second part of the article, the author raises the issue of detention periods in German-language legal systems. The main comparative legal approaches to this institution in criminal proceedings are considered. Some shortcomings of the model in which the legislator does not directly establish the terms of detention or its individual types are shown. The legal status of the detained person, as well as his/her relationship with the suspect and the accused in the specified legal systems are studied. The trend associated with the expansion of the right of the detained person to legal assistance (the first-hour defense attorney institution) is analyzed.

Keywords: detention, detention periods, legal status of detained person, suspect, accused, first-hour defense attorney, coercive measures in criminal proceedings

For citation: Trefilov, A.A. (2024) Detention in criminal proceedings in Germany, Switzerland, Austria, and Liechtenstein (Part 2). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 135–143. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/23

§ 1. Сроки задержания

Поскольку задержание является краткосрочным лишением свободы, стремление законодателей ограничить задержание конкретным сроком имеет давнюю историю. Конституция Франции 1795 г. прямо предусматрела: «Если в результате допроса выяснится невиновность задержанного, он должен быть тотчас же освобожден; или, если виновность лица установлена, его отправляют в дом предварительного заключения, куда лицо должно быть направлено в самый короткий срок, который ни в коем случае не может превышать трёх

дней» (ст. 225) [1. С. 139–141]. После этого избирается заключение под стражу или иная мера принуждения.

Применение историко-правового и сравнительного правового метода позволяет в результате научного обобщения установить пять возможных подходов к срокам задержания.

Первый подход. Сроки задержания вообще не установлены. В качестве исторического примера можно привести Каролину 1532 г., Терезиану 1768 г., а также отменённый УПК Лихтенштейна 1913 г. (§ 117–119).

Второй подход. Закон не устанавливает конкретного срока задержания, но предписывает немедленное доставление задержанного в суд. Пример: УПК кантона Ааргау 1958 г. (§ 73).

Третий подход. Предусмотрен предельный верхний срок задержания, при этом его продление не допускается. Срок может быть установлен в часах (пример: не более 48 часов по ч. 1 § 172 УПК Австрии 1975 г.; не более 24 часов по ст. 105 Закона Сирии об уголовном процессе [2. С. 76]; не более 48 часов, согласно Закону Северной Кореи об уголовном процессе 1992 г. [3. С. 54]) или в днях (не позднее следующего дня, согласно ч. 1 ст. 128 УПК Германии 1877 г.).

Пример из немецкой истории. Конституционный акт Великого герцогства Баденского 1818 г. предусмотрел: никто не может быть арестован иначе как с соблюдением установленных в законе форм, равно как и задержан в тюрьме более двух суток без надлежащего извещения о причинах задержания (ст. 15) [1. С. 276].

Четвёртый подход. Предусмотрен предельный верхний срок задержания, исчисляемый в часах, при этом его продление допускается. Пример: УПК РФ 2001 г. (п. 11 ст. 5, п. 3 ч. 7 ст. 108), УПК Беларуси 1999 г. (ч. 2 ст. 112).

Пятый подход. В стране одновременно действуют два правовых акта, противоречащих друг другу и устанавливающих различные сроки задержания. Указ Президента РФ «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» от 14 июля 1994 г. допускал содержание обвиняемого под стражей до 30 суток, в то время как по ст. 22 Конституции РФ этот срок был ограничен 48 часами. Между двумя нормами возникла коллизия, которая в конечном счёте решилась в пользу Конституции (в 1997 г. Указ был отменён) [4. С. 214]. Такой подход крайне нежелателен, так как нарушает принцип законности и деструктивным образом вносит разлад в правовую систему.

Германия

Согласно ч. 1 ст. 128 УПК Германии, задержанный, если он не отпущен на свободу, должен быть незамедлительно, но не позже следующих суток (*spätestens am Tage nach der Festnahme*) представлен судье участкового (районного) суда (*Amtsgericht*) по месту его задержания. Данная норма основана на Конституции ФРГ, которая прямо устанавливает в ч. 2 ст. 104: полиция на основе собственных полномочий никого не может содержать под стражей дольше, чем до конца дня, следующего за задержанием (*bis zum Ende des Tages nach dem Ergreifen*).

Интересно, что данная норма предусмотрена в УПК Германии с момента его принятия в 1877 г. По тем временам она выглядела достаточно прогрессивно. По понятным причинам в период нацистской диктатуры (1933–1945) она не применялась.

Как мы видим, в рассматриваемом правопорядке, в отличие от российского конституционного и уголовно-процессуального права, нет нормы о 48-часовом сроке задержания. При буквальном толковании приведённого

выше положения если лицо задержано, например, в пятницу в 14.00, то его необходимо доставить в суд для избрания меры пресечения в любое время в субботу. Чем позже лицо задержали в пятницу, тем меньше времени у правоохранительного органа для заявления в суд указанного ходатайства. По такой логике целесообразно производить задержание сразу после полуночи или в первой половине дня. В определённой степени это обуславливает неравенство задерживаемых лиц.

Швейцария

Полицейское задержание и уголовно-процессуальное задержание имеют разные сроки – в этом состоит третье значимое различие между ними.

В случае уголовно-процессуального задержания прокуратура должна не позднее 48 часов либо освободить данное лицо, либо направить в суд по вопросам мер принуждения ходатайство о заключении под стражу (ч. 2 ст. 224 УПК). В свою очередь, продолжительность полицейского задержания в Кодексе не указана.

Последнее объяснимо двумя причинами. Во-первых, полицейское задержание может и не сопровождаться доставлением лица в полицейский участок (ч. 1 ст. 215 УПК). В этом случае задержание, по сути, представляет собой обычную проверку документов, сопряженную с временным фактическим ограничением передвижения (*фактическое задержание* в материальном смысле). Во-вторых, согласно ч. 2 ст. 216 УПК, если в отношении лица, подвергнутого полицейскому задержанию, должно быть применено уголовно-процессуальное задержание, то оно незамедлительно передается в компетентные органы, и в этом случае уже начинают течь сроки, относящиеся к уголовно-процессуальному задержанию.

Как отмечает профессор Базельского университета Жианфранко Альбертини, «является очевидным, что срок предварительного задержания не может достигать уголовно-процессуального задержания» [5]. Не будем забывать и о принципе ускорения: согласно ст. 5 УПК Швейцарии, органы уголовного судопроизводства незамедлительно принимают уголовное дело к своему производству и доводят его без необоснованной волокиты до окончания. Сказанное относится к задержанию.

Сроки задержания в Военном УПК Швейцарии дифференцируются исходя из того, кто его предписывает. Срок уголовно-процессуального задержания, предписанного военным командиром, – 3 суток, следственным судьёй – 7 суток (ст. 54). Как мы видим, по сравнению с общим УПК эти периоды времени более продолжительные. Срок временного задержания, производимого частными лицами, не установлен, но при этом задержанный должен быть *немедленно* доставлен в ближайшую воинскую часть или в полицию (ст. 55). Для сравнения: российский законодатель после принятия Федерального закона 396-ФЗ от 31.07.2023 также дифференцирует срок доставления задержанного в суд: 48 часов как общее правило и 30 суток, если лицо задержано в условиях военного положения по подозрению в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. При этом в России срок задержания формально не зависит от того, какой субъект его произвёл: государственный орган или частное лицо.

Ювенальный УПК Швейцарии не содержит специальных сроков задержания несовершеннолетних правонарушителей. Подлежат применению рассмотренные выше нормы общего УПК о сроках полицейского задержания и уголовно-процессуального задержания.

Отменённый УПК Ааргау 1958 г. вообще не предусматривал сроков задержания. Вместо этого разработчики установили следующую норму: частные лица обязаны *немедленно* передать задержанного служащему полиции; служащие полиции обязаны *немедленно* доставить задержанного, поскольку подозрение сразу же не оказывается ошибочным, в орган, уполномоченный на издание приказа о заключении под стражу (§ 73).

Отменённый УПК Берна 1995 г., как отмечено выше, предусматривал три вида задержания. Срок предварительного и уголовно-процессуального задержания не был установлен, а срок полицейского ареста составлял 24 часа.

Австрия

Задержанный должен быть доставлен в суд не позднее 48 часов после задержания. Если это невозможно выполнить, например, из-за удалённости места, в котором произведено задержание, из-за серьёзного ранения задержанного или наличия у него серьёзного заболевания, то допускается доставить задержанное лицо в СИЗО или в больницу, а затем обеспечить видеоконференц-связь (*Videokonferenz*) с судом. Она предполагает наличие звука и изображения. В этом случае суд удалённо принимает решение о заключении под стражу или о предписании более мягких мер (ч. 1 § 172 УПК).

Как мы видим, УПК Австрии – единственный немецкоязычный УПК, который с pragmatическими намерениями специально рассматривает ситуацию, при которой обвиняемого невозможно доставить в суд в течение 48 часов. В этом случае на помощь приходят информационные технологии, отражающие цифровизацию уголовного процесса.

Лихтенштейн

Прокурор должен незамедлительно, но не позднее 48 часов внести ходатайство об освобождении задержанного или о предписании заключения под стражу (ч. 3 § 128 УПК).

Полицейский арест отменяется, поскольку предпосылки для его применения отпадают; в любом случае это происходит не позднее 24 часов (п. 5 ст. 24h Закона о полиции).

Как мы видим, предельный срок задержания, предусмотренного в УПК, в два раза выше, чем срок, предусмотренный в Законе о полиции.

Отменённый УПК Лихтенштейна 1913 г. не устанавливал конкретные сроки задержания. Единственное исключение – ситуация, когда имело место массовое задержание участников восстания или мятежа. В этом случае срок задержания не мог превышать 3 дня (ч. 2 § 122).

По нашему мнению, можно с отрицательной стороны охарактеризовать опыт тех правопорядков, которые не устанавливают сроки задержания. Во-первых, к

этому моменту уголовный процесс уже начался, следовательно, должны действовать его основные принципы: разумные сроки, принцип справедливости, уважение человеческого достоинства, неприкосновенность личности и др. Во-вторых, ограничивается конституционное право на свободу передвижения – одно из основных в системе прав человека. В-третьих, правоохранительные органы могут намеренно затягивать сроки задержания, побуждая лицо признать свою вину и обещая ему освобождение после этого или различные льготы.

§ 2. Правовой статус задержанного лица

Германия

Термин *der Beschuldigte* в немецком уголовном процессе обозначает двух разных субъектов. Соответственно, ими являются: 1) обвиняемый, т.е. лицо, которому предъявили обвинение в совершении преступления (в Германии обвинение предъявляется непосредственно в суд первой инстанции), 2) лицо, в отношении которого ведётся производство, в том числе и задержанное лицо (например, в § 9, 22, 24, 40, 52, 53 и т.д.).

Специалист по уголовному процессу Германии С.Г. Коновалов справедливо отмечает: «В наши дни это понятие (*der Beschuldigte*) применяется не только к лицу, которому было предъявлено обвинение, но и к любому заподозреному субъекту, затронутому процессуальным принуждением» [6], а, как известно, задержание – одна из классических форм процессуального принуждения.

Проще говоря, в данном правопорядке нет дуализма подозреваемого и обвиняемого в отличие от законодательства России и других постсоветских стран. Обвиняемый – не только тот, кому предъявили обвинение, но и тот, кого задержали, как бы странно это не звучало с точки зрения отечественной процессуальной логики.

Также С.Г. Коновалов остроумно подметил: «Нельзя оправдывать принуждение ссылкой на *подозрение*, одновременно отказывая лицу в предоставлении прав *подозреваемого*» [7. С. 119] (применительно к Германии – обвиняемого). В Германии «каждый человек, права которого ущемляются в связи с имеющимся подозрением, однозначно обладает статусом обвиняемого» [8. С. 84], а следовательно, имеет все права, предусмотренные в ст. 6 ЕКПЧ 1950 г.

Конституция ФРГ устанавливает, что задержанные лица не могут подвергаться жестокому обращению ни морально, ни физически (*weder seelisch noch körperlich*) (ч. 1 ст. 104). Каждый, кто временно задержан по подозрению в уголовно наказуемом деянии, не позднее дня, следующего за задержанием, должен быть доставлен к судье, который обязан сообщить ему причины задержания, допросить его и дать ему возможность представить свои возражения (ч. 3 ст. 104). В компаративном отношении интересно, что причины задержания сообщают не сотрудники полиции, а судья – носитель судебной власти.

Задержанный имеет право на юридическую помощь, в том числе на приглашение защитника, в любой момент, в том числе сразу после задержания.

Основные права, которые в Германии есть у задержанного лица, совпадают с теми, которые закрепляет УПК РФ (ст. 91–96). Обратим внимание лишь на то, что § 116с УПК ФРГ предусматривает незамедлительное извещение родственников или доверенного лица о его задержании. На эту необычную в компаративном отношении норму немецкого законодательства ранее уже обращалось внимание в отечественной доктрине [9].

В немецкой литературе поднимается интересный вопрос, можно ли обжаловать меры принуждения, например задержание, если они уже исполнены и (или) отменены. П. Головненков и Н. Спица отмечают: «Судебная практика считает приведённые в исполнение меры, назначенные судом, процессуально устаревшими и поэтому исключает возможность их обжалования (в особенности посредством жалобы). Это мнение справедливо оспаривается большинством учёных» [10. С. 42–43].

Швейцария

Швейцарский законодатель в целом опирается на германскую модель конструирования статуса обвиняемого, существовавшую ранее в ряде немецкоязычных кантонов (Цюрих, Гларус, Санкт-Галлен и др.). В соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК этой страны, «в качестве обвиняемого (*der Beschuldigte*) выступает лицо, которое в заявлении о преступлении, в жалобе по делу частного обвинения или в ходе процессуальных действий органов судопроизводства в связи с совершением уголовно-наказуемого деяния подозревается, преследуется или обвиняется». Перед нами материальная концепция обвиняемого.

Как мы видим, ещё даже до задержания лицо может приобрести статус обвиняемого. Законодатель придерживается, в первую очередь, материального, а не формального понимания статуса обвиняемого. Если в отношении лица имеются подозрения, то оно уже становится обвиняемым со всеми вытекающими отсюда последствиями, прежде всего наделением его правом на защиту. При этом подозрение должно быть formalизовано в одном из предусмотренных законом процессуальных документов.

Получается, что в ряде случаев при задержании не происходит смена уголовно-процессуального статуса лица: оно как было *der Beschuldigte* (обвиняемый), так им и осталось.

УПК Швейцарии практически не затрагивает вопрос о правах задержанного лица, поскольку, как сказано выше, оно имеет большинство прав, принадлежащих обвиняемому (право на защиту, право не свидетельствовать против самого себя и др.) (ст. 111, 113 и др.). На начальном этапе расследования в силу тайны следствия исключение составляют только так называемые информационные права стороны защиты.

Конституция Швейцарии не обходит стороной вопрос о правах данного участника процесса: каждое обвиняемое лицо имеет право на как можно более быстрое и полное разъяснение предъявленных ему обвинений. Оно должно иметь возможность воспользоваться принадлежащим ему правом на защиту (ч. 2 ст. 32, озаглавленная «Уголовный процесс»). Поскольку в этой стране

задержанный является обвиняемым, то эти права действуют в том числе и в отношении него.

Одна из центральных новелл УПК Швейцарии 2007 г. – право обвиняемого (задержанного) на общение с защитником сразу же после задержания, т.е. до первого полицейского допроса задержанного лица (ст. 159). В связи с этим швейцарские юристы говорят о так называемом «защитнике первого часа» («*Anwalt der ersten Stunde*»).

Хуго Каменцинд символично озаглавил одну из своих статей в журнале «*Anwaltsrevue*» ярким названием: «Задача первого часа» – центральная часть нового Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии» [11]. Автор развивает мысль о том, что данная новелла – одна из главных в Кодексе. Само доктринальное обозначение этого участника судопроизводства указывает, когда именно он приобретает свой статус. При этом данное название имеет оценочный характер, поскольку защитник может отстаивать интересы своего доверителя не только в первый час задержания, но и в последующие часы, дни, месяцы.

До 2011 г. допуск защитника в процесс до первого допроса предусматривался, как пишет Р. Цалюнардо, «лишь в немногочисленных кантональных УПК» [12. Р. 19], и это скорее рассматривалось как исключение из правила.

Сущность рассматриваемого института заключается в следующем.

В соответствии с абз. 1 ст. 159 УПК, обвиняемый уже при первом полицейском допросе имеет право на то, чтобы защитник мог присутствовать и задавать вопросы. Никаких исключений из этого правила Кодекс не предусматривает, и оно распространяет своё действие на всех лиц (даже подозреваемых в тяжких преступлениях).

В соответствии с абз. 2 ст. 159 УПК, при полицейских допросах задержанного лица данный участник процесса обладает правом свободно общаться со своим защитником. Как пишет П. Гайдон, по смыслу данной нормы защитнику должна быть предоставлена возможность коротко поговорить с обвиняемым *перед* допросом или во время перерыва. В противном случае эффективность защиты существенно снизится [13]. При этом в Послании Федеральному собранию уточняется, что поскольку максимальная продолжительность срока задержания составляет лишь 24 часа (абз. 4 ст. 219 Кодекса), допускается только краткое обсуждение.

Кроме того, в абз. 3 ст. 159 УПК чётко установлено, что осуществление данных прав не открывает возможности требовать перенесения допроса. В противном случае защитники и обвиняемые посредством заявления ходатайств об отложении допроса могли бы добиться истечения срока уголовно-процессуального задержания, составляющего 24 часа. Вместе с тем в Послании Федеральному собранию обращается внимание на необходимость правильного применения абз. 3 ст. 159 УПК: данная норма не должна приводить к тому, что право на защиту станет бессодержательным.

Таким образом, рассмотренная выше новелла создаёт надёжную правовую основу для защиты задержанных лиц и баланс полноте прокурорской власти, на которой основывается избранная составителями УПК Швейцарии 2007 г. «модель прокуратуры II».

С чем связана данная новелла? В целях создания определённого баланса между полицией и прокуратурой, с одной стороны, и задержанным – с другой, законодатель разработал определённые процессуальные механизмы, в частности, предусмотрел участие в деле «защитника первого часа».

В ходе парламентских дебатов по обсуждению УПК Швейцарии вопрос о том, целесообразно ли предоставить задержанному лицу право общаться с защитником до первого допроса, вызвал острые дискуссии. Во многом это объяснялось тем, что в разработке Кодекса и его обсуждении в Федеральном собрании принимали участие практикующие юристы: как адвокаты, так и представители органов уголовного преследования.

Одним из главных противников данного института является шюрихский прокурор Ульрих Ведер. Накануне принятия УПК он опубликовал статью в авторитетном журнале «*Neue Zürcher Zeitung*», в которой утверждал, что наделение задержанных лиц правом на помощь защитника «было бы не в интересах исследования того, что необходимо установить при производстве по уголовному делу» [14. Р. 15]. По его мнению, «сторона защиты, на которую обществом возложена важная правоохранительная функция, в данном случае осуществляет строго одностороннее соблюдение интересов своего доверителя, занимается дачей «нужных» рекомендаций обвиняемому», «она ориентируется с самого начала не на расследование преступного деяния, а на соблюдение собственного интереса в виде благоприятного исхода уголовного процесса». По этой причине, как утверждает У. Ведер, в целях оптимальной организации досудебного производства задержанному не должно предоставляться право «беседовать перед первым допросом “с глазу на глаз” с защитником»; «если допустить такой контакт, высказывания обвиняемого будут отфильтрованы естественными тактическими соображениями, что значительно снизит их доказательственную ценность и затруднит обнаружение истины» [14. Р. 17]. Оценивая данные аргументы, можно констатировать, что в целом в них есть определённая логика. Однако, как говорили римские юристы, «*abusus non tollit usum*» («злоупотребление не исключает правильного употребления»). Даже если отдельные защитники действуют недобросовестно, то это вовсе не значит, что от данного института необходимо отказаться в принципе.

В данном правопорядке сторонников рассмотренного нововведения значительно больше, чем противников. По мнению Х. Каменцинда, участие в процессе «защитника первого часа» является составной частью принципа справедливого судебного разбирательства [11]. По его мнению, первый полицейский допрос «развил значительный стигматизирующий и предрешающий эффект» [11]. По мнению К. Риедо и Г. Фиолки, введение права на защитника до первого полицейского допроса имеет большое практическое значение: «минимизируется риск того, что неосведомлённый в юриспруденции обвиняемый под давлением непривычной обстановки даст неблагоприятные для себя ложные показания, которые позднее будет тяжело исправить, и это может усложнить или замедлить производство» [15. Р. 21–22].

Соглашаясь с доводами данных авторов, представляется уместным привести ещё несколько аргументов в пользу «защитника первого часа» в компаративном контексте:

1) В Европе к настоящему времени практически не осталось государств, в которых задержанный не имеет право на юридическую помощь. Долгое время консерватизмом отличалась Франция, однако, согласно изменениям, внесённым в ст. 70 УПК Законом от 4 января 1993 г., если на стадии дознания прокурор издал приказ о приводе подозреваемого и последний по своей инициативе прибыл с защитником, то прокурор не вправе отказать ему в возможности присутствовать на допросе. В свою очередь на предварительном следствии в этой стране он появился ещё в 1897 г.

В России, как отмечено выше, защитник появился в досудебном производстве с момента задержания в 1992 г. и прочно занял своё место. Право лица на общение с адвокатом в любой момент процесса рассматривается во многих европейских УПК в качестве одной из основ уголовного судопроизводства.

2) ЕСПЧ неоднократно указывал на то, что лишение задержанного права на юридическую помощь не соответствует ст. 6 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод. В связи с этим в швейцарской научной литературе уделяется большое внимание решению ЕСПЧ по делу «Салдуз против Турции» («*Salduz v. Turkey*»), в котором суд указал на то, что отсутствие в процессе «защитника первого часа» уже само по себе является нарушением данной Конвенции: «...ст. 6 Европейской конвенции по защите прав человека требует с целью обеспечения практического и эффективного осуществления права на справедливое судебное разбирательство в качестве общего правила, чтобы защитник имел доступ уже на первый полицейский допрос, если только нет убедительных обстоятельств ограничить это право. Даже если такие обстоятельства исключительным образом существуют, то ограничение этого права несоразмерным образом может причинить вред гарантиям обвиняемого, предусмотренным ст. 6 Европейской конвенции по защите прав человека. Правам, связанным с защитой, причиняется безвозвратный ущерб, если при полицейском допросе в отсутствие защитника самостоятельно данные показания ложатся в основу осуждения лица».

Таким образом, право лица на защиту в современном уголовно-процессуальном праве европейских стран стало основополагающим принципом. В связи с этим лицо должно обладать правом на юридическую помощь на протяжении всего производства по делу, а не с определённого формализованного момента. В первые часы после задержания для него особенно важна моральная и правовая поддержка со стороны адвоката. Запрет получать помощь защитника теоретически может приводить к неблагоприятным последствиям: задержанный, имеющий юридическое образование, находится в значительно более выгодном положении, чем лицо, у которого его нет, поскольку знает, какими обладает правами в начавшемся уголовном процессе.

При отсутствии защитника полиция действует практически бесконтрольно, осознавая, что именно сейчас необходимо приложить все усилия, чтобы побыстрее за- получить признательные показания лица и зафиксировать их, поскольку затем в присутствии защитника это будет сделать гораздо сложнее.

Можно ли в рассматриваемом правопорядке обжаловать задержание? Согласно ст. 393 УПК Швейцарии, жалоба (*Beschwerde*) допустима в отношении: 1) постановлений и процессуальных действий полиции, прокуратуры и органов, осуществляющих производство по уголовным делам о нарушениях; 2) определений и постановлений, а равно как и процессуальных действий суда первой инстанции (исключениями являются так называемые «руководящие решения»); 3) решений судов по вопросам мер принуждения в случаях, предусмотренных УПК.

Таким образом, действия полиции, связанные с задержанием, могут обжаловаться в суд в соответствии с ч. 1 ст. 393 данного Кодекса. При этом действия физических лиц, которые произвели так называемое «гражданское задержание», по смыслу данной нормы обжалованию не подлежат. Если гражданское задержание произведено необоснованно или с применением несоразмерной силы, то уже в отношении них должно начинаться уголовное судопроизводство по соответствующим статьям УК Швейцарии: причинение вреда здоровью (§ 122), незаконное лишение свободы (§ 183) и др.

Законность действий швейцарской полиции периодически привлекает к себе внимание ЕСПЧ. Пределы насилия, допустимого при задержании, рассматриваются в решении по делу «Скавуццо-Хагер против Швейцарии» от 7 февраля 2006 г. Фабула дела при её кратком изложении такова: данный гражданин «скончался три дня спустя после того, как его арестовали двое сотрудников полиции. На момент производства ареста он находился в крайне взбудораженном состоянии. Когда его усадили в полицейский автомобиль, он впал в истерику, выскочил из него, яростно сопротивлялся, но был пойман сотрудниками полиции, а затем потерял сознание. На место происшествия быстро прибыли реаниматологи, которым удалось привести его в чувство, но по пути в больницу он вновь потерял сознание и больше не приходил в него. Швейцарский прокурор отказал в открытии производства по делу. ЕСПЧ усмотрел в этом нарушение п. 1 ст. 2 ЕКПЧ, указав, что власти приняли данное решение на основании лишь того, что степень наркотической интоксикации потерпевшего в любом случае привела бы к его смерти; при этом они даже не поставили перед экспертами вопрос, могла ли сила, примененная сотрудниками полиции – хотя и не смертоносная сама по себе – тем не менее причинить или, по меньшей мере, ускорить смерть потерпевшего. Не установлен полностью и точный способ, использованный для пресечения действий потерпевшего, включая то, как полицейские прижали подозреваемого к земле и применялись ли наручники. Наконец, компетентные органы обвинения должны были задаться вопросом, могли ли знать сотрудники полиции о физически беспомощном состоянии подозреваемого. Родственникам умершего

присудили компенсацию в размере 12 тыс. евро». Решение к настоящему времени исполнено.

По сути, власти Швейцарии привлечены к ответственности за недостаточно эффективное расследование действий полиции, которая взаимодействовала с лицом, погибшим при задержании по невыясненной в полной мере причине.

УПК Ааргау наделял задержанного правом на юридическую помощь и правом быть заслушанным в течение 24 часов после задержания (§ 62, 74 и др.). УПК Берна перечислял права данного участника уголовного процесса более подробно: задержанному разъясняются его права и свободы; ему необходимо объявить основания задержания и предоставить возможность их опровергнуть; обвиняемого следует спросить, нужно ли проинформировать о задержании родственников, работодателя, какие-либо учреждения, а если речь идёт об иностранном гражданине, то иностранное консульство (ч. 1 и 2 ст. 182).

Австрия

УПК Австрии, в отличие от УПК Германии и УПК Швейцарии, разграничивает правовой статус подозреваемого (*Verdächtiger*) и обвиняемого (*Beschuldigter*), на что обращается внимание в отечественной литературе [6]. Подозреваемый – это «лицо, в отношении которого ведётся расследование в связи с наличием начального подозрения» (п. 1 ч. 1 § 48). Обвиняемый – это «подозреваемый, поскольку на основании определенных фактов и доказательств в отношении него возникло конкретное подозрение в совершении преступного деяния либо назначены или проведены следственные действия по выяснению этого конкретного подозрения в соответствии с главой 8 или 9 настоящего Федерального закона» (п. 2 ч. 1 § 48).

Интересно, что в нормах о задержании лица законодатель использует именно понятие «обвиняемый» (*Beschuldigter*) (ч. 1 § 170, ч. 2–4 § 171, ч. 1–3 § 172 и др.).

УПК Австрии устанавливает основные права задержанного лица.

Если задержание предписано прокуратурой, то соответствующее постановление подлежит вручению обвиняемому не позднее 24 часов. Если задержание произвела криминальная полиция самостоятельно, то данная обязанность возлагается на неё (ч. 3 § 171).

Немедленно после задержания обвиняемому представляется в письменном виде правовая информация в доступной ему форме и на понятном ему языке. Она содержит указание на то, что он без излишнего промедления будет доставлен в суд для решения вопроса о заключении под стражу и о том, что он вправе:

- 1) немедленно сообщить о задержании своим родственникам и своему защитнику;
- 2) подать жалобу на задержание в суд или потребовать освобождения в любое время;
- 3) немедленно уведомить консульство своей страны (ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях);
- 4) получить медицинскую помощь.

Если в письменном виде невозможно сообщить задержанному указанную информацию на понятном ему

языке, то сначала можно предоставить ему эти сведения в устной форме, а затем без излишней задержки в письменной форме (§ 171 УПК).

Как мы видим, кодекс предусматривает достаточно подробное информирование задержанного о его правах для того, чтобы он знал их и мог ими воспользоваться (принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве). Элен Бахнер-Фореггер пишет, что данная норма охватывает практически все основные права задержанного лица [16]. Тем самым органы уголовного судопроизводства выполняют функцию обеспечения прав данного участника.

УПК Австрии стремится обеспечить интересы потерпевшего: если данный участник судопроизводства заявил об этом ходатайство, то он должен быть проинформирован о том, какая мера принуждения избрана обвиняемому (ч. 4 § 172 УПК). Тем самым законодатель стремится к достижению баланса интересов задержанного и потерпевшего.

Лихтенштейн

Существенное отличие уголовного процесса Лихтенштейна от немецкого и швейцарского: последовательное разграничение статуса обвиняемого и подозреваемого. В данном княжестве задержанный вовсе не является обвиняемым. В этом можно усмотреть влияние австрийского уголовного процесса.

Согласно § 23 УПК 1988 г., лицо, на которое пало подозрение в совершении уголовно наказуемого деяния, может рассматриваться в качестве обвиняемого (*Beschuldigter*) только тогда, когда в отношении него *предъявлено обвинение или подана уголовная жалоба* (по делу частного обвинения) или *направлено ходатайство об открытии следствия*. До этого момента лицо должно рассматриваться в качестве подозреваемого (*Verdächtiger*). В немецком языке, как и в русском, данный термин происходит от слова «подозрение» (*Verdacht*). Подсудимым (*Angeklagter*) является лицо, в отношении которого предписано рассмотрение дела по существу в связи с обвинением в совершении преступления или уголовного проступка.

УПК Лихтенштейна достаточно подробно регулирует правовой статус задержанного лица, в том числе не обладающего статусом обвиняемого на данный момент времени.

Согласно § 128а, каждого задержанного необходимо уведомить при задержании или непосредственно после этого о существующем против него подозрении в совершении уголовно наказуемого деяния и об основании задержания, а также о том, что он имеет право проинформировать родственника или иное доверенное лицо и защитника и что у него есть право на отказ от дачи показаний. При этом внимание задержанного необходимо обратить на то, что показания служат его защитой, но вместе с тем могут быть использованы в качестве доказательства против него.

Согласно § 129, задержанный должен быть немедленно допрошен о предмете и предпосылках задержания и, если при этом выясняется, что больше не существуют основания для его задержания, немедленно освобождён. Если возможность освобождения не принята

во внимание, то об этом должен быть немедленно уведомлен прокурор; если он заявляет, что не выдвинет ходатайство об избрании заключения под стражу, то задержанный должен быть немедленно освобождён. В ином случае прокуратура должна сразу же уведомить суд о задержании обвиняемого (предложение 1 абз. 3 § 128) и немедленно, но не позднее 48 часов после задержания внести ходатайство об избрании заключения под стражу.

УПК Лихтенштейна возлагает на правоохранительные органы обязанность уведомлять епископа или главу церкви (*an den Bischof oder das geistliche Oberhaupt*), к епархии которой принадлежит обвиняемый, о начале и завершении уголовного судопроизводства (ч. 2 § 40 УПК 1988 г., § 247 УПК 1913 г.). Задержание лица однозначно свидетельствует о том, что уголовное судопроизводство уже ведётся, следовательно, о данном обстоятельстве должно быть извещено указанное духовное лицо. С какой целью это нужно сделать, действующий УПК не устанавливает, а отменённый УПК 1913 г. говорил прямо: чтобы можно было распорядиться об отстранении данного лица от церковной общины (*von der geistlichen Würde*).

Закон о полиции прямо устанавливает: полицейское задержание может быть предписано только в отношении лица, которому исполнилось 14 лет (п. 2 ст. 24h). Если задержанный явно нуждается в медицинском освидетельствовании, то он немедленно обследуются в судебно-медицинском порядке. Это действует в особенности при подозрении на суицид или при установлении оснований, которые могут привести к применению судебных мер, предусмотренных в ст. 11 Закона о социальной помощи. Задержанный информируется об основаниях данной меры. Также ему предоставляется возможность уведомить доверенное лицо, поскольку это не ставит под угрозу цель задержания.

Остаётся добавить, что во всех четырёх рассмотренных правопорядках предусмотрена возможность применения к юридическим лицам иных мер уголовно-правового характера. Поскольку организацию физически невозможно задержать, то орган уголовного судопроизводства может применить к ней другие меры принуждения, предусмотренные в УПК.

Сделаем краткие выводы по теме исследования:

1) В немецкоязычных странах не сложился единый подход к вопросу о сроках задержания. В Германии лицо доставляется в суд не позднее следующих суток. В Швейцарии срок уголовно-процессуального задержания составляет 48 часов, а срок полицейского задержания не установлен. В Австрии и Лихтенштейне срок задержания не может превышать 48 часов. Установление сроков задержания является одной из тенденций развития уголовного процесса Швейцарии и Лихтенштейна. Ранее действовавший УПК Лихтенштейна 1913 г. вообще не устанавливал срок задержания. Отменённый УПК Ааргау также его не определял, а УПК Берна, предусматривавший три вида задержания, устанавливал предельный срок только в отношении одного из них.

2) В уголовном процессе Германии и Швейцарии не существует дуализма подозреваемого и обвиняемого. После задержания лицо становится *der Beschuldigte*, если только оно не имело данный статус раньше. Напротив, в Австрии и Лихтенштейне указанный дуализм имеет место. При этом такой самостоятельный статус, как задержанный, не выделяется ни в законодательстве, ни в доктрине немецкоязычных стран.

3) В большинстве современных правопорядков важнейшим правом задержанного лица является право на юридическую помощь, имеющее международно-правовой и конституционный характер. Все рассмотренные немецкоязычные правопорядки в той или иной

форме закрепляют институт «защитника первого часа», который предполагает возможность обвиняемого пообщаться с адвокатом ещё до первого полицейского допроса.

4) В то время как в Германии и Швейцарии статус лица, в отношении которого ведётся производство по делу, является единым и не зависит от применения к нему мер принуждения (он называется обвиняемый), в Австрии и Лихтенштейне законодатель последовательно разграничивает подозреваемого и обвиняемого. Советский и российский законодатель традиционно придерживается второго подхода.

Список источников

- Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. Н.А. Крашенинниковой. Т. 2. М., 2003. 457 с.
- Сумин А.А., Химичева О.В. Введение в уголовный процесс Сирийской арабской республики. М., 2022. 192 с.
- Сумин А.А., Химичева О.В. Введение в уголовный процесс Корейской народно-демократической республики и Республики Корея. М., 2020. 205 с.
- Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. 352 с.
- Albertini G. Art. 215 // Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung. Basel, 2010. 176 p.
- Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 22 с.
- Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 221 с.
- Коновалов С.Г. Постсоветские реформы досудебного производства в свете германских процессуальных институтов. М., 2023. 192 с.
- Зайцев А.О. Содержание и механизмы защиты прав обвиняемого, заключаемого под стражу в уголовно-процессуальном законодательстве Германии // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ С.П. Щербы. М., 2013. С. 187–201.
- Головненков П., Спича Н. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ – Strafprozessordnung / Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьёй профессора Уве Хельмана. Потсдам, 2012. 187 с.
- Camenzind H. «Anwalt der ersten Stunde» – ein zentraler Teil der neuen Schweizerischen Strafprozessordnung // Anwaltsrevue. 2007. № 8. 97 p.
- Zalunardo R. Ansicht eines Praktikers zu «Teilnahmerecht der Verteidigung im polizeilichen Ermittlungsverfahren» // Plädoyer. 1995. № 4. 54 p.
- Guidon P. Die Schweizerische Strafprozessordnung // Jusletter 15. September 2008. 145 p.
- Weder U. Fragen zum «Anwalt der ersten Stunde», Sorge um Beeinträchtigung der Wahrheitsfindung im Strafprozess // NZZ. № 284 vom 06.12.2006. 137 p.
- Riedo C., Fiolka G. Polizeiliche Ermittlung und Vorverfahren. Einleitung des Vorverfahrens – Anwalt der ersten Stunde – Intensität der Strafverfolgung // Heer M. Schweizerische Strafprozessordnung und Jugendstrafprozessordnung. Bern, 2010. P. 14–29.
- Strafprozessordnung // herausgegebend von Dr. Helene Bachner-Foregger. Wien, 2009. 203 p.

References

- Krasheninnikova, N.A. (ed.) (2003) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [Reader on the history of the state and law of foreign countries]. Vol. 2. Moscow.
- Sumin, A.A. & Khimicheva, O.V. (2022) *Vvedenie v ugolovnyy protsess Siriyskoy arabskoy respubliky* [Introduction to the criminal procedure of the Syrian Arab Republic]. Moscow.
- Sumin, A.A. & Khimicheva, O.V. (2020) *Vvedenie v ugolovnyy protsess Koreyskoy narodno-demokraticeskoy respubliki i Respubliki Koreya* [Introduction to the criminal procedure of the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea]. Moscow.
- Kudryavtsev, V.N. (1999) *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy* [General theory of crime qualification]. Moscow.
- Albertini, G. (2010) Art. 215. In: Niggli, M., Heer, M. & Wiprächtiger, H. *Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung*. Basel.
- Konovalov, S.G. (2018) *Elementy germanskoy modeli dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse postsovetskikh gosudarstv* [Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal proceedings of post-Soviet states]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
- Konovalov, S.G. (2018) *Elementy germanskoy modeli dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse postsovetskikh gosudarstv* [Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal proceedings of post-Soviet states]. Law Cand. Diss. Moscow.
- Konovalov, S.G. (2023) *Postsovetskie reformy dosudebnogo proizvodstva v svete germanskikh protsessual'nykh institutov* [Post-Soviet reforms of pre-trial proceedings in light of German procedural institutions]. Moscow.
- Zaytsev, A.O. (2013) [The content and mechanisms for protecting the rights of the accused taken into custody in the criminal procedure legislation of Germany]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF S.P. Shcherby* [Proceedings of the international conference dedicated to the 75th anniversary of S.P. Shcherba, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation]. Moscow. pp. 187–201. (In Russian).
- Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks FRG – Strafprozessordnung. Nauchno-prakticheskiy kommentariy i perevod teksta zakona so vstupitel'noy stat'yey professora Uve Khel'mana* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany – Strafprozessordnung. Scientific and practical commentary and translation of the text of the law with an introductory article by Professor Uwe Hellmann]. Potsdam.
- Camenzind, H. (2007) "Anwalt der ersten Stunde" – ein zentraler Teil der neuen Schweizerischen Strafprozessordnung. *Anwaltsrevue*. 8.
- Zalunardo, R. (1995) Ansicht eines Praktikers zu "Teilnahmerecht der Verteidigung im polizeilichen Ermittlungsverfahren". *Plädoyer*. 4.
- Guidon, P. (2008) Die Schweizerische Strafprozessordnung. *Jusletter*. 15. September.
- Weder, U. (2006) Fragen zum "Anwalt der ersten Stunde", Sorge um Beeinträchtigung der Wahrheitsfindung im Strafprozess. *NZZ*. 284 vom 06.12.2006.
- Riedo, C. & Fiolka, G. (2010) Polizeiliche Ermittlung und Vorverfahren. Einleitung des Vorverfahrens – Anwalt der ersten Stunde – Intensität der Strafverfolgung. In: Heer, M. *Schweizerische Strafprozessordnung und Jugendstrafprozessordnung*. Bern. pp. 14–29.
- Bachner-Foregger, H. (Hrsg.) (2009) *Strafprozessordnung*. Wien.

Информация об авторе:

Трефилов А.А. – кандидат юридических наук, доцент Департамента уголовного права и систем судопроизводства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Trefilov, Cand. Sci. (Law), associate professor, School of Criminal Law, Legal Process and Criminalistics, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 11.12.2024.*

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 11.12.2024.*